

Іюля 1826 года.

„Пров 4

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1855

издаваемая

ИСКАНДЕРОМЪ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ ИЗДАТЕЛЕМЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ

"... Да здравствуетъ разумъ!.."

А. ПУШКИНЪ.

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858.

„Пров 49“

Б-ка центрального

Н 673
53

"Полярная Звѣзда" скрылась за тучами Николаевскаго царствованія.

Николай прошелъ и Полярная Звѣзда является снова въ день нашей Великой Пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями.

Русское періодическое изданіе, выходящее безъ цензуры, исключительно посвященное вопросу русскаго освобожденія и распространенію въ Россіи свободнаго образа мыслей, принимаетъ это названіе, чтобъ показать непрерывность преданія, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство.

Россія сильно потрясена послѣдними событіями. Что бы ни было, она не можетъ возвратиться къ застою; мысль будетъ дѣятельнѣе, новые вопросы возникнутъ — неужели и они должны затеряться, заглохнуть? Мы не думаемъ. Казенная Россія имѣетъ языкъ и находитъ защитниковъ даже въ Лондонѣ. А юная Россія, Россія будущаго и надеждъ не имѣетъ ни одного органа.

Мы предлагаемъ его ей.

Съ $\frac{\text{18 Февраля}}{\text{3 Марта}}$ Россія вступаетъ въ новый отдѣлъ своего развитія. Смерть Николая больше нежели смерть человѣка,

смерть началъ, неумолимо строго проведенныхъ и дошедшихъ до своего предѣла. При его жизни они могли кое-какъ держаться, упроченныя привычкой, опертыя на желѣзную волю.

Послѣ его смерти — нельзя продолжать его царствованія.

Мы не сражаемся съ мертвыми. Съ той минуты, какъ докторъ Мандтъ шопотомъ сказалъ Наслѣднику : " Каротида не бьется больше"—страстность въ нашей борьбѣ замѣнилась холоднымъ разборомъ прошлаго царствованія.

Двѣ главныя мысли, безъ всякаго единства, мѣшавшія другъ другу, опредѣляютъ характеръ Николаевскаго правленія.

Продолженіе Петровскаго преданія въ внѣшней политикѣ;

Противудѣйствіе Петровскому напраленію въ внутреннемъ развитіи;

Расширеніе предѣловъ и вліянія въ Европѣ и Азіи, съуживаніе всякой гражданственности въ Россіи.

Все для государства, т. е. для престола, ничего для людей.

Воротиться къ патріархально-варварской власти царей московскихъ, не утратя ничего изъ цезарскаго величія петербургскаго императорства, такова была задача Николая.

Царь московскій, этотъ византійскій деспотъ, окруженный попами и монахами, одѣтый въ какой-то золоченый халатъ, ограниченный китайскимъ церемоніяломъ и дурнымъ государственнымъ устройствомъ, всего меньше солдатъ. Имиераторъ петербургскій, какъ только отказывается отъ образовательныхъ началъ Петра — только солдатъ.

Николай съ перваго дня своего воцаренія объявляетъ войну всякому образованію, всякому свободному стремленію. Онъ подогрѣваетъ вялое православіе, гонитъ Уніатъ, уничтожаетъ вѣротерпимость, не пускаетъ Русскихъ за границу, обкладываетъ безобразной пошлиной право путешествовать, терзаетъ Польшу за ея политическое развитіе, открываетъ мощи, которымъ Петръ запретилъ являться, и смѣло ставитъ на своемъ

знамени, какъ бы въ насмѣшку великимъ словамъ на хоругви французской революціи : Самодержавіе, Православіе, Народность !

Самодержавіе—какъ цѣль. Вотъ наивная философія исторіи русскаго самодержца.

Ему все удается. Не потому чтобъ онъ имѣлъ чрезвычайную силу (*), а потому, что низость міра его окружавшаго—была чрезвычайна.

Вершина его величія была та минута, когда онъ прочелъ донесеніе Паскевича : "Венгрія у ногъ в. в!" Николай забылся до кротости, ему было жаль, когда свирѣпый мальчишка перевѣшалъ генераловъ, отдавшихся ему на слово.

Но не одна Венгрія была у его ногъ, а вся Европа. Ибо вездѣ былъ свой Гёргей, много Гёргеевъ.

Орлеанскіе журналы, смиренно прощая оскорбленія Николая Людовику Филиппу, называли его Агамемнономъ и звали спасать то образованіе, во имя котораго начали союзники войну противъ него.

Мѣщане становились на свои жирныя колѣнки—и звали русскія пушки на защиту собственности и религіи.

Австрія была до того обязана Николаемъ, что хотѣла, по словамъ Шварценберга, удивить міръ своей неблагодарностію. Это много значитъ въ классической странѣ коварства и неблагодарности !

Прусскій король пилъ за его здоровье. Остальные разночинцы изъ нѣмецкихъ владыкъ ѣли, на его счетъ, приданое великихъ княженъ.

Николай торжествовалъ. Но возлѣ Зимняго Дворца, т. е. возлѣ Петропавловской крѣпости, открыли общество Петрашевскаго. Стало революціонная мысль при всѣхъ усиліяхъ

(*) Какъ я сказалъ въ Гановеръ-Румъ на годовщинѣ польской революціи въ 1853.

не убита, бродитъ въ умахъ, заставляетъ биться сердца. Появленіе этихъ благородныхъ, самоотверженныхъ, прекрасныхъ юношей передъ коммиссіей было зловѣщимъ memento mori для Николая. Призракъ 14 Декабря являлся не даромъ черезъ двадцать пять лѣтъ, цвѣтущій, поюнѣлый. Что-же было выиграно страшнымъ гнетомъ дома и вселенской низостію?

Къ тому-же послѣ торжества наступила страшная пустота. Безплодность самодержавія, ставящаго себя цѣлью, оказалась вполнѣ на другой день послѣ побѣды.

Ни одной плодотворной мысли, ни одного улучшенія, все сѣдѣетъ вмѣстѣ съ Николаемъ, старѣется, костенѣетъ. Онъ могъ одно сдѣлать, освободить крестянъ, онъ хотѣлъ этого — но трудно, страшно трудно для неограниченнаго монарха — дать чему-нибудь волю. . .

Въ томъ-же положеніи находился другой деспотизмъ. Онъ тоже торжествовалъ; онъ тоже усмирилъ свою Польшу, его Польша называется только Франціей. Порядокъ царилъ въ Парижѣ и ему было нужно что-нибудь дѣлать.

Наполеонъ и Николай играли другъ другу въ масть. Они выдумали войну.

Война все перемѣнила! Николай первый упалъ въ пропасть открытую имъ; онъ не послѣдній—будьте увѣрены.

Николаевское управленіе опущено съ нимъ вмѣстѣ въ могилу. Не бойтесь, оно не воскреснетъ; можетъ быть хуже, но не можетъ быть того-же.

Мы почти ничего не знаемъ о его преемникѣ. Но обстоятельства его восшествія на тронъ опредѣляютъ долю его положенія помимо его воли.

Какая разница!

Шаткой ногой входитъ Николай на престолъ, вмѣсто старшаго брата своего. Его встрѣчаетъ бунтъ, онъ побѣждаетъ его

картечью, но за падшими рядами открывается колосальный заговоръ. Въ немъ вся Россія — крестьянинъ представленъ солдатомъ; Рюриковъ домъ — князьями; генералы покрытые славой, люди покрытые почетомъ, литераторы, офицеры, чиновники въ Петербургѣ, въ Москвѣ, вездѣ — участвуютъ въ заговорѣ. Онъ боится знать, что Адлербергъ, его другъ, Суворовъ, внукъ князя Италійскаго, замѣшаны — и освобождаетъ ихъ отъ суда; императоръ Александръ чуть самъ не былъ въ заговорѣ; Сперанскій и Карамзинъ писали по его приказу хартіи.

Николаю предстояли двѣ дороги, сдѣлаться главой движенія, овладѣть имъ и идти впередъ, или задавить его и идти противъ теченія, пока есть силы. Онъ выбралъ послѣднее и до настоящей войны выдержалъ свою роль. Но движеніе, которое его увлекло въ войну, лучшее доказательство, что онъ не остановилъ, не осилилъ его, и человѣкъ, начавшій тѣмъ, что обезоружилъ все — мысль и руку — кончилъ призваніемъ къ оружію всей Россій, даже крѣпостной.

Что-же похожаго на четырнадцатое декабря въ восемьнадцатомъ февралѣ? Нельзя новому императору отвѣчать картечью на геройскую защиту Севастополя; нельзя запретить всякое слово, когда къ нему приходятъ одни сказать, что они даютъ свою кровь, другіе, что они даютъ свои деньги на защиту Россіи. А Россія не хотѣла войны, она раззорена ею, война очевидно не нужна для нея. Но тутъ уже рѣчь не о быломъ, не о желаніи, а о спасеніи цѣлости государства; народъ идетъ поправлять своей кровью, царскую вину — а ему новый царь будетъ отвѣчать Сибирью, новымъ гнетомъ?—Полноте!

Въ 1825 году вся Европа стояла за Николая, въ 1855 вся Европа противъ Александра. Легко пренебрегать стономъ народнымъ, когда нѣтъ внѣшняго врага, но трудно посылать людей на смерть, съ оскорбленіемъ и браннымъ словомъ на

прощанье. Они добудились до того, что война становится народной. Народъ снова имѣетъ нѣчто общее съ царемъ— оттого-то царь и будетъ зависить отъ него.

Четырнадцатое Декабря родилось тоже въ минуту одушевленія, когда народъ въ первый разъ послѣ Пожарскаго шелъ рука въ руку съ правительствомъ. Мысль русскаго освобожденія явилась на свѣтъ въ тотъ день, когда русскій солдатъ, усталый послѣ боевъ и длинныхъ походовъ, бросился наконецъ отдохнуть въ Тьюлерійскомъ саду.

И неужели черезъ сорокъ лѣтъ пройдетъ даромъ гигантскій бой въ Тавридѣ?

Севастопольскій солдатъ, израненный и твердый какъ гранитъ, испытавшій свою силу, также подставитъ свою спину палкѣ какъ и прежде? Ополченный крестьянинъ воротится на барщину также покойно, какъ кочевой всадникъ съ береговъ каспійскихъ, сторожащій теперь балтійскую границу, пропадетъ въ своихъ степяхъ? И Петербургъ видѣлъ понапрасну англійскій флотъ?—не можетъ быть. Все въ движеніи, все потрясено, натянуто..... и чтобъ страна такъ круто разбуженная, снова заснула непробуднымъ сномъ?

Лучше пусть погибнетъ Россія!

Но этого не будетъ. Намъ здѣсь вдали слышна другая жизнь, изъ Россіи потянуло весеннимъ воздухомъ. Мы и прежде не сомнѣвались въ народѣ русскомъ, все написанное и сказанное нами съ 1849 года свидѣтельствуетъ объ этомъ. Основаніе типографіи еще больше свидѣтельствуетъ. Вопросъ шелъ о времени, онъ разрѣшился въ нашу пользу.

Только не слѣдуетъ ошибаться въ одномъ; обстоятельства— многое, но не все. Безъ личнаго участія, безъ в о л и, безъ труда—ничего не дѣлается вполнѣ. Въ этомъ-то и состоитъ все величіе человѣческаго дѣянія въ исторіи. Онъ творитъ ее, и исполненіе ея судебъ зависитъ отъ его верховной воли. Чѣмъ

обстоятельства лучше, тѣмъ страшнѣе отвѣтственность передъ собой и передъ потомствомъ.

Мы призываемъ къ труду. Это не много, но физіологически важно; мы сдѣлали первый шагъ, мы раскрыли калитку — идти ваше дѣло!....

Первый томъ "Полярной Звѣзды" выйдетъ Двадцатаго Іюля (1 Августа), второй къ Новому Году.

Планъ нашъ чрезвычайно простъ. Мы желали бы имѣть въ каждой части одну общую статью (Философія революціи, Соціализмъ), одну историческую или статистическую статью о Россіи или о мірѣ Славянскомъ; разборъ какого-нибудь замѣчательнаго сочиненія, и одну оригинальную литературную статью; далѣе—смѣсь, письма, хроника и пр.

"Полярная Звѣзда" должна быть, и это одно изъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ, убѣжищемъ всѣхъ рукописей, тонущихъ въ императорской цепсурѣ, всѣхъ изувѣченныхъ ею. Мы въ третій разъ обращаемся съ просьбой ко всѣмъ грамотнымъ въ Россіи, доставлять намъ списки Пушкина, Лермонтова и др.. ходящіе по рукамъ, извѣстные всѣмъ — (Ода на свободу, Кинжалъ, Деревня, пропуски изъ Онѣгина, изъ Демона, Торжество смерти, Поликратъ Самосскій.....)

Рукописи погибнутъ наконецъ — ихъ надобно закрѣпить печатью.

Первый томъ нашъ богатъ. Писатель необыкновеннаго таланта и рѣзкой діалектики прислалъ намъ, только что разнесся слухъ о "Полярной Звѣздѣ", превосходную статью подъ заглавіемъ "Что такое государство?" Мы перечитывали ее десять разъ, удивляясь смѣлости и глубинѣ революціонной логики автора.

Другой анонимъ прислалъ намъ "переписку Бѣлинскаго съ Гоголемъ". Переписку эту мы знали прежде отъ самаго Бѣлинскаго, она надѣлала нѣкоторый шумъ въ 1847 году. Во

всякомъ случаѣ нѣтъ никакой нескромности ее напечатать; она прошла черезъ столько рукъ, даже полицейскихъ, что печатая ее, мы собственно печатаемъ извѣстное. Бѣлинскій и Гоголь не существуютъ болѣе, Бѣлинскій и Гоголь принадлежатъ къ русской исторіи; полемика между ними слишкомъ важный документъ, чтобъ не обнародывать его изъ малодушной деликатности.

Съ этими двумя статьями нашъ первый томъ обезпеченъ. Мы печатаемъ въ немъ сверхъ того отрывки изъ "Былое и Думы", разборъ книги Мишле "La Renaissance" и пр.

Цѣна каждаго тома 8 шиллинговъ—(10 франковъ).

Адресоваться въ Лондонѣ: Trübner & C°, 60, Paternoster Row.

Рукописи могутъ быть адресованы прямо къ Издателю или въ Русскую Типографію—M. L. Czerniecki—2 Judd Street, Brunswick Square, London. Въ обоихъ случаяхъ рукописи должны быть франкированы.

ИСКАНДЕРЪ.

ПИСЬМО

КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ.

Смотри въ волненіи народы,
Смотри, въ движеньи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ.
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье истреби. . . .

(К. РЫЛѢЕВЪ—Ода В. К. Александру Николаевичу—1823 г. Августа 30.)

Государь,

Ваше царствованіе начинается подъ удивительно счастливымъ созвѣздіемъ. На Васъ нѣтъ кровавыхъ пятенъ, у Васъ нѣтъ угрызеній совѣсти.

Вѣсть о смерти Вашего отца Вамъ принесли не убійцы его. Вамъ не нужно было пройти по площади облитой русской кровью, чтобъ сѣсть на тронъ, Вамъ не нужно было казнями возвѣстить народу Ваше восшествіе.

Лѣтописи Вашего дома едва-ли представляютъ одинъ примѣръ такого чистаго начала.

И это не все.

Отъ Васъ ждутъ кротости, отъ Васъ ждутъ человѣческаго сердца.—Вы необыкновенно счастливы!

Судьба, случайность, все—окружило Васъ чѣмъ-то говорящимъ въ Вашу пользу. Вы одни изъ всѣхъ Вашихъ родились въ Москвѣ и родились въ то время, какъ она воскресала къ новой жизни послѣ очистительнаго пожара. Бородинскія и Тарутинскія пушки, едва воротившіяся изъ-за границы, еще покрытыя парижской пылью, возвѣстили съ высотъ Кремля о Вашемъ рожденіи. Я пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ ихъ, и помню.

Рылѣевъ привѣтствовалъ Васъ совѣтомъ (вѣдь Вы не можете отказать въ уваженіи этимъ сильнымъ бойцамъ за волю, этимъ мученикамъ своихъ убѣжденій?) Почему именно Ваша колыбель внушила ему стихъ кроткій и мирный? Какой пророческій голосъ сказалъ ему, что на Вашу дѣтскую голову падетъ со временемъ корона?

Васъ воспиталъ поэтъ, котораго любила Россія.

Въ день Вашего совершеннолѣтія была облегчена судьба нашихъ мучениковъ.—Да, Вы удивительно счастливы!

Потомъ Ваше путешествіе по Россіи. Я его видѣлъ — и больше, я его очень помню; черезъ Ваше предстательство моя судьба географически улучшилась, меня перевели изъ Вятки во Владиміръ—я не забылъ это.

Сосланный, въ дальнемъ за-волжскомъ городѣ, я смотрѣлъ на простую любовь, съ которой шелъ Вамъ на встрѣчу бѣдный народъ, и думалъ: "Чѣмъ Онъ заплатитъ за эту любовь?"

Вотъ оно, время уплаты и какъ она Вамъ легка! Дайте волю Вашему сердцу. Вы вѣрно любите Россію—и Вы можете такъ много—много сдѣлать для народа русскаго.

Я тоже люблю народъ русскій, я его покинулъ изъ любви, я не могъ, сложа руки и молча, остаться зрителемъ тѣхъ ужасовъ, которые надъ нимъ дѣлали помѣщики и чиновники.

Удаленіе мое не измѣнило моихъ чувствъ; середь чужихъ, середь страстей вызванныхъ войной, я не свернулъ моего знамени. И на дняхъ еще, во мнѣ англійскій народъ всенародно привѣтствовалъ народъ русскій.

Разумѣется, моя хоругвь—не Ваша, я неисправимый Соціалистъ, Вы самодержавный Императоръ; но между Вашимъ знаменемъ и моимъ можетъ быть одно общее — именно та любовь къ народу, о которой шла рѣчь.

И во имя ея я готовъ принести огромную жертву. Чего не могли сдѣлать ни долголѣтнія преслѣдованія, ни тюрьма, ни ссылка, ни скучныя скитанія изъ страны въ страну — то я готовъ сдѣлать изъ любви къ народу.

Я готовъ ждать, стереться, говорить о другомъ, лишь бы у меня была живая надежда, что Вы что-нибудь сдѣлаете для Россіи.

Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ нашу грудь отъ недостатка простора, она стопетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь. . . намъ есть что сказать міру и своимъ.

Дайте землю крестьянамъ,—она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостнаго состоянія, залечите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій — эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку.

Отецъ Вашъ, умирая — не бойтесь, я знаю, что говорю съ сыномъ — признался, что онъ не успѣлъ сдѣлать всего что хотѣлъ для всѣхъ своихъ подданныхъ... Крѣпостное состояніе явилось какъ угрызеніе совѣсти въ послѣднюю минуту.

Онъ не успѣлъ въ тридцать лѣтъ освободить крестьянъ!

Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите его отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить...

. . . Я стыжусь, какъ малымъ мы готовы довольствоваться; мы хотимъ вещей, въ справедливости которыхъ Вы такъ-же мало сомнѣваетесь, какъ и всѣ.

На первый случай намъ и этого довольно. . .

— Быть-можетъ — на той высотѣ, на которой Вы стоите, окруженные туманомъ лести, Вы удивитесь моей дерзости; можетъ даже разсмѣетесь надъ этой потерянной песчинкой изъ семидесяти милліоновъ песчинокъ, составляющихъ Вашъ гранитный пьедесталъ.

А лучше не смѣяться. Я говорю только то, о чемъ у насъ

молчатъ. Для этого я и поставилъ на свободной землѣ первый русскій станокъ; онъ какъ электрометръ показываетъ дѣятельность и напряженіе сгпетенной силы. . .

Нѣсколько капель воды, не находящія выхода, достаточны чтобъ разорвать гранитную скалу.

Государь, если эти строки дойдутъ до Васъ, прочтите ихъ беззлобно, одни — и подумайте потомъ. Вамъ не часто придется слышать искренній голосъ свободнаго Русскаго.

ИСКАНДЕРЪ.

10 Марта 1855.

I.

ФИЛОСОФІЯ РЕВОЛЮЦІИ И СОЦІАЛИЗМЪ.

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО?

"У колыбели всѣхъ властей, рѣшительно, всѣхъ, встрѣчаемъ мы насиліе... Но всѣ власти отрекаются отъ такого происхожденія... Пользуясь своей давностью, онѣ говорятъ, будто бы онѣ основаны на иныхъ началахъ".

ГИЗО. (Исторія Европейской Гражданственности, урокъ 3ій.)

— Что такое Государство?

— Тайное общество, заговоръ—отвѣчаю я.

. . . — Что-жъ, это шутка? — пародія на Прудоновское изрѣченіе о собственности?—говоритъ читатель.

— Нисколько не шутка и не пародія того изреченія, а развѣ только дополненіе къ нему.

Прудонъ сказалъ: "Что такое собственность? — Кража".

Я говорю: Что такое государство? — Заговоръ имущихъ собственность противъ неимущихъ.

— Но что-же тайнаго въ существованіи государствъ? — Кто-же не знаетъ о немъ?—Для кого можетъ государство быть тайнымъ обществомъ, когда всѣ люди въ народѣ отъ монарха до послѣдняго простолюдина, завербованы въ это общество?

— Да цѣль-то, на которую онъ далъ себя завербовать въ члены этого общества, составляетъ тайну для простолюдина!

Она отъ него скрываема. Онъ по большей части и сказать не умѣетъ зачѣмъ, на что онъ платитъ подать, приноситъ себя на жертву государству.

Ему говорятъ агенты тайнаго общества "Правительства": "Ты долженъ платить подать, потому-что всѣ платятъ, всѣ съ нами и за насъ, кромѣ незначительнаго числа злодѣевъ, которые за то и не избѣгаютъ наказанія".

Говорить каждому человѣку порознь: "Ты съ нами, не правда-ли? — всѣ съ нами",—уловка общеупотребительная у заговорщиковъ для увлеченія толпы.

Въ учебныхъ заведеніяхъ агенты - профессора толкуютъ юношамъ для какой цѣли они отродясь, безъ собственнаго согласія, безвыходно на вѣки вѣчные, завербованы въ тайное общество государство. Но вмѣсто того, чтобъ дать удовлетворительное объясненіе, профессора умышленно затемняютъ вопросъ отвлеченными словами; выдаютъ, па пр., государство за какое-то страховое общество, учрежденное для безопасности. Но—безопасности отъ чего?—противъ чего застраховка? — это никогда ясно не высказываемо юношамъ.

Тайна—какъ о цѣли, для которой, такъ и о средствахъ, которыми ведется общество Государство—хранима въ каждомъ народѣ небольшимъ числомъ людей, называемыхъ именно потому "Тайными совѣтниками" или, вообще, "государственными людьми". Эти люди во всѣхъ странахъ составляютъ небольшое количество семействъ или родовъ. Частью по лѣни, частью по невозможности лично управлять всѣмъ народомъ, они въ извѣстной степени пріобщаютъ къ государственной тайнѣ, посвящаютъ ивъ ее, и людей изъ чуждыхъ имъ родовъ, но никогда не иначе, какъ подвергнувъ ихъ предварительно долголѣтнимъ, строгимъ испытаніямъ, никогда не иначе какъ искусивъ напередъ преданность посвящаемыхъ интересамъ тайнаго общества. Отъ непосвященныхъ-же въ тайну, государственные люди требуютъ одного: слѣпаго, безпрекословнаго довѣрія къ нимъ, какъ къ своимъ благодѣтелямъ, какъ къ "отцамъ отечества", какъ къ людямъ, безъ которыхъ они: (непосвященные) натерпѣлись бы несказанныхъ бѣдствій. Въ

АКАДЕМІИ.

такомъ довѣріи или повиновеніи заставляютъ они людей давать клятвы-присяги, и вслѣдствіе сего они выдаютъ каждаго ими непокорнаго за клятвопреступника, за безчестнаго человѣка, не держащаго своего слова.

Постараюсь описать какъ составились тайныя общества, называемыя Государствами.

I.

Вступить съ кѣмъ-нибудь въ союзъ, составить общество, значитъ: раздѣлить съ нимъ какой-нибудь трудъ. Нѣтъ, и не можетъ быть, обществъ, которыя бы ни были основаны на раздѣленіи труда, на обмѣнѣ произведеній (товаровъ) труда, раздѣленнаго между членами общества. Мѣна, обмѣнъ, торгъ одно и то-же. И такъ можно утвердительно сказать: нѣтъ общества, которое бы ни было торговымъ обществомъ.

Такъ и государство есть торговое общество.

Кто-же въ немъ торгующіе, обмѣнивающіе между собою свои товары-произведенія?

Съ одной стороны, государственные люди или правительство; съ другой, подданные или народъ.

Подданные работаютъ въ потѣ лица и производятъ всѣ богатства, какія только есть на землѣ. Изъ нихъ они отдаютъ правительству часть, именуемую податью, изъ которой правительство беретъ себѣ жалованіе. Въ замѣнъ этого жалованія правительство даетъ народу распредѣленіе податей, т. е. даетъ направленіе производительнымъ жизненнымъ силамъ; оно даетъ ему сверхъ того сужденія (творитъ судъ), указанія (указы, законы); словомъ, даетъ умъ, мысли, направленіе воли.

— Но что-же во всемъ этомъ тайнаго? — восклицаетъ съ косой усмѣшкой неблагосклонный мой читатель.[1]

— Тутъ все — тайна, начиная ужъ съ того, что никакое правительство не хочетъ признаться, что оно торговая компанія. А не хочетъ оно потому, что въ душѣ сознаетъ, что

промышляетъ такимъ товаромъ, какимъ честнымъ промышленникамъ торговать не подобаетъ. Скажите, какъ возможно честнымъ образомъ брать деньги за умъ, за мысли, за сужденія? Какое, гдѣ мѣрило между цѣнностью мысли и цѣнностью произведеній труда механическаго, которая одна первоначально и собственно представляема монетой? Каждый можетъ разсчитать сколько времени и труда ему нужно, чтобъ произвесть кусокъ хлѣба. А кто-же можетъ измѣрить сколько труда и времени ему нужно было для того, чтобъ набресть на умную или на глупую, на истинную или на ложную мысль, на вдохновеніе? — И, сверхъ того, развѣ мысли уменьшаются, убываютъ оттого, что ими подѣлишься, такъ какъ убываетъ кусокъ хлѣба, когда имъ подѣлишься съ другими? Мысль какъ огонь. Сколькимъ ни давай засвѣтить свои свѣчи объ ту, которую ты держишь зажженною у себя въ рукѣ, у тебя-то вѣдь свѣта не убудетъ, твоя свѣча вѣдь оттого не погаснетъ. Продавать мысли за деньги, это все-равно, что скупиться на огонь, на свѣтъ, на пламень; это все-равно, что скрыть свѣтъ подъ спудъ и говорить проходящимъ мимо васъ въ темнотѣ: "У меня есть свѣтило, вы идете по краю пропасти; какъ разъ можете обступиться; я готовъ вамъ засвѣтить ваши свѣчи, по сколько вы мнѣ за то дадите?" Наконецъ, умомъ промышлять такъ-же позорно, какъ промышлять поцѣлуями, красотою. Красота, крѣпость здоровья, точно такъ-же какъ расторопность ума, драгоцѣнныя блага, не всѣмъ въ удѣлъ достающіяся, рѣдкія; онѣ, точно такъ-же, какъ блестящія умственныя способности, были доселѣ удѣломъ — не "чернаго народа", а — аристократическихъ родовъ. Онѣ, такъ-же, какъ счастливое устройство мозга, обыкновенно (не говорю: всегда) вырабатываются поколѣніями живущими въ довольствѣ. Нужда истощаетъ, притупляетъ, дѣлаетъ чахлымъ не только самаго того человѣка, который ее претерпѣваетъ, но и дѣтей имъ порождаемыхъ, которыхъ онъ не въ состояніи порядочно вскормить, не только воспитать. Но уже не говоря о томъ, что для того чтобъ другіе за нихъ работали, изнурялись и тѣмъ самымъ доставляли прародителямъ первыхъ средства ихъ

взлелѣять,—изъ чего слѣдуетъ, что эти, первые, своими преимуществами обязаны именно изнурявшимся и должны за то воздать ихъ потомкамъ,—не говоря уже объ этомъ, я спрашиваю читателя, котораго предполагаю одареннымъ высокимъ умомъ: было-ли бы честно съ его стороны, еслибъ онъ сталъ промѣнивать на трудовыя произведенія другихъ то, что ему-то самому досталось даромъ, по наслѣдству?—Спрашиваю читательницу, которую предполагаю красавицей: было-ли бы честно съ ея стороны, еслибъ она требовала отъ другихъ то, что они пріобрѣтаютъ въ потѣ лица, за удовольствіе взглянуть на ея изящную осанку, которую она вѣдь не сама-же себѣ дала?[2]

Дѣло въ томъ, что вовсе не все можетъ истинно быть обращено въ спеціальность или ремесло; занятія не могутъ быть произвольно раздѣляемы людьми между собою. Другими словами (такъ какъ раздѣленіе занятій значитъ общество): сочетаніе людей въ общества, составленіе между ними союзовъ столь-же мало нѣчто произвольное, столько-же подлежитъ извѣстнымъ законамъ, сколько сочетаніе химическое. Далеко не каждая (механическая) смѣсь тѣлъ представляетъ (химическій) союзъ этихъ тѣлъ.

Есть предѣлы дѣлимости нашихъ отправленій, т. е. есть дѣла, которыя каждый изъ насъ долженъ непремѣнно самъ за себя отправлять и не можетъ исполнять за другаго; (непремѣнно! т. е. если онъ не хочетъ погибнуть;) и именно потому, что каждый изъ насъ недѣлимое (individuum).—Если я подряжаюсь за другого мыслить, брать вмѣсто него рѣшенія по какому пути ему идти, то тѣмъ самымъ я обязываюсь избавить, отрѣшить его отъ его собственнаго ума, отъ его собственной воли. Мы съ нимъ тогда раздѣлили занятія такимъ образомъ, что на меня имѣютъ перенестись отправленія его головы. Голова его, послѣ этого, должна собственно быть уже не на его плечахъ, а на моихъ, чужихъ ему. Исполнимъ-ли такой подрядъ? . . А вѣдь правительства беруть его на себя и говорятъ, что они его исполняютъ.

— Да все таки я ничего невижу тайнаго въ томъ, что занятія такъ раздѣлены между людьми, что одни мыслятъ, хотятъ, заботятся ("пекутся") за другихъ, а эти другіе работаютъ за первыхъ мышцами, замѣчаетъ мнѣ читатель. Какое-же правительство не выдаетъ себя торжественно за "главу" народа?—Кажется этотъ секретъ разглашается довольно громко уже со временъ знаменитаго государственнаго мужа Менения Агриппы, которому именно такимъ объясненіемъ удалось усмирить возмутившихся-было римскихъ Плебеевъ и уговорить ихъ возвратиться въ повиновеніе къ Патриціямъ,

Да и какъ можно называть неестественнымъ образъ раздѣленія труда, на основаніи котораго управленіе или правительство составляютъ спеціальность нѣкоторыхъ людей, когда этотъ порядокъ длится тысячелѣтія, нѣсколько видоизмѣняется иногда такъ называемыми революціями, но въ сущности остается непоколебимъ! Какъ ни странно, но, видно, большинству людей искони пріятнѣе слагать свою голову на чужія плечи, а самимъ ходить безголовыми туловищами; видно, Іезуиты вѣрно знаютъ человѣческую природу, твердя тѣмъ, которыхъ они обращаютъ: "вѣрьте, что слушаться спокойнѣе чѣмъ повелѣвать; ничто не можетъ быть лучше для человѣка чѣмъ ходить руководиму старшимъ его такъ-же покорно, какъ ходитъ трость въ рукахъ старца . . ."

Наконецъ, если отношеніе между правительствомъ и народомъ, какъ вы говорите, торговая сдѣлка, то тѣмъ самымъ правительство оправдано; если правительство предлагаетъ свой товаръ, да притомъ находитъ ему сбытъ, то вѣдь это возможно лишь потому, что народъ, съ своей стороны, дѣлаетъ спросъ на этотъ товаръ. Торговыя сдѣлки — отношенія полюбовныя, добровольныя . . .

— Нѣтъ! торгъ торгу рознь, и далеко не всѣ торги дѣла полюбовныя, миролюбныя. Доселѣ весьма рѣдко спросъ соотвѣтствовалъ предложенію, потребность предлагаемымъ для нея средствамъ. Сначала въ каждой отрасли промышленности предложеніе предшествуетъ спросу, товаръ навязываемъ продавцемъ покупателю. Лишь впослѣдствіи, когда покупатель

уже успѣлъ ознакомиться съ товаромъ, прывыкнуть къ нему, найдти его по чему-либо соотвѣтственнымъ своимъ нуждамъ, является съ его стороны запросъ, заказъ. Торговля до того, въ сущности, не мирное дѣло, что она даже вездѣ возникла изъ хищническихъ набѣговъ, и первые торговцы были ничто иное, какъ морскіе разбойники, а не кроткіе "гости". Не говорю только о Финикіянахъ и Карѳагенцахъ, объ извѣстномъ стихѣ Виргилія : Timeo Danaos, et dona ferentes, а напоминаю, что и Ганза и Венеціанцы, наконецъ и современные намъ Англичане (воевавшіе съ Китайцами за то, что эти хотѣли-было не покупать отъ нихъ опіумъ) не руководствовались правилами Общества друзей мира.

Вообще сношенія между людьми начинаются не иначе какъ враждою, боемъ, состязаніемъ. Ужиться, поладить между собою есть цѣль, есть предѣлъ, къ которому люди постепенно приближаются, а вовсе не исходная точка ихъ развитія. Сначала сладить, совладать съ человѣкомъ значитъ : поработить его себѣ. Въ Книгѣ Бытія говорится, что когда на землѣ было всего два брата, тогда первымъ дѣломъ было то, что одинъ другого умертвилъ, завидуя его стаду.—Лишь со временемъ сильный міра сего, т. е., просто сказать, разбойникъ нападаетъ на мысль, что для него выгодно не убивать слабаго побѣжденнаго, и даже не грабить его до тла, а оставлять ему и жизнь и изъ произведеній его что крайне необходимо для того, чтобъ рабъ могъ продолжать работать, производить, и чтобъ разбойникъ-побѣдитель могъ, по мѣрѣ того, какъ рабъ что наработаетъ, отнимать это у него періодически. Другими словами : разбойникъ предпочитаетъ постепенный, разсроченный грабежъ и умерщвленіе однократному ; онъ предпочитаетъ отнимать—не произведенное, а—производимое. Съ этой цѣлью разбойникъ налагаетъ руку или клеймо свое на все что служитъ для побѣжденнаго орудіемъ для добыванія себѣ средствъ жизни. Земля, дорога, строеніе, лѣсъ, скотъ побѣжденнаго, все объявляется собственностью побѣдителя, который становится между ними (: орудіями-то производства :) и побѣжденнымъ-производителемъ и говоритъ послѣднему : "Я могъ убить тебя;

я не сдѣлалъ этого, Цѣни мое великодушіе и помни мою милость! Я не только оставляю тебѣ дыханіе, но я даже готовъ дать тебѣ и способы пропитывать себя. Здѣсь все мое. Хочешь пользоваться имъ? — пользуйся; я дозволяю тебѣ проѣздъ къ тому моему полю чрезъ эту мою дорогу и заставу, дозволяю тебѣ пахать поле, засѣвать его и собирать съ него жатву, но какъ оно мое, то ты столько-то изъ сноповъ, которые ты пожнешь, принесешь на мой господскій дворъ. И горе тебѣ, если ты, за мое великодушіе, попытаешься отплатить мнѣ неблагодарностью, т. е. показать меньшее число сноповъ, чѣмъ то, которое въ самомъ дѣлѣ будетъ тобою набрано".

Это говоритъ разбойникъ тѣмъ изъ невольниковъ, которыхъ онъ не заблагоразсуждаетъ оставить при своей особѣ, во своемъ дворѣ, и которые называются крестьянами, поселянами, разныхъ наименованій. Тѣмъ-же, которыхъ онъ при своей особѣ оставляетъ,—дворовымъ холопамъ его,—величество гласитъ: "Ребята, или Малые! вы, чай, знаете, что вы—мои, что я каждаго изъ васъ могу повѣсить на первой осинѣ. Но я не хочу этого! Напротивъ того, я хочу прокармливать каждаго изъ васъ, обувать и одѣвать, дать каждому почлегъ подъ моей кровлей. Понимаете-ли вы всю необъятность моего милосердія?—(онъ не сдѣлалъ все то зло, которое онъ могъ сдѣлать; онъ не сдѣлалъ того, что ему показалось излишествомъ, ненужнымъ) — за то вы будете мнѣ денно и нощно служить вѣрой и правдой, т. е. исполнять все что бы я ни приказалъ. И горе неблагодарному преступнику!"

Условія, на которыхъ побѣдитель оставляетъ побѣжденному жизнь и даетъ ему разработывать что-либо, называются впослѣдствіи законы гражданскіе. Угрозы, тѣмъ, которые вздумали бы нарушать эти условія, это законы уголовные.

За тѣмъ проходятъ годы, поколѣнія смѣняются поколѣніями, какъ на сторонѣ побѣдителей, такъ и на сторонѣ побѣжденныхъ. Между потомками тѣхъ и другихъ воспоминаніе объ ожесточенной борьбѣ, бывшей, при завоеваніи, постепенно утрачиваетъ свою живость; ненависть между внуками не столь яростна, сколько она была между ихъ дѣдами. Это на-

зываютъ постепеннымъ смягченіемъ нравовъ народа, и состоитъ въ томъ, что потомки побѣдителей находятъ гораздо пріятнѣе въ мирѣ и тишинѣ пользоваться хоть бы меньшими доходами съ своей собственности (т. е. трудами побѣжденныхъ), чѣмъ вырывать ихъ насильственно, хотя бы и въ большемъ количествѣ. Побѣжденные, съ своей стороны, предпочитаютъ "худой миръ доброй ссорѣ".—И вотъ на устахъ у всѣхъ слова: Миръ, упроченіе мира.—Побѣдители слагаютъ съ себя оружіе и приходятъ уже безъ копій, панцырей и мечей на площади собраній. Этотъ моментъ оставался долго памятенъ древнимъ; народы Греціи хвастались тѣмъ, у котораго изъ нихъ это событіе совершилось раньше чѣмъ у другихъ; Ѳукидидъ (I, 6) говоритъ, что честь первенства принадлежитъ его, Аѳинскому народу. Переворотъ этотъ въ нравахъ называется такъ-же переходомъ изъ варварства въ гражданственность (по гречески politeia, откуда французскія слова police и politesse.)

И такъ вотъ мы уже въ періодѣ процвѣтанія полиціи или "управъ благочинія", "благоустроенныхъ" государствъ и правительствъ! Насиліе, "грубая сила", грубое приневоливаніе оффиціально презираемы какъ безчинство, какъ "нарушеніе общаго порядка, мира, спокойствія, тишины, согласія"; наконецъ—"любви", которыя объявляются существующими между гражданами. Сохранять, поддерживать миръ и порядокъ, вотъ цѣль общества, въ которое теперь люди устроились, сложились и которое называется Государствомъ.

Прекрасно! — И такъ уже изглажены всѣ воспоминанія борьбы, вражды, бывшей между людьми?—отъ завоеванія или покоренія одного племени другимъ уже не осталось никакихъ слѣдовъ?—Нѣтъ больше ни господъ, ни рабовъ, а есть лишь равные между собою, другъ друга любящіе граждане' "сыны" одного и того-же любезнаго отечества и потому "братья" между собою?

Нѣтъ! — дѣло не совсѣмъ такъ. Цѣль "благоустроеннаго" государства есть, разумѣется, сохраненіе, содержаніе порядка, однажды установленнаго; оттого оно и называется по-латине

Status, словомъ выражающимъ стойкость, неподвижность, по-русски Держава, словомъ, намекающимъ на сжатый кулакъ, который смыкаетъ людей, не даетъ имъ разойтись, своевольничать.—Возлѣ державы всегда находится ей на помощь въ случаѣ нужды скипетръ, слово греческое (skeptron), значущее: палка. И то и другое, и скипетръ и держава, всегда представляемы въ лапахъ какого-нибудь животнаго, но непремѣнно хищнаго, какъ на-пр. орла, и т. п..... Цѣль "благоустроеннаго" государства есть, разумѣется, сохраненіе, содержаніе мира; оно потому только и существуетъ, что миръ заключенъ. Но—миръ не бываетъ заключенъ безъ договоровъ, уговоровъ, оговорокъ,условій; миръ—"не беззаконный"; его главное условіе или главный законъ—чтобъ вонъ то, что на гербахъ государственныхъ изображено подъ видомъ хищнаго звѣря, орла, либо льва, чтобъ оно въ мирѣ и тишинѣ (тайнѣ) пользовалось плодами трудовъ своихъ предковъ—трудовъ состоявшихъ въ умерщвленіи тысячей людей и порабощеніи сотней тысячъ другихъ. Государство полагаетъ себѣ цѣлью упрочить не иной какой-либо порядокъ вещей, не иныя какія-либо отношенія между людьми, не иной какой-либо миръ какъ тотъ или тѣ, въ которомъ или которыхъ оно при возникновеніи своемъ застаетъ людей. А какъ оно всегда и вездѣ возникаетъ лишь послѣ покоренія одного племени другимъ, лишь послѣ установленія послѣднимъ Собственности, то порядокъ, упрочиваемый государствомъ, есть не иной чѣмъ установленный силою, насиліемъ, войною.

Гдѣ не было нашествія иноплеменныхъ, тамъ нѣтъ и "благоустроенной" собственности (особенно поземельной, первобытной), тамъ нѣтъ учрежденія, называемаго "благо"-устроеннымъ государствомъ, имѣющаго назначеніемъ быть оплотомъ собственности. Болѣе того,—чѣмъ нашествіе иноплеменныхъ гдѣ было сильнѣе, покореніе или завоеваніе ими туземцевъ полнѣе, тѣмъ тамъ и собственность и государство благоустроеннѣе, прочнѣе, крѣпче, рѣзче, опредѣленнѣе развиты: — У патріархальныхъ народовъ, у которыхъ всѣ люди одноплеменны, болѣе или менѣе родственники между собою, не видать

ни письменныхъ законовъ, ни ясно-очерченной частной собственности, ни властей въ родѣ государственныхъ. Они кочуютъ съ мѣста на мѣсто; вмѣсто законовъ есть у нихъ лишь кой-какіе неопредѣленные, не строго обязательные обычаи; если есть и собственность, то лишь общинная, родовая, принадлежащая цѣлому племени въ совокупности; если и есть власти или начальства, то лишь родовыя, походящія на родительскія, семейныя, на власти старшинства. — Отчего? Да когда-же родные, друзья, полагаютъ между собою форменыя, казенныя условія? — Зачѣмъ бы имъ это дѣлать? — Условія, договоры, законы поставляются лишь какъ предохранительныя мѣры, какъ рубежи, предѣлы (коны), ограды, между другъ другу не довѣряющимися; и степень точности ихъ изложенія всегда соразмѣрна степени недовѣрія между договаривающимися сторонами. Въ странахъ, гдѣ и бывали нашествія иноплеменныхъ, но гдѣ эти не осѣдали, какъ на-пр. въ Россіи (напоминаю Варяговъ и Татаръ, — но не Нѣмцевъ), тамъ и государственныя учрежденія, всѣ относящіяся къ собственности — остались въ шаткомъ, неопредѣленномъ видѣ[3]. Естественно, что наплывъ племенъ былъ сильнѣе, что нашествія ихъ оставляли больше осадка — въ тѣхъ краяхъ, которые привлекали племена своимъ климатомъ и плодородіемъ почвы, и изъ которыхъ, разъ взойдя въ нихъ, они не могли легко двигаться далѣе, находя на такія естественныя границы, какъ моря. Оттого въ южныхъ и западныхъ странахъ Европы государства возникли раньше, чѣмъ въ среднихъ и восточныхъ.

Изъ сказаннаго видно, что коренная погрѣшность Государства состоитъ въ томъ, что, выдавая себя имѣющимъ цѣлью м и р ъ, оно стремится упрочить результаты з а в о е в а н і я.

Поэтому оно необходимо находится въ л о ж н о м ъ положеніи, должно прибѣгать къ средствамъ лжи: къ таинственности, или скрытности, къ двуличности, хитрости, обману.

Явное насиліе, непосредственное, исчезаетъ при установленіи Государства, но только чтобъ уступить мѣсто косвенному приневоливанію, приневоливанію чрезъ обманъ — насилію благовидному.

Одною изъ главныхъ мѣръ, принимаемыхъ господствующимъ классомъ для удержанія невольниковъ въ покорности, есть внушеніе имъ мысли, что какъ что есть, такъ оно и должно быть и иначе быть не можетъ; эта мысль, справѣдливо сказалъ Эдгаръ Бауэръ[4], есть краеугольный камень Религіи. Религія значитъ: связь, вѣра связующая человѣка. —Всѣ господа искони твердятъ рабамъ: "Нѣсть власти развѣ отъ Бога, а потому, если мы владѣемъ вами, если вы наша собственность[5], если вы намъ при-над-лежите (т. е. вы — прилагательное, придаточное (attributa,) а мы — главное, существительное), а не на оборотъ, то это потому, что Богъ такъ уже разъ на всегда установилъ,—мы сыны Божіи (divi, бог-атыри, бог-атые, бож-ественные, благо-родные, aristoi, дѣти Марса) а вы—сыны человѣческіе".

Стоитъ-ли напоминать, что религія вездѣ и всегда окружаетъ себя таинственносіѣю, что первосвященники люди изъ такихъ знатныхъ родовъ, какъ родъ Юлія Кесаря? . . .

Первый шагъ къ перевороту въ религіозномъ-фаталистическомъ міросозерцаніи совершается тогда, когда люди начинаютъ полагать, что и не только сила, власть и богатства дары отъ Бога, но что и болѣзни и страданія имъ-же низпосылаемы смертнымъ.—Въ древности это воззрѣніе выражено въ Пѣсни Іова; въ новѣйшія времена Руссо возобновилъ его, сказавъ именно: властвующіе похваляются, говоря, что каждая власть отъ Бога, но вѣдь и лихорадки такъ-же отъ него.

Ближайшій выводъ отсюда: — что отъ властей, поставленныхъ хотя бы и Богомъ, но не въ облегченіе судьбъ людей, а въ тягость имъ, такъ-же позволительно стараться избавиться какъ отъ чумы и саранчи.

А отсюда не мудрено дойти и до той мысли, что какъ "судьбы Божіи неисповѣдимы", то почемъ знать кто передъ нимъ выше: бѣдный-ли, искушаемый страданіями, или могучій, искушаемый своей властію?—И вотъ является въ Іудеѣ Сынъ человѣческій, который ничуть не отпирается въ томъ, что онъ сынъ человѣческій, который такъ себя и называетъ, но притомъ говоритъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и Сынъ

Божій и что даже никто ближе чѣмъ онъ не знаетъ его Отца, Бога. Зная "неисповѣдимыя" для другихъ "судьбы Божіи", Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ на предъидущій вопросъ : Предъ Богомъ Лазарь выше богача ; предъ Богомъ первые будутъ послѣдніе, и послѣдніе первые.—Онъ,—глава, вождь своихъ, его обожающихъ, послѣдователей,—онъ омываетъ имъ ноги, какъ слуга, и тѣмъ сокрушаетъ всякое чинопочитаніе[6].—Онъ говоритъ, что скорѣе верблюдъ пройдетъ сквозь ушко иголки, чѣмъ богатый человѣкъ выйдетъ въ царство небесное или Божіе[7], т. е. въ тотъ порядокъ вещей, который не есть настоящій, а имѣетъ лишь впредь быть установленъ Богомъ. Нынѣ-же не Богъ, а Дьяволъ—"Князь міра сего", говоритъ Христосъ.—Для водворенія царствія небеснаго людямъ, по ученію Христа, прежде всего нужно отвергнуть право частной собственности[8], оставить взысканіе долговъ[9] и раздѣлять между собою произведенія своихъ кровныхъ трудовъ, произведенія добываемыя въ потѣ лица — хлѣбъ и вино — по братски.[10]

Явно, что съ такимъ ученіемъ Государство не могло существовать. Либо Христово ученіе, либо Государство должно было пасть.

Христосъ этого не скрывалъ отъ своихъ приближенныхъ, онъ прямо говоритъ : Не думайте, что я пришелъ миръ принесть на землю : я не миръ, но мечъ принести пришелъ[11]. Ему, разумѣется, нужно было сперва распространить свое ученіе, которое онъ называлъ "Доброю вѣстью"—и доброю именно для бѣднаго народа[12],—распространить его сперва, говорю я, между бѣднымъ народомъ, составить себѣ изъ этого народа многочисленное войско, прежде нежели вступить въ открытый бой, — въ бой вооруженною рукою — противъ Государственныхъ властей. Оттого онъ часто бывалъ въ необходимости не только лично скрываться изъ города въ городъ, изъ села въ село[13], изъ страны въ страну, бѣжать иногда даже въ степь, но онъ бывалъ принужденъ и скрывать прямой смыслъ своего ученія передъ лазутчиками-шпіонами (:Фарисеями и Иродіанами :), которыхъ правительство къ нему под-

сылало.—Кому не извѣстно, что правительство ("князь міра сего", Дьяволъ, сказано въ Евангеліи[14]), развѣдавъ что Христосъ соединился съ Іоанномъ Крестителемъ, который самъ имѣлъ большое число послѣдователей[15], развѣдавъ также, что Христосъ находился въ крайней нищетѣ[16], попыталось переманить его на свою сторону, прельщая, ("искушая") его предложеніемъ ему власти, т. е. высокаго, важнаго мѣста въ правленіи? — Кому не извѣстно, что Христосъ отослалъ "искусителя" къ "чорту"? Кому не извѣстно, что тѣ-же самые лазутчики-шпіоны подъѣхали однажды[17] къ нему съ запросомъ : А какъ по вашему? слѣдуетъ-ли платить подати царю?—Христосъ, "познавъ ихъ лукавство", отвѣчалъ: Лицемѣры!—что искушаете (: шпіоните :) вы меня? Покажите мнѣ монету, платимую въ подать.—Они подали ему денарій.—Чье изображеніе, чья надпись тутъ? спросилъ онъ ихъ,—Кесаря.—Ну такъ отдавайте кесарю что кесарево, отвѣчалъ онъ, а Богу отдавайте лишь то, что Божіе.—И лазутчики, — говоритъ Евангелистъ,—ушли смущенные.

Но, благодаря попамъ, умышленно читающимъ скороговоркою нѣкоторыя мѣста Евангелія, многіе упускаютъ изъ виду, что Христосъ именно съ гнѣвомъ, съ негодованіемъ высказалъ знаменитое "кесарю кесарево", что онъ далъ имъ, понять, чтобъ они убирались, отстали отъ него, не надоѣдали ему ихъ кесаремъ и всѣмъ, что къ кесарю относится. А между-тѣмъ это вовсе не иносказательно высказано въ Евангеліи Матѳея гл. XXII, ст. 15, 16, 18, въ Евангеліи Марка гл. XII, ст. 13, 15, особенно-же явственно у Матѳея въ гл. XVII, ст. 24 — 27[18].

Христосъ наконецъ былъ казненъ какъ Государственный преступникъ, когда правительству удалось подкупить измѣнника Іуду[19].

Но со смертію Христа не прекратилось распространеніе и дѣйствіе "Доброй вѣсти".

II.

Когда вѣрная мысль возникаетъ въ человѣчествѣ, распинать людей на крестахъ, вѣшать ихъ, растрѣливать, ссылать на каторгу или сажать въ тюрьмы — средства недостаточныя, чтобъ остановить распространеніе мысли. Поэтому гоненія, воздвигнутыя на Христіанъ императорами, какъ они ни были свирѣпы, скорѣе способствовали къ торжеству Евангелія чѣмъ подѣйствовали во вредъ ему. Поэтому Апостолъ Павелъ нанесъ гораздо менѣе вредъ ученію Христову, когда онъ, подъ именемъ Саула, съ лютой яростью[20] преслѣдовалъ Христіанъ, чѣмъ когда онъ, ставъ Апостоломъ, началъ искажать самую мысль Христа, втѣснивъ въ нее пресловутое свое ученіе о необходимости повиновенія каждой власти[21]. — Этимъ онъ сдѣлалъ Христу больше вреда, чѣмъ самъ Іуда Искаріотъ.

Господствующимъ сословіямъ удалось лишь тогда совершенно затмить первоначальный, простой, практическій смыслъ Евангелія, перетолковать его въ свою выгоду, сдѣлать изъ него оплотъ своей власти, — представить простолюдинамъ Іисуса Христа какимъ-то приторно-чувствительнымъ человѣкомъ, наговорившимъ будто бы множество непонятныхъ вещей, относящихся не столько къ этой жизни, сколько къ существованію загробному, толковавшимъ будто бы преимущественно не о водворѣніи "царствія Божіяго" на землѣ, а о царствіи Божіемъ за облаками; — имъ удалось отвлечь умы отъ нравственныхъ, общежитейскихъ мыслей, содержащихся въ Евангеліи, направить вниманіе людей на разборъ вопросовъ о могущихъ быть отношеніяхъ между Богомъ Отцомъ, Богомъ Сыномъ, Богомъ Духомъ Святымъ, Богородицею, Ангелами, и. т. д., — словомъ, сдѣлать изъ христіанскаго ученія ученіе совершенно языческое; — это окончательно удалось господствующимъ сословіямъ, когда произошелъ въ Римской имперіи тотъ огромный переворотъ, который называется въ исторіи переселеніемъ народовъ. — Христіанство пало вмѣстѣ

съ древнимъ, классическимъ міромъ, въ которомъ оно возникло. — Правда, и то и другое впослѣдствіи воскресли; но сперва было возстановлено языческое государственное воззрѣніе древнихъ; потомъ лишь стало возставать изъ мертвыхъ и Христово воззрѣніе. Можно съ Бѣлинскимъ[22] утвердительно сказать, что подлинное значеніе Евангельскаго ученія стало воскресать лишь съ конца прошедшаго столѣтія.

Римское государство не дожило до преобразованія своего въ общество Христіанское; оно распалось, сломилось подъ напоромъ на него тѣхъ племенъ, которыя были исключены изъ круга его образованности, которыхъ Римъ презиралъ, называя себя Міромъ-Градомъ (urbs et orbis). Слѣдствіемъ этого переворота совнѣ было то, что "преображеніе", "возрожденіе" человѣчества, какъ выражались Христіане, было отстрочено на десятки вѣковъ, что люди теперь—при нѣкоторыхъ различіяхъ, о которыхъ я упомяну — вообще не далѣе ушли впередъ на пути общественнаго устройства, уживчивости, согласованія или улаживанія своихъ интересовъ, чѣмъ до той точки, на которой уже были древніе непосредственно передъ эпохою переселенія народовъ, во время распространенія ученія Христова въ Римской имперіи. — Я объясняю себѣ это слѣдующимъ образомъ:

Сколько ни было лжи, лицемѣрія или—по вѣжливому выраженію Римскихъ правовѣдовъ — Фикцій (fictiones) въ основѣ всего устройства языческаго Римскаго общества, люди въ немъ все-таки на столько было уже обжились, что они дорожили міромъ, цѣнили миролюбіе. Поэтому можно принять, что еслибъ они не были развлечены вторженіемъ Варваровъ, они бы не долго продолжали, для сохраненія права собственности, вести войну между собою ложью и хитростями, что они сложили бы съ себя оружія обмана, какъ они уже разъ, уставъ воевать между собою копьемъ и мечемъ, сложили съ себя оружія боевыя. Глубокая тоска, томившая тогда людей[23], свидѣтельствуетъ, что образъ жизни, который они дотолѣ вели, успѣлъ-было уже имъ надоѣсть. Проживъ въ осѣдлости нѣсколько вѣковъ сряду, древніе имѣли досугъ развить въ себѣ

мышленіе; они были доступны голосу разсудка, истины. Этому доказательства — дошедшія до насъ (т. е. не истребленныя подъ предлогомъ ереси позднѣйшими вселенскими соборами) писанія такихъ отцовъ церкви, какъ на-пр. Августинъ, Тертуліанъ. — Можно допустить, что древніе, благодаря хранившейся у нихъ въ памяти тысячелѣтней вереницѣ опытовъ, чрезъ которые прошли ихъ предки, были въ состояніи разсудить, что — Если люди желаютъ жить въ безопасности другъ отъ друга и обезпечить себя сколь возможно противъ случайностей внѣшняго человѣку міра, то этого нельзя имъ достигнуть, держась системы частной собственности, т. е. частныхъ запасовъ (épargnes) (откладываемыхъ въ сторону, скрытыхъ или сокрытыхъ сокровищъ), а только развѣ введеніемъ гласной системы круговой поруки (solidarité) между людьми, только равнымъ участіемъ всѣхъ и каждаго въ общемъ страховомъ обществѣ —

— Страховомъ отъ чего?—перебиваетъ меня читатель.

— И Боже мой! — какъ отъ огня такъ и отъ града, какъ отъ наводненій такъ и отъ неурожаевъ, какъ отъ бѣшенныхъ собакъ такъ и отъ бѣшенныхъ людей, въ родѣ Нероновъ; словомъ, отъ всего грозящаго опасностью, и слѣдовательно отъ Зондербундовъ т. е. обществъ людей вооружающихся и держащихъ въ тайнѣ цѣль, съ которой они вооружаются, отъ Правительствъ, отъ Государствъ . . . . . Продолжаю :

Можно допустить, мнѣ кажется, что древній міръ былъ близокъ къ тому, чтобъ извлечь изъ долголѣтней своей опытности въ дѣлѣ общежитія подтвержденіе мысли, указанной Христомъ, что : Каждому изъ насъ присущій, непреодолимый инстинктъ самосохраненія (: упроченія, утвержденія своего существованія, или "спасенія себя", уцѣлѣнія :) не удовлетворимъ ни крѣпкими замками на нашихъ "житницахъ", ни булатнымъ мечемъ стража, котораго мы, приставляемъ къ охраненію замковъ житницъ и того, что въ житницахъ. Снутри—житницы подвержены "червьямъ и ржѣ"[23] ; снаружи— сторожъ съ мечемъ можетъ погибнуть отъ меча - же[24] (: въ вольномъ переводѣ : "палка о двухъ концахъ" :). Не привя-

зываясь къ вещамъ, а лишь вступая въ честный, дружескій, обоюдно-выгодный союзъ съ себѣ подобными, можетъ человѣкъ стать—изъ случайности, подверженной всякимъ непредвидимымъ, неотвратимымъ имъ однимъ, ненастьямъ судьбы — нѣчто упроченное, застрахованное. На аксіомѣ, что значительное число случайностей, вмѣстѣ взятыхъ, выходятъ изъ подъ зависимости слѣпаго, непредвидимаго Случая (hasard) и становятся подъ постоянные, легко-исчислимые Законы Природы,—на этой аксіомѣ основаны всѣ нынѣшнія частныя общества застрахованія. Личные труды земледѣльца Н. П. могутъ въ извѣстный годъ остаться втунѣ, но если онъ заключилъ договоръ съ милліонами другихъ и въ этомъ договорѣ выговорилъ: Если меня-де, П. П., постигнетъ такая-то бѣда и я не соберу съ обрабатываемаго мною поля нужнаго мнѣ количества хлѣба (именно: столько-то), то такіе-то (имярекъ) обязуются снабдить меня по мѣрѣ силъ своихъ, съ тѣмъ, что я, съ моей стороны, обязуюсь дѣлать то-же въ такомъ-же случаѣ противъ каждаго изъ нихъ; — если П. Н. заключилъ такой союзъ (который ничто иное какъ переложеніе заповѣди: Люби ближняго яко самого себя; дѣлай другимъ что ты хотѣлъ бы, чтобъ они дѣлали тебѣ), то не вѣроятно, чтобъ Н. Н. не превозмогъ постигшей его невзгоды. Невзгоды никогда не бываютъ повсюдны, всегда предвидимы въ б о л ь ш и х ъ р а з м ѣ р а х ъ. А впрочемъ, еслибъ и случилось всеобщее несчастіе . . . э! такъ—"на людяхъ и смерть красна"; горекъ... "горекъ жребій одиночества среди людей".—Разумѣется, что съ подобными договорами право частной собственности не совмѣстимо. На что копимъ мы, откладываемъ мы въ сторону, если не на "черный день", какъ говорится?—т. е., если не на то, чтобъ въ "черный день" не имѣть нужды прибѣгать къ пособію ближняго?—Мы дѣлаемъ запасы не для того, чтобъ быть въ союзѣ, чтобъ общиться съ людьми, а, напротивъ того, чтобъ быть независимыми отъ ихъ пособій. Но достигаемъ-ли мы навѣрное этимъ путемъ нашей цѣли?.... Не говоря теперь уже ни о червяхъ, ни о ржѣ, ни о татяхъ, какой запасъ неистощимъ, если наступитъ рядъ голодныхъ годовъ? какой не

лишенъ, не сгніетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ изобилія? . . . .

— "Да мы въ года плодородные будемъ прошлогоднюю рожь въ запасныхъ нашихъ магазинахъ свѣжею замѣнять!"

— Въ такомъ случаѣ вы полагаетесь на трудъ, на текучую производительность, на непрерывное продолженіе работъ, а не на самый готовый запасъ сложенныхъ въ житницы произведеній. Но полноте, скопидомы! Извѣстно, какимъ образомъ вы помышляете сдѣлать запасецъ вашъ неистощимымъ на вѣки вѣчные. Не въ годину общаго благоденствія намѣреваетесь вы его подновить. Нѣтъ, вы ликуете, когда вамъ снятся семь тощихъ коровъ Фараона. Запасаясь, вы дѣйствительно разсчитывали на "черный день", но только на черный для ближнихъ вашихъ, и тѣмъ самымъ свѣтлый для васъ. Не собственную вашу нужду-бѣду имѣли вы въ виду, дѣлая запасъ, а нужду - бѣду ближняго вашего. Ею-то считаете вы воспользоваться, и благодаря ей хотите вы — не только стать сами независимыми отъ вашего сосѣда, но еще сдѣлать его зависимымъ отъ васъ. Вотъ что собственно у васъ на умѣ, а рѣчи ваши объ обезпеченіи личной вашей независимости — только предлогъ.

И вы подлинно думаете, что взимая проценты съ нуждающихся за то, что вы ссужаете ихъ тѣмъ, что для васъ лишнее, тѣмъ что вы сами потребить не въ силахъ—вамъ удастся — и самимъ, и дѣтямъ вашимъ, и внучатамъ, и правнукамъ —проживать, свой вѣкъ въ лѣни и изобиліи? . . . Можетъ быть на вашъ вѣкъ и хватитъ этой продѣлки? можетъ - быть она вамъ удастся и еще нѣсколько поколѣній сряду. Но вѣчно, и на вѣрное—это удаваться не можетъ.

Вѣдь для того, чтобъ богатые могли безпрерывно жить процентами, или доходами съ своей собственности, пускаемой въ ростъ (не хранимой уже въ частныхъ житницахъ!), надобно, чтобъ должники никогда не выходили изъ долговъ. Бѣда богатымъ, если должники разбогатѣютъ и возвратятъ имъ вмѣстѣ съ процентами и капиталы ихъ, не нуждаясь въ нихъ болѣе. Что богачи тогда будутъ дѣлать съ своими капиталами?

Что будутъ они съ ними дѣлать, скажите мнѣ, если они не будутъ болѣе нигдѣ находить людей нуждающихся въ ихъ капиталѣ?— Но имъ равно бѣда и въ томъ случаѣ, если должники обѣднѣютъ, раззорятся до того, что у нихъ нечѣмъ будетъ платить проценты, что у нихъ не будетъ силъ вырабатывать проценты. Вѣдь "на нѣтъ и суда нѣтъ".

И такъ, что-же богатымъ остается дѣлать?

Блюсти за тѣмъ, чтобъ должники держались "середка-наполовинѣ", ни слишкомъ богатѣли, ни черезъ чуръ бѣднѣли.

Это-то и ставятъ себѣ втайнѣ задачею государственные мужи, какъ видно изъ ихъ дѣйствій, мѣръ, какъ между-прочимъ мы узнали и изъ обмолвки покойнаго министра Канкрина, смѣявшагося надъ тѣми, которые серьозно ожидаютъ, что правительства будутъ не на-шутку заботиться о разбогащеніи народовъ; — (разбогатѣютъ, говорилъ онъ, вѣдь отъ рукъ отобьются![25]) и отъ министра Гизо, сказавшаго знаменитое "le travail est un frein" (работа узда народу).

Но исторія свидѣтельствуетъ, что когда разъ собственность выходитъ изъ состоянія недвижимости въ движимость,— когда она разъ пущена въ оборотъ (circulation),— словомъ, когда она (proprietas) перестала однажды быть простою барщиною, господствомъ (auctoritas), т. е. прямымъ, непосредственнымъ приневоливаніемъ раба работать на господина, и стала косвеннымъ, либеральнымъ, принужденіемъ работника работать на господина, изъ-за отдаваемой послѣднимъ первому земли въ оброкъ, либо принужденіемъ слуги работать на хозяина изъ-за наемной платы, либо принужденіемъ должника работать на заимодавца въ зачетъ долга; тогда никакая правительственная сила не въ состояніи остановить собственность на полъ-пути описываемаго ею оборота. Этотъ оборотъ или круговоротъ состоитъ въ томъ, что движимая собственность, разъ занявъ мѣсто возлѣ недвижимой, постепенно поглощаетъ послѣднюю? затѣмъ, движимые капиталы вступаютъ въ соперничество (concurrence) между собою, при чемъ большіе подрываютъ меньшіе. Эти, какъ говорятъ, обанкручиваются. — Тогда тщетно Солоны въ Аѳинахъ, Ликурги

въ Спартѣ, Нееміи въ Іудеѣ [26], стараются положить предѣлъ постепенному поглощенію среднихъ состояній громадными, объявляя государственнымъ закономъ, что не въ примѣръ будущимъ временамъ, займы, сдѣланные до извѣстнаго дня могутъ быть не уплачиваемы; тщетно еще заранѣе Моисей установляетъ черезъ каждые 49 лѣтъ юбилейный годъ въ который каждому должнику должна быть возвращаема земля, отданная имъ подъ залогъ[27]. Какъ ни Солонъ, ни Ликургъ, ни Моисей, ни Неемія не искореняютъ права собственности, а лишь подстригаютъ отростки этого древа распри и лжи, то оно вскорѣ вмѣсто отрѣзанныхъ отпрысковъ пускаетъ новые,—собственность воспринимаетъ свой, лишь на время задержанный, оборотъ. Онъ достигаетъ наконецъ своего предѣла, когда съ одной стороны остается весьма маленькое число несмѣтно богатыхъ капиталистовъ, съ другой въ нищенскомъ положеніи почти цѣлыя народонаселенія странъ находящихся между собою въ торговыхъ сношеніяхъ. Тогда массы уже такъ обѣднѣли, что онѣ не только не представляютъ надёжныхъ заемщиковъ, но даже не имѣютъ на что покупать товары, торговля которыми въ рукахъ капиталистовъ. Посему и торговля, и ссуда, и наемъ, всѣ сдѣлки, посредственно вытекающія изъ права собственности, должны прекратиться; собственность должна остановиться въ своемъ движеніи, т. е. стать—чѣмъ она была первоначально — недвижимою; (или — уничтожиться, быть снятою чѣмъ либо ей высшимъ;) земля вся тогда принадлежитъ большимъ капиталистамъ; не-капиталисты, имѣя предлагать имъ лишь свои руки, становятся подёнщиками, рабами бароновъ новаго рода—бароновъ уже не отъ копья, а отъ копѣйки. —Въ Римѣ въ послѣднія времена оставалось такимъ образомъ послѣ исчезновенія всѣхъ Плебейскихъ родовъ на все народонаселеніе лишь двѣ тысячи собственниковъ [28]

И такъ, подумай ты, господинъ средней руки, который нынѣ выступаешь яростнѣйшимъ поборникомъ "священнаго" права собственности, — что предстоитъ, если не тебѣ самому, то твоимъ потомкамъ, которыхъ вѣдь ты, выдающій себя за защитника Семьи, долженъ-же любить?—Одно изъ двухъ:

либо стать, по-неволѣ, въ ряду многочисленнаго класса ничего не имѣющихъ, кромѣ рукъ своихъ; либо вылетѣть въ постепенно уменьшающееся число несмѣтно-богатыхъ. Явно, что въ лотереѣ, въ которую ты играешь, гораздо болѣе вѣроятностей, что тебѣ или твоимъ выпадетъ одинъ изъ многочисленныхъ жребьевъ, чѣмъ что вамъ достанется одинъ изъ рѣдкостныхъ. — Разсчётливый семьянинъ! зачѣмъ-же играть въ азартную игру? зачѣмъ не хочешь ты обезпечить и себѣ и дѣтямъ твоимъ вѣрный "хлѣбъ насущный" на каждый Божій день, вмѣсто изобилій въ настоящее мгновеніе съ предстоящей возможностію завтра-же быть въ нищетѣ?.., Средство обезпеченія себѣ хлѣба насущнаго указано въ Евангеліи. Прямой смыслъ его, послѣ того, что онъ былъ утраченъ на долгое время, нынѣ, какъ я уже сказалъ, снова найденъ, и именно людьми, какъ Сен-Симонъ, Фурье, Кабэ, Прудонъ. — Если читаешь ихъ писанія, не держась мертвой буквы, а вникая въ духъ, нельзя не увидѣть, что дѣйствительно мы теперь разрабатываемъ то самое ученіе, которое древніе начинали усматривать по указанію Христа. Мы только иначе теперь выражаемся; говоримъ съ Фурье, что цивилизаціи предстоитъ преобразиться въ Обезпеченность (Garantisme), съ Прудономъ: перейдти въ періодъ Взаимнаго Дароваго Заимодательства (du Crédit mutuel gratuit), съ Эмиль Жирарденомъ: во Взаимное Страхованіе (Assurance mutuelle); но въ основѣ все то-же самое направленіе. — И теперь люди не только въ развитіи умозрѣній снова пришли на ту точку, на которой находился древній міръ въ первые вѣка Христіанскіе; но и въ практической жизни Европы теперь повторяется то, что происходило тогда въ Римской имперіи: — Іюньскіе дни 1848 въ Парижѣ соотвѣтствуютъ соціальнымъ войнамъ въ древней Италіи.....

...Но ты, господинъ средней руки, пожимаешь плечами и отворачиваешься отъ меня — не потому, чтобъ ты думалъ, что я неправду говорю, а..... сказать-ли тебѣ откровенно почему? — Потому-что ты про себя думаешь, чего громко сказать не смѣешь, что тебѣ мало дѣло до участи, ожидающей

твоихъ внуковъ. "Стало бы лишь на мой вѣкъ моего трудомъ скопленнаго, еще съ большимъ трудомъ сохраненнаго, капитала и нынѣ существующаго, защищаемаго мною, выгоднаго для меня, общественнаго устройства!"—говоришь ты про себя. —Да, я знаю, что ты гораздо болѣе на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, любишь семью. Любовь къ семейству, о которой ты столько толкуешь, служитъ тебѣ лишь предлогомъ, подъ которымъ ты скрываешь твою любовь къ холенію самого себя въ лѣни.—И древніе были себялюбивы, Сибариты.—Но вотъ въ чемъ разница между тобою и тѣми древними, вотъ почему древніе доселѣ внушаютъ, даже тебѣ самому, невольное уваженіе къ нимъ, между-тѣмъ какъ ты вѣдь не уважителенъ даже въ собственныхъ твоихъ глазахъ: — Они, при всемъ своемъ себялюбіи, быть-можетъ именно по причинѣ разумнаго своего себялюбія, устроивались какъ будто бы они думали жить вѣчно. Взгляни на развалины ихъ зданій, которыя еще ни зубъ времени, ни сѣкира варваровъ не успѣли истребить; въѣзжай въ Римъ изъ Чивита-Веккіи по дорогѣ Аппія, взгляни на самый Римъ, и я увѣренъ, что, будь ты хоть мелочный лавочникъ, хоть гусарскій офицеръ, ты поймешь, что Римляне не всуе называли свою столицу "вѣчнымъ городомъ".—А знаешь ли ты, что въ томъ-то и состоитъ разница какъ между звѣремъ и человѣкомъ, такъ и между ребенкомъ и взрослымъ, между дикимъ человѣкомъ и образованнымъ, что первые т. е. звѣрь, дитя, дикарь—при всякомъ дѣлѣ говорятъ себѣ: Было бы мнѣ сегодня привольно, а тамъ по мнѣ хоть трава расти! Между-тѣмъ какъ вторые—люди, взрослые, образованные—находятъ такой образъ мыслей недостойнымъ человѣка. — Знаешь-ли ты, что съ человѣкомъ, который заботится только о настоящей ему минутѣ, не обращая вниманія на послѣдующее время, невозможно ужиться? что на него ни въ чемъ нельзя полагаться? что слѣдовательно съ нимъ нельзя заключать союзъ, вступать въ общество? — Онъ какъ разъ пожертвуетъ всѣмъ минутному соблазну. — А нравственно именно - то, что споспѣшествуетъ къ общежитію, говоритъ Прудонъ, какъ безнравственно—то, что не совмѣстимо съ стремленіемъ людей

къ общительности. Нравственно, говорить съ своей стороны Л. Фейербахъ, то, что полезно р о д у (Gattung) человѣческому; т. е. не только нынѣ живущему числу людей, но и грядущимъ поколѣніямъ. Поэтому я осмѣливаюсь поставить слѣдующій афоризмъ: Скажите мнѣ о человѣкѣ какъ велико пространство времени, которое онъ имѣетъ въ виду при общемъ соображеніи своего поведенія, и вы тѣмъ самымъ дадите мнѣ мѣрило его нравственности, укажете мнѣ степень уваженія, на которое этотъ человѣкъ имѣетъ право со стороны своихъ ближнихъ и потомковъ.

Вотъ Варвары - то, которые вторгнулись въ Римскую имперію, именно потому и находились на низшей ступени нравственнаго развитія, чѣмъ древніе, что въ нихъ не было нисколько желанія упрочить свою судьбу (что совпадаетъ съ миролюбіемъ). Эти варвары были истинно дикари[28]. Они предавались невоздержно мгновеннымъ своимъ влеченіямъ; нападали-ли они на готовые припасы, они ѣли и упивались до пресыщенія; отъ пресыщенія они впадали въ ярость, свирѣпѣли, и потому жгли, истребляли все чего они не могли проглотить. Многимъ годамъ надобно было протечь, пока Вандалы пресытились убійствомъ и грабежемъ, пока въ нихъ пробудилось чувство бережливости, и они, движимые имъ, въ свою очередь напали на мысль, уже изношенную древнимъ міромъ, что для побѣдителя выгоднѣе не разомъ убивать побѣжденнаго, не вдругъ все у него отнимать, а—исподволь, —установленіемъ "священнаго" права частной собственности; —на мысль, будто бы бережливость значитъ исключительность, скупость, скряжничество.

Оттого - то съ нашествія Варваровъ человѣчество начало съ-изнова проходить школу общежитія, пройденную-было уже въ мірѣ классическомъ.

III.

Западная Европа вышла изъ періода застоя и несется теперь съ возрастающею быстротою . . . . Но куда, къ чему? — Къ тому-ли, чтобъ, въ свою очередь, развивъ до крайнихъ по-

слѣдствій принципъ частной собственности, придти въ состояніе неподвижности и быть вытѣсненной изъ него натискомъ чуждыхъ племенъ, такъ какъ Римская имперія была сдвинута съ мѣста нашествіемъ Германскихъ? — Или, въ этотъ разъ, образованнѣйшая часть человѣчества предупредитъ толчекъ чтобъ выйдти изъ битой колеи собственности на другой широкій путь и увлечетъ на него за собою все остальное человѣчество?—

Для уясненія себѣ этого вопроса бросимъ взглядъ на развитіе западныхъ обществъ со времени паденія Рима.

Прежде всего замѣчу, что говоря о з а с т о ѣ, происшедшемъ въ развитіи человѣчества, я употребилъ это выраженіе только по тому праву, по которому въ математической географіи утверждаютъ, что солнце останавливается, когда оно вступаетъ въ Поворотные круги[29].—Собственно говоря, застоя не было.

Все время съ V-го вѣка, въ которомъ совершилось паденіе Рима до VIII, Варвары-пришельцы употребили на то, чтобъ придти въ осѣдлость, установить свое покореніе, собственность поземельную.—Эта собственность т р о н у л а с ь, когда завоеватели принялись переводить своихъ рабовъ съ барщины на оброкъ, превращать ихъ въ крѣпостныхъ людей; — что, по мнѣнію Комта[30], произошло во Франціи (исторію которой съ паденія Римской имперіи можно принять за мѣрило о б щ е с т в е н н а г о развитія всей остальной Европы) въ половинѣ VIII столѣтія.

Въ XI оброчныя общины начинаютъ откупаться на волю. Гдѣ помѣщикъ строптивъ, тамъ онѣ берутъ съ боя, чего имъ не хотѣли уступить за деньги.

Въ XII и XIII столѣтіяхъ—крестовые походы.—Землевладѣльцы покидаютъ свои вотчины, отправляясь въ Святымъ Мѣстамъ.—И слава Богу! бѣдные люди вздохнутъ по-вольнѣе, когда они поудалятся отъ нихъ. Да и не мѣшаетъ господамъ помѣщикамъ пристраститься къ бродячей жизни; это повлечетъ за собою "странствующее рыцарство", которое будетъ имѣть послѣдними своими представителями Дон-Хуановъ, да Дон-Кихотовъ,—господъ, съ которыми народу, безспорно, легче

будетъ справиться, чѣмъ съ нхъ предками, людьми закалки Карловъ Мартелей и Роландовъ.—Вкусивъ роскоши на Востокѣ, господа захотятъ завести ее и дома у себя, вызовутъ поэтому къ существованію торговлю и мануфактурную промышленность, которыя обогатятъ не ихъ, а мѣщанъ. Они-же постепенно не только смягчатся въ правахъ, но распустятся, ослабнутъ, раззорятся . . . Благо уже теперь, во времена крестовыхъ походовъ, они входятъ въ долги[31];—на дальній путь, для житья на чужбинѣ имъ нужно имѣть деньги, а пока они не трогались съ своихъ пепелищъ, они могли продовольствоваться домашними издѣліями своихъ дворовыхъ и крестьянъ и жить каждый про себя, особнякомъ. Теперь-же они вовлечены въ омутъ общественной жизни. Разъ взошедши въ долги, имъ изъ нихъ не выпутаться ;— не даромъ проценты называются Ростомъ. — Имъ, г о с п о д а м ъ, имущество досталось по наслѣдству, безъ труда; оттого и нѣтъ въ нихъ той ретивости сохранить его, съ которою х о з я и п ъ-пріобрѣтатель, мѣщанинъ, гонится за нимъ.—Напрасно стараются они государственными законами поставить преграды выходу р о д о в ы х ъ своихъ имѣній изъ ихъ родовъ ; имѣнія перейдутъ въ руки тѣхъ, которые назовутъ ихъ своею благопріобрѣтенною собственностью, какъ будто желая тѣмъ выразить, что, по ихъ мнѣнію, родовая собственность есть дурно пріобрѣтенная.

Ни Конетабль Дюгесклинъ, бравшій приступомъ замки мятежныхъ дворянъ, ни кардиналъ Ришельё, казнившій Монморанси, "перваго барона Христіанства", не нанесли дворянству — представителю недвижимой собственности — удара столь сильнаго, какъ Лудовикъ XIV и его министръ Кольберъ. — Король выманилъ дворянъ на жительство при его пышномъ дворѣ, и превратилъ ихъ изъ независимыхъ бояръ въ царедворцевъ и направилъ ихъ тщеславіе на расточительность. Кольберъ заводитъ фабрики, и именно фабрики для издѣлій роскоши[32]. Онъ полагаетъ, что торговля и мануфактуры главные источники народнаго богатства, а между-тѣмъ и нравы и законы воспрещаютъ дворянамъ заниматься этими отраслями промышленности. — Это ловко со стороны короля.

— По откуда Король, откуда его власть?—Развѣ онъ самъ не изъ дворянскаго рода?—Зачѣмъ-же подрываетъ онъ крѣпость своего собственнаго сословія?

— Да, спачала король былъ только первый между равными ему дворянами (primus inter pares), и не раньше чѣмъ въ XV столѣтій сталъ онъ (: Лудовикъ XI :) называться его величество.—Онъ возвысился надъ своими ровными, потому-что при системѣ частной собственности общество непреодолимо стремится построиться въ видѣ пирамиды, большее богатство постоянно удручая меньшее; король представляетъ вершину общественной пирамиды. — Безспорно, что онъ подтачиваетъ свое ближайшее основаніе, дѣйствуя противъ (дворянства) того сословія, на которое его престолъ опирается непосредственно. Но властолюбіе не разсчетливо, какъ всѣ страсти.—Лишь Лудовикъ XVI замѣтилъ, что преемственная политика его дома: подзадоривать мѣщанъ, т. е. движимую собственность, противъ дворянъ, т. е. недвижимой собственности, пагубна для королевства. Но онъ замѣтилъ это слишкомъ поздно, и тайное сближеніе его съ дворянами противъ средняго сословія, имъ-же самимъ вызваннаго къ государственному управленію, останется безуспѣшно. Дворяне частью бѣгутъ за границу, частью казнимы; король раздѣляетъ участь послѣднихъ. Земли дворянства и высшаго духовенства (составлявшихъ на самомъ дѣлѣ одно и то-же племя) объявляются государственнымъ имуществомъ и переходятъ посредствомъ купли (заступающей теперь мѣсто завоеванія) въ руки зажиточныхъ [33].

Въ этомъ состояла революція 1789 года.—Она была ничто иное, какъ послѣдній актъ борьбы движимой собственности противъ недвижимой.

Въ продолженіи революціи много звучныхъ словъ было высказано о правахъ человѣка, о равенствѣ, свободѣ, братствѣ; большая часть рѣчей была составляема по программѣ заранѣе написанной Жан-Жакомъ Руссо. Но когда Бабёфъ предложилъ выполнить эту программу до того мѣста Книги Общественнаго Договора, въ которомъ говорится о правомѣрности

собственности вообще, тогда республиканцы казнили Бабёфа.

—Съ этихъ поръ управляющіе ходомъ революціи менѣе и менѣе поминаютъ Руссо, все берутъ себѣ въ образцы болѣе героевъ Римской исторіи изъ періода борьбы Плебевъ противъ Патриціевъ. — Это логически; для этихъ героевъ право собственности было священнѣйшимъ постановленіемъ.

Но мало по малу всякія рѣчи умолкаютъ, и торжествующая движимая собственность, чтобъ удержать за собою властъ, такъ же слагается изъ республиканскаго параллепипеда въ пирамиду, какъ то прежде сдѣлала недвижимая собственность. Вершина прошлой называлась феодальнымъ именемъ "Король"; вершина государства, основаннаго на движимой собственности, именуется на Римскій ладъ "Императоромъ". Верховный представитель родоваго имущества, Король, царствуетъ по праву своего рожденія; глава благопріобрѣтателей, Императоръ, пріобрѣтаетъ себѣ престолъ избраніемъ.

Такъ самые титулы, носимые нынѣ Князьями міра сего, указываютъ, что періодъ развитія общественности, въ которомъ мы теперь находимся, соотвѣтствуетъ въ древнемъ мірѣ періоду Кесарей, появленія Евангелія и Варваровъ съ сѣверо-востока.

Благопріобрѣтенная собственность въ противоположность родовой выдаетъ себя за миролюбивую; говоритъ, что миръ —ея жизненное начало. На дѣлѣ оказывается, что и она не можетъ не захватывать все вокругъ себя, не воевать. Разница только въ томъ, что недвижимая гонится за источниками недвижимостей, землями, между-тѣмъ какъ движимая стремится завоевать свои источники — торговлю, пути и мѣста сбыта товарамъ. — Такъ цѣлью войнъ императора Наполеона I не было отнять у другихъ помѣстья и поселить на нихъ своихъ солдатовъ, какъ это сдѣлалъ на-пр. въ 1066 г. Вильгельмъ Завоеватель въ Англіи; Наполеонъ имѣлъ въ виду только заключеніе выгодныхъ торговыхъ трактатовъ.

За то, говорятъ Кандиды нашего вѣка, отъ Наполеона I до Наполеона III прошли сорокъ лѣтъ мирно.—Правда, гоньба за выгодными путями сбыта товаровъ шла въ этотъ періодъ

безъ пушечнаго грома въ Европѣ; между Государствами было перемиріе, которое впрочемъ не разъ грозило рушиться.—То былъ вооруженный миръ, въ продолженіе котораго число постоянныхъ войскъ и крѣпостей было не уменьшаемо, а увеличиваемо.

Главною причиною этому не было со стороны правительствъ опасеніе Россіи, какъ говоритъ Э. Жирарденъ [34]. Съ Россіей съ 1815 года прочія правительства не думали воевать; они, напротивъ того, готовы были ее призывать, и въ самомъ-дѣлѣ призывали, себѣ на помощь.—Войско было содержимо преимущественно какъ оплотъ полиціи; укрѣпленія строились противъ работниковъ въ Парижѣ и Ліонѣ.

Это значитъ, что среднее сословіе, побѣдивъ высшее, повернуло теперь свои штыки противъ низшаго сословія.

Кромѣ штыковъ и картечи у него нечѣмъ отвѣчать на требованія голодающаго народа. Оно находится въ положеніи человѣка, который наговорилъ вамъ множество прекрасныхъ обѣщаній и который, когда вы требуете отъ него, чтобъ онъ сдержалъ слово, отвѣчаетъ вамъ: А не угодно-ли пройдтись со мной на пистоляхъ!—Не только въ продолженіе революціи 1789 г., но и въ періодъ между двумя Наполеонами среднее сословіе надавало на себя пропасть векселей народу. Надсмѣхаясь надъ побѣжденною имъ родовою властью, оно разглашало мысли, подрывающія въ народѣ всякое уваженіе къ власти вообще, слѣдовательно и къ власти самаго средняго сословія. Образчикомъ такихъ мыслей служитъ заимствованный мною эпиграфъ у г. Гизо. — Замѣтимъ, что онѣ разглашались не такъ, какъ разносились ученія въ старинныя времена, а посредствомъ типографскихъ станковъ и усовершенствованныхъ путей сообщеній, невѣдомыхъ древнему классическому міру.—Вообще, по теоріи либераловъ, каждый можетъ стать государственнымъ человѣкомъ, между-тѣмъ какъ не только чтобъ быть подлиннымъ королемъ, или не-поддѣльнымъ барономъ, но даже для того, чтобъ быть поэтомъ (не-самозванцемъ), надобно по общему мнѣнію родиться, имѣть призваніе свыше, — можно быть таковымъ лишь "Божіею

милостію". — Правда, государственный человѣкъ, по мнѣнію либераловъ, ничто иное какъ ораторъ, а объ ораторѣ самъ Квинтиліянъ сказалъ, что онъ "fit", тогда-какъ "poeta nascitur". Но въ глазахъ простонародія, которое куда-какъ аристократичнаго образа мыслей, то чѣмъ всякій можетъ стать, не уважительно. Поэтому-то и понадобилось либераламъ прибавить (опять таки по Квинтиліяну) : Чтобъ быть слушаннымъ въ собраніяхъ государственныхъ людей, "имѣть голосъ", ораторъ долженъ быть еще и "порядочный человѣкъ" (vir honestus), т. е. быть не нищій, имѣть извѣстный доходъ.—Спору нѣтъ, что это прибавленіе дѣльно ; только отъ пользующагося нѣкоторымъ доходомъ можно ожидать, что онъ будетъ поддерживать государственное учрежденіе. Но и тутъ либералы дали промахъ : сначала они назначили цѣну порядочности человѣка ("ценсъ"), кажется, въ 500 франковъ годовой подати, а потомъ спустили ее, если не ошибаюсь, на 200 съ чѣмъ-то. —Это не умно. Какую цѣну разъ товару объявилъ, такой ужъ и держись, торговецъ, и знай-объявляй публикѣ : у насъ-де въ лавкѣ не торгуются. Иначе только товаръ свой роняешь и дѣлаешь, что за революціей 1830 г., сбавившей ценсъ, слѣдуетъ революція 1848 г., которой результатъ отмѣненіе ценса провозглашеніемъ общаго права подачи голоса (suffrage universel) и перенесеніе точки опоры Престола, т. е. вершины государственной пирамиды, съ слоевъ зажиточнаго мѣщанства на слой низшій : на войско и крестьянство, которыя между собою составляютъ такъ-же одно племя, какъ таковое составляли до 1789 г. дворянство и высшее духовенство.

Гораздо важнѣе порожденій литературы либерализма были въ періодѣ между Наполеонами слѣдствія огромнаго развитія мануфактурной промышленности. Это развитіе составляетъ другой фактъ, невѣдомый древнимъ.

Считаю не лишнимъ посвятить ему особую главу.

IV.

При словѣ : Мануфактурная промышленность — невольно приходитъ на умъ раздѣленіе труда,—не то, которое закоснѣло

существуетъ въ нѣдрахъ самыхъ патріархальныхъ хозяйствъ и можетъ, какъ мы это видимъ въ странахъ азіятскихъ, оставаться неизмѣннымъ цѣлые вѣка, а то, которое имѣетъ значеніе историческаго принципа, т. е. развивающееся. — Мануфактурныя или фабричныя издѣлія именно такія, которыя не производятся дома каждымъ изъ ихъ потребителей. — Какъ скоро въ какой-нибудь странѣ заводятся фабрики; семейный бытъ, патріахальный образъ жизни особнякомъ въ ней выводится.

Доколѣ каждая семья производитъ сама (чрезъ своихъ членовъ или рабовъ) все, что употребительно въ домашнемъ обиходѣ, дотолѣ семьи **независимы** одна отъ другой въ отношеніи экономическомъ; и связь (:союзъ, общеніе, общество:) между ними, будь она основана хоть на родствѣ, хоть на сосѣдствѣ, хоть на общемъ ихъ подданствѣ одной государственной власти, еще не самая тѣсная, какая можетъ быть между людьми. Взаимная зависимость людей становится наибольшею, когда одна часть изъ нихъ перестаетъ заниматься производствомъ какого-либо рода издѣлій (положимъ на-пр. кузнецкихъ), тѣмъ болѣе предается вырабатыванію издѣлій всѣхъ остальныхъ обиходныхъ у нихъ родовъ, а на-счетъ покинутаго рода издѣлій полагаетъ, что другая, остальная часть людей ее снабдитъ ими; эта другая часть людей въ свою очередь, оставляетъ всѣ роды работъ (хлѣбопашество, приготовленіе обуви, одежды, плотничество . . .) кромѣ того одного (кузнецкаго), который покинула первая часть; имъ она тѣмъ болѣе и исключительно занимается, а на-счетъ всѣхъ остальныхъ произведеній (пищи, платья, лаптей, строеній) полагаетъ, что первая часть людей ихъ для нея изготовитъ.

— Что побуждаетъ людей такъ раздѣлить свои работы; что побуждаетъ ихъ къ такой пере**дѣлкѣ** своего быта?—къ отреченію отъ независимости?

— Опытомъ дознанная истина, что одна и та-же сумма труда (—усилій, силъ—) даетъ разные результаты, смотря потому, какъ она раздѣлена;—или, на оборотъ:

— что одна и та-же сумма произведеній получается съ

большимъ или меньшимъ трудомъ, смотря потому, какъ этотъ трудъ раздѣленъ.

Эта мысль, на которую—какъ на всѣ важныя открытія—люди набрели играючи, въ часы досуга, доставленнаго имъ какимъ-либо неожиданнымъ избыткомъ произведеній обрабатываемой ими природы (урожаемъ), какимъ-либо случайно обнаружившимся превосходствомъ ихъ производительныхъ силъ надъ кругомъ ихъ потребностей, сначала примѣняема людьми на увеличеніе досуга-же.

Досугъ великая вещь[35]. Онъ необходимое условіе для того, чтобъ человѣкъ пришелъ, углубился въ себя.—Въ часы досуга человѣкъ сознаетъ себя, сознаетъ свою недостаточность. Онъ тогда чувствуетъ, что хотя тѣ потребности, которыя онъ дотолѣ считалъ своими единственными, и удовлетворены, ему все-таки чего-то недостаетъ. — Чего именно — онъ не знаетъ напередъ; его чувство недостаточности принимаетъ неопредѣленный видъ тоски, скуки.

Вялыя натуры стараются избѣжать скуки пресыщеніемъ и умышленною (преднамѣренною, серіозною) игрою, т. е. воспроизведеніемъ того, что они знаютъ, что они чувствуютъ ненужнымъ имъ. Для нихъ праздность, дѣйствительно, матерь всякихъ пороковъ.—Но живыя натуры, для избавленія себя отъ скуки, не возвращаются на то, что ими разъ уже извѣдано какъ не вполнѣ ихъ удовлетворяющее, — онѣ идутъ далѣе, впередъ!—онѣ принимаются бродить — и духомъ и тѣломъ.

Броженіе духа или мысли есть вымыселъ, фантазія, поэзія, т. е. творчество (poieiп значитъ: творить, сочетать, сочинять присущее въ новые образы).—Каждый поэтъ,—мимоходомъ будь сказано,—могъ бы назвать свои творенія, какъ Байронъ, "Часы досуга" (Hours of idleness); въ часы хлопотливости (business) навѣрно ничто не было вымышлено.

Если только человѣкъ примется бродить, какимъ бы то ни было образомъ, то навѣрно его тоска, т. е. его общее неопредѣленное чувство недостаточности, пустоты, сколько-нибудь и на нѣкоторое время опредѣлится: онъ найдетъ на что-нибудь, что онъ приметъ за дотолѣ недоставшее ему дополненіе.

Тутъ досугу конецъ; человѣкъ болѣе не бродитъ, а стремится прямо къ завидѣнной имъ цѣли.

Теперь у него одною потребностью больше противъ прежняго, — больше дѣла; отнынѣ раздѣленіе труда будетъ прилагаемо къ усугубленію производительности.

И такъ на вопросъ: Что побуждаетъ людей выйдти изъ быта особникомъ и вдаваться все дальше и дальше въ раздѣленіе труда, въ общеніе между собою? — мы отвѣчаемъ: Сначала желаніе израсходовать менѣе усилій, имѣть менѣе урочныхъ часовъ, безъ умепьшенія количества произведеній; потомъ—желаніе, не работая "черезъ силу", не истощаясь (болѣе чѣмъ прежде), добывать болѣе произведеній.

Въ обоихъ случаяхъ люди, жертвуя своею независимостью, имѣютъ въ виду сдѣлать для себя легко доступнымъ все то, что они полагаютъ недостающимъ имъ. — Это значитъ: они имѣютъ въ виду быть привольный (aisance, bien-être).

И Независимость и Приволье называются Вольностью, Свободой[36]; но первая — свобода лишь въ отрицательномъ смыслѣ, означаетъ увольненіе отъ всего, отрѣшенность, пустоту; второе—положительная, дѣйствительная или дѣятельная Воля-Свобода; при немъ человѣкъ воленъ на все; оно тождественно съ: могуществомъ, мощью, властью.

Какъ-же происходитъ, что на полъ-пути своего стремленія отъ независимости къ приволью человѣчество попадаетъ въ состояніе, въ которомъ большинству нѣтъ ни независимости, ни приволья? . . . .

Мы выше упомянули, что потребности въ извѣстномъ кругѣ сожительствующихъ людей умножаются постепенно, что общая недостаточность, нецѣлостность человѣка ему мало-помалу обнаруживается въ видѣ разнообразныхъ потребностей. —Есть череда въ ихъ проявленіи; есть первыя потребности, есть потребности второй, и. т. д. степеней.

Мы сказали также: для того, чтобъ въ извѣстномъ кругѣ людей возникла какая-либо второстепенная потребность, чтобъ они устремились удовлетворять ее, надобно чтобъ они пред-

варительно совладали съ первыми своими потребностями, превозмогли эти;

— чтобъ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей у нихъ оставался нѣкоторый досугъ, — оставалось въ распоряженіи нѣкоторое свободное время, — оставались нѣкоторыя свободныя силы;

— надобно, чтобъ люди видѣли себя обезпеченными на нѣкоторое время, т. е. въ возможности (въ состояніи) не посвящать себя работамъ первой крайней необходимости, не рискуя чрезъ такое упущеніе умереть съ голоду.

Сколь великъ излишекъ, сколь велико превосходство производительныхъ силъ общества надъ кругомъ его настоящихъ потребностей, на столько (и ничуть не болѣе) оно можетъ, разсчетливо поступая, перейдти къ пріисканію средствъ для второстепенно возникающихъ въ немъ требованій.

Говоритъ-ли мнѣ, на-пр., петербургскій академикъ Бернгарди въ своей книгѣ Vom grossen und kleinen Grundbesitz, что теперь во Франціи изъ каждой сотни людей 65 должны исключительно заниматься хлѣбопашествомъ, для того, чтобъ произвести сколько нужно съѣстныхъ припасовъ для всей сотни; я заключаю, что во Франціи (не принимая въ разсчетъ иностранной торговли) лишь 35 процентовъ народонаселенія—благоразумно—могутъ посвятить свое время инымъ ремесламъ, чѣмъ земледѣліе.

Бѣда, если эта пропорція будетъ нарушена!—если работники какой-либо одной отрасли промышленности станутъ менѣе необходимы, важны или выгодны для работниковъ всѣхъ остальныхъ отраслей, чѣмъ эти всѣ для первыхъ. Тогда равновѣсіе во взаимной зависимости исчезаетъ, и кто кому болѣ необходимъ, тотъ надъ тѣмъ тяготѣетъ, тотъ, того держитъ въ своей власти.

Скажутъ: пропорціональность въ раздѣленіи суммы народонаселенія на разныхъ родовъ производителей должна измѣняться уже отъ самаго того факта, что производительная сила (ловкость, искуство) работниковъ постепенно возрастаетъ; что сегодня могутъ выработать 65, то черезъ нѣсколько лѣтъ

будутъ въ состояніи произвесть 50 человѣкъ. Тогда для фабричныхъ земледѣльцы нужны будутъ въ отношеніи 35 : 50, между-тѣмъ какъ для земледѣльцевъ фабричные по-прежнему будутъ требоваться въ пропорціи 35 : 65.—Какъ-же съ этимъ быть?

Тутъ представляются три выхода:

Либо земледѣльцы будутъ продолжать работать столько-же времени, въ такомъ-же числѣ, какъ прежде. — Тогда они будутъ производить лишнее, предметы которые не будутъ находить себѣ потребителей; они будутъ предлагать товары и не находить спроса на нихъ.

Либо земледѣльцы умѣрятъ число своихъ рабочихъ часовъ, и оставаясь 65 процентовъ народонаселенія будутъ работать лишь какъ 50.—Я противъ увеличенія досуга ничего не имѣю и нахожу, что лучше ничего не дѣлать, гѣмъ умышленно поступать безотчетливо.

Либо изъ 65-ти 15 человѣкъ покинутъ земледѣліе и посвятятъ себя какой-либо новой спеціальности; они подраздѣлятъ трудъ и употребятъ свои силы и время на отдѣлку, на утонченное, разительное, роскошное, художественное производство того, что и прежде было производимо, но валовымъ образомъ.

Въ послѣднемъ случаѣ каждый членъ общества будетъ въ выигрышѣ, потому-что въ оборотѣ или обиходѣ будутъ теперь издѣлія высшаго сорта, чѣмъ прежде; потому-что каждый, работая не болѣе чѣмъ прежде, будетъ теперь однакожъ въ состояніи получать въ замѣнъ (плату) своей работы болѣе разнообразныя, лучшія издѣлія, чѣмъ бывало.

— Вотъ мы и въ Утопіи! восклицаетъ читатель.

Уже не хочетъ-ли авторъ, чтобъ народы дѣлили и передѣляли трудъ на мирскихъ сходахъ, какъ русскіе крестьяне дѣлаютъ разкладку тяглъ?

— Отвѣчаю: раздѣленіе труда есть именно дѣло общественное, подлежащее разсужденію и обсуженію на народныхъ собраніяхъ. На это только и надобно было бы имѣть Совѣщанія,—а не на то, какъ теперь, чтобъ слушать краснобайство

государственныхъ людей.—Оттого, что доселѣ раздѣленіе и постепенное подраздѣленіе труда не было предметомъ разсужденій на сходахъ мировыхъ, а происходило по частной прихоти,—оттого и всѣ бѣдствія, называемыя: рыночные завалы (encombrements de marché), застой работъ (chômage) бобыльство (prolétariat), нищета (paupérisme).

Раздѣленіе труда само-по-себѣ начало животворное; но къ нему привилось начало собственности, и потому оно принесло ядовитые плоды.

Какъ творится теперь раздѣленіе труда? какимъ образомъ нынѣ человѣкъ покидаетъ патріархальный земледѣльческій бытъ и идетъ въ фабричные работники?

Вотъ въ какой-нибудь крестьянской семьѣ "не по работѣ рукъ много", какъ говоритъ Петръ Глѣбовъ въ Григоровича романѣ Рыбаки. Сынъ, вышедшій ужъ изъ дѣтскаго возраста, скучаетъ отъ бездѣлья. А тутъ приходитъ человѣкъ, большею частію среднихъ лѣтъ, и предлагаетъ сыну поступить къ нему въ работники, т. е. подряжаетъ, вербуетъ его.

Что въ сущности, говоритъ хозяинъ-подрядчикъ (entrepreneur)?—Что онъ имѣетъ мысль завести что-либо могущее дать прибыль; что у него есть средства на заведеніе, именно запасъ — запасъ денегъ (не спрашиваю какъ добытыхъ) представляющій запасъ товаровъ нужныхъ для существованія; что онъ на этотъ свой запасъ будетъ закупать матеріалы для завода и разъѣзжать продавать издѣлія, которыя будутъ изготовляемы на заводѣ,—что онъ будетъ распоряжаться, управлять работами, ибо вѣдь мысль — его! Онъ подвергнетъ одного себя всѣмъ случайностямъ торговли, онъ на себѣ ихъ вынесетъ: съ барышемъ-ли сбудетъ онъ товаръ, тѣмъ ему лучше; съ убыткомъ-ли онъ принужденъ будетъ продать, тѣмъ ему одному хуже. Работнику-же, говоритъ онъ, ни до какихъ рисковъ дѣла нѣтъ; онъ будетъ постоянно получать одну извѣстную плату, обезпеченную наличнымъ запасомъ или капиталомъ хозяина.—Отецъ вербуемаго, особенно-же старуха мать говорятъ сыну: Не слушай этаго чужаго человѣка; оставайся у насъ; вѣдь мы, благодаря Бога, не въ

крайней нуждѣ живемъ; будетъ и у насъ для тебя кусокъ хлѣба; отъ добра добра не ищутъ.—Но молодой человѣкъ—(всѣ идущіе въ работники "на сторону" или "въ люди", т. е. внѣ дома, либо дѣйствительно юноши, либо юношескаго образа мыслей; — я не говорю, разумѣется, объ уже родившихся въ сословіи заводскихъ работниковъ) — молодой человѣкъ видитъ предъ собой независимость отъ родительской власти, вѣрную заработную плату, и — оправдываетъ поговорку аристократовъ-консерваторовъ: Человѣку добро наскучаетъ, онъ ищетъ лучшаго, находитъ дурное, и остается въ немъ, боясь худшаго. . . . .

Не драматически, а математически говоря, раздѣленіе труда потому пагубно развивается въ лѣстницу, что ступени строемы не по удостовѣренному постоянному превосходству производительныхъ силъ общества надъ кругомъ его потребностей, а по запасамъ товаровъ, составляющимъ сокровища которыхъ никто повѣрять не можетъ, кромѣ собственника ихъ, и происходящимъ отъ случайнаго излишка человѣческой производительности надъ потребленіемъ.

Поклоненіе случайнымъ силамъ, упущеніе изъ виду вѣчныхъ, это-то и есть обожаніе златаго тельца, матеріялизмъ, въ гнусномъ смыслѣ слова. Оно порождаетъ духъ барышничества.

Руководимые имъ, люди при постепенномъ созиданіи особыхъ отраслей промышленности держались правила: производить преимущественно такія издѣлія, закоторыя богатые расположены платить высокія цѣны,—производить предметы рѣдкостные, служащіе для прихоти, роскоши.

Лишь въ послѣдствіи фабриканты смекнули, что съ мира по ниткѣ голому рубаха, и устремились на производство товаровъ дёшево обходящихся имъ самимъ и потому доступныхъ на рынкахъ и не-богатымъ сословіямъ. Они разсчитали, что выгоднѣе, надёжнѣе, имѣть много покупателей, хотя бы и небогатыхъ, чѣмъ весьма богатыхъ, но малочисленныхъ.

Такъ мануфактурная дѣятельность развивается, на прекоръ здравому смыслу, отъ издѣлій высшей утонченной роскоши

къ издѣліямъ болѣе потребнымъ. Въ недавнее время она стала производить такіе товары, которые доселѣ были изготовляемы милліонами незажиточныхъ хозяйствъ про себя; стала производить и предлагать ихъ дешевле, чѣмъ каждое хозяйство можетъ порознь, само для себя ихъ производить; тѣмъ начала вытѣснять приготовленіе этихъ издѣлій изъ круга обычныхъ домашнихъ рукодѣлій, и выводить бѣдныя семьи изъ быта особникомъ, дѣлать ихъ зависимыми отъ нея.

— Что-жъ, скажутъ, за бѣда въ томъ, что раздѣленіе или обособленіе труда развивается сверху внизъ, а не снизу ввехръ?

— Бѣда состоитъ въ затрудненіяхъ самихъ капиталистовъ-фабрикантовъ: а вслѣдствіе сего, въ перерывахъ работъ и заработковъ для класса фабричныхъ работницковъ, которымъ нужна безпрерывная, ежедневная работа, ибо, не имѣя запасовъ, они принуждены жить работая со дня на день.

— Но откуда-же затрудненія капиталистовъ? — Какъ-же, казалось бы, не находитъ имъ сбыта своимъ товарамъ, когда они постепенно разширяютъ кругъ своихъ потребителей-покупателей?

— Постепенность, увы! не всегда значитъ непрерывность; есть постепенныя развитія съ множествомъ знаковъ препинанія, камней преткновенія.—Безсомнѣнно, съ тѣхъ поръ, какъ фабриканты взяли себѣ за девизъ: "Производить сколь можно дешевле, сколь можно больше", они рады бы видѣть свои издѣлія доступными всему народонаселенію. Но по мѣрѣ разширенія мануфактурной дѣятельности многочисленнѣшій классъ людей въ каждомъ народѣ мало-по-малу переходитъ изъ состоянія независимыхъ хозяйствъ въ положеніе подѣнщиковъ, живущихъ единственно заработною платою, получаемою отъ хозяиновъ-подрядчиковъ; а на заработную плату-работники никакъ не могутъ купить себѣ издѣлія ими-же самими производимыя подъ вліяніемъ хозяевъ. Цѣна товаровъ фабричныхъ состоитъ именно изъ жалованія платимаго хозяиномъ работникамъ и нѣкотораго процента, взимаемаго себѣ хозяиномъ въ видѣ либо барыша, либо вознагражденія за труды его по управленію заводовъ, и т. п.—Какъ-же можетъ когда

либо заработная плата сравняться съ цѣною товаровъ?...

Оптовая промышленность, слѣдовательно, развиваясь, сама себя подъѣдаетъ: стремясь расширить кругъ своихъ потребителей, понижая цѣны товаровъ, т. е. понижая вмѣстѣ съ тѣмъ заработную плату и подрывая дешевизною мелкихъ независимыхъ производителей тѣхъ-же родовъ товаровъ (— вспомните Силезкихъ ткачей! —), она суживаетъ кругъ людей находящихся въ сотоянiи покупать ея издѣлiя.

Она сама весьма ясно сознаетъ свое положенiе.—Да и что, кажется, труднаго понять, что: 1) она можетъ находить покупателей своимъ издѣлiямъ только въ числѣ тѣхъ людей, которые сверхъ заработной платы имѣютъ еще какой-либо прибытокъ отъ своихъ рукомеслъ не-фабричныхъ; 2) что этимъ-то избыткомъ или лишкомъ и оплачиваются преміи или барыши поступающіе въ карманъ къ хозяевамъ, послѣ продажи товаровъ за вычетомъ изъ вырученной цѣны заработной платы, платимой ими рабошникамъ; 3) что она сама, желая имѣть сколь возможно болѣе покупателей, старается производить сколь возможно дешевле, и превратить въ производство фабричнымъ путемъ, все что еще не производится этимъ путемъ; что она старается захватить (обособить себѣ, монополизировать) всѣ роды производительности; что она, благодаря вѣрѣ человѣческаго рода въ запасы, въ силахъ это сдѣлать, и что слѣдовательно 4) она сама, оптовая промышленность, подрывая мелочную, переводитъ классъ людей имѣющихъ болѣе тѣмъ что работники получаютъ на фабрикахъ, и могущихъ слѣдовательно окупать издѣлiя хозяйственныхъ заводовъ.

Нельзя подозрѣвать, что она, имѣющая дѣла въ своихъ рукахъ,—она столь разсчетливая! столь смѣтливая! не провидитъ это.

— Отчего-же она упорствуетъ въ своемъ образѣ дѣйствiя?

— Именно отъ . . . не скажу: эгоизма, (алчности) промышленниковъ; эгоизмъ столь обширное слово, что имъ ничего не опредѣляется; эгоизмъ—двигатель всего живаго; но эгоизмъ эгоизму рознь, и потому скажу: — отъ того мелочнаго, неразумнаго эгоизма, который вѣруетъ — не въ безсмертiе,

о нѣтъ!—въ смерть; который, при всемъ своемъ ханжествѣ, думаетъ, что насъ ничто не ждетъ за гробовой доской; который потому не даетъ себѣ труда рѣшить ни единый изъ жизненныхъ вопросовъ, а постоянно твердя: "Стало бы нынѣшняго хода дѣлъ лишь на мой вѣкъ!" откладываетъ рѣшеніе всѣхъ.

Этотъ эгоизмъ выразился весь въ недавно созданной имъ "наукѣ", именуемой: Политическая Экономія, — что значитъ въ офиціальномъ слогѣ: Государственное хозяйство, въ простонародномъ: хитростное домоводство (т. е. управленіе торговыхъ домовъ).—Политическая экономія ничто иное какъ риторика, поставившая себѣ цѣлью доказывать, что нынѣшній ходъ вещей есть наивозможно-лучшій. Начальною темою ея былъ афоризмъ: Laissez faire, laissez passer, пускай себѣ идетъ какъ идетъ; послѣднее ея слово: "Свобода торговли".

Теорія "свободной торговли" желаетъ ввести раздѣленіе труда, какъ оно теперь идетъ по приказу капиталистовъ, между цѣлыми народами. — Она развита во множествѣ краснорѣчивыхъ книгъ и рѣчей, сквозь которыя звенитъ Пушкинскій стихъ:

Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу[37].

— А зачѣмъ, братъ, тебѣ въ лѣсъ?—чтобъ тамъ продолжать то-же ремесло, по которому ты попался въ душноту!

— Фи! какъ это по варварски. Мы лучше скажемъ изящнымъ слогомъ неподкупнаго Мирабо: Laissez le commerce aller et venir à l'aise: d'homme à homme, il a fondé les familles; de famille à famille, il a fondé les peuples; de peuple à peuple, il fondera l'unité du monde (Дадимъ вольный ходъ торговлѣ: отъ человѣка къ человѣку она основала семьи: отъ семьи къ семьѣ, народы; отъ народа къ народу, она оснуетъ единство міра).

— Какая-же выгода была бы міру, еслибъ онъ весь сложился такъ, какъ сложились уже теперь, благодаря торговлѣ, тѣ народы, въ которыхъ торговля задыхается, въ которыхъ она вопитъ по исходѣ, по сбыту внѣшнему?—Тогда и въ немъ будетъ также душно, какъ теперь въ границахъ отдѣльныхъ

государствъ. Но изъ этихъ еще есть выходъ, а изъ міра куда?

Теорія "свободной торговли"—раз-или от-влеченіе для народовъ отъ предстоящаго имъ неминуемаго вопроса о правѣдномъ раздѣленіи труда. Она, какъ всякое развлеченіе, лишь откладываетъ рѣшеніе ; какъ всякое отвлеченіе, лишь запутываетъ вопросъ. — Для рѣшимости необходимо сосредоточеніе, какъ частнымъ людямъ такъ и народамъ.

Еслибъ одна только не-мертвая страна совершила полной поворотъ на своей оси (это-то и значитъ слово революція), ея движеніе быстро сообщилось бы всѣмъ остальнымъ странамъ, все человѣчество перестало бы метаться изъ крайности въ крайность, какъ юноша, и пошло бы ровнымъ, вѣрнымъ шагомъ возраста полной разумности.

При послѣдовательномъ-же развитіи нынѣшняго хода дѣлъ, торговля должна становиться годъ отъ года затруднительнѣе; капиталы будутъ все болѣе и болѣе вынимаемы изъ оборота и помѣщаемы на проценты въ Государственные займы. Это помѣщеніе уже теперь очень любятъ люди финансовые, какъ самое вѣрное и безхлопотное. Правительства, съ своей стороны, весьма расположены все болѣе и болѣе входить въ займы; доказательство тому умноженіе ихъ долговъ съ конца прошедшаго столѣтія. — Подъ конецъ всѣ капиталы окажутся въ рукахъ Правительства, которое тогда станетъ механизмомъ— или, пожалуй, организмомъ съ эндозмосомъ и эксозмосомъ— служащимъ къ взиманію податей съ рабочаго класса и раздѣленію ихъ, въ видѣ дивиденда, между своими акціонерами-кредиторами. . . . .

Но и тогда Государственные люди будутъ утверждать, что Государство не есть заговоръ имущихъ противъ неимущихъ, а божественное учрежденіе для осуществленія идеи правды и справѣдливости, какъ сказано въ Энциклопедіи Законовѣденія профессора Неволина,—или тому подобное.

ЭПИЛОГЪ.

— Такъ, по твоему мнѣнію, намъ еще предстоитъ вступить въ періодъ разумности! покамѣсть мы еще не обрѣтаемся въ немъ!—замѣчаетъ мнѣ читатель.

— Да, я думаю, что не только люди, но и вся природа еще не находится въ состояніи разумности. Вселенная слагается, устроивается въ порядокъ, но еще не сложилась, не устроилась; —она выходитъ, но еще не вышла, изъ состоянія хаотическаго.

Мнѣ невозможно представить себѣ въ одной картинѣ (сообразить) явленія, которыхъ я свидѣтель, иначе чѣмъ предполагая имъ исходнымъ пунктомъ моментъ, въ который міръ (по-крайней-мѣрѣ тотъ, въ которомъ я себя вижу и за предѣлами котораго я ничего не могу себѣ вообразить) распался, надломился, раздѣлился на частныя, недѣлимыя (далѣе) существа, изъ которыхъ ни одно не представляетъ цѣлую, круглую единицу, каждое шероховато, угловато. Молніеобразная линія перелома образовала каждое съ вдающимися и выдающимися углами, дала всѣмъ усѣченныя формы. Въ тотъ моментъ не только все разорвалось на дробныя количества, но дроби перемѣшались, перепутались. Въ этомъ состоитъ Хаосъ.

Развитіе состоитъ въ распутаніи перепутаннаго,—въ перестановленіи (permutatio) существъ[38]. Недѣлимые, разметанные члены цѣлыхъ, тоскуютъ другъ по другѣ; имъ "порознь тошно". Каждое существо чувствуетъ свою неполноту, нецѣлостность, и притомъ хочетъ уцѣлѣть, укомплектовать себя, усовершенствоваться, соединясь съ тѣмъ, что кость отъ костей и плоть отъ плоти его, съ чѣмъ вмѣстѣ оно составляетъ полную, круглую единицу, съ тѣмъ что дополненіе къ нему. Для этого[39] оно отрывается отъ среды, въ которую оно застаетъ себя заброшеннымъ, обособляется (отъ этой среды) и приходитъ въ движеніе, ища среду сродныхъ ему существъ.

Люди называютъ существующимъ, Нѣчто, лишь то, что сколько-нибудь обособилось отъ своей среды, перестало быть

или еще не стало безразличнымъ отъ нея. Становленіе особымъ называется происхожденіемъ, рожденіемъ; прекращеніе обособленности — смертью, уничтоженіемъ. — Перестать быть особо, отличительно отъ своей среды, видимымъ для человѣческаго глаза не значитъ однакожъ отлучиться отъ вселенной, выйдти изъ круговорота жизни, отрѣшиться отъ ея общихъ судебъ, стать на вѣки вѣчные непричастнымъ къ общему положенію міра. — Изъ міра ничто не убываетъ, ничто къ нему не прибавляется; сумма всего находящагося въ немъ постоянно одна и та-же; измѣняется лишь образъ раздѣленія ея на среды или групы, или, какъ уже сказано, всѣ измѣненія суть перестановленія. — Эту мысль доказалъ вѣсами великій Лавуазье; ее въ нашъ вѣкъ, въ примѣненіи къ роду человѣческому, высказали Пьеръ Леру[40] и Жоржъ Зандъ[41]. — Что на время становится невидимымъ для нашего глаза, или измѣняетъ свой человѣческій видъ, то когда-нибудь опять явится въ человѣческомъ образѣ. А еслибъ я и никогда ужъ послѣ предстоящей мнѣ смерти не воскресъ въ видѣ человѣка, все-таки все что меня составляетъ не можетъ утратиться изъ природы, и потому если это, меня составляющее, не будетъ чувствовать какъ человѣкъ, оно будетъ чувствовать какъ Природа. —Ложно думаютъ многіе, что Природа сама-по-себѣ, а человѣкъ самъ-по-себѣ. Человѣкъ есть чувствующая, сознающая Природа. Способность чувствовать, сознавать не можетъ въ Природѣ изчезнуть, ибо она есть.—Мы, люди въ эту минуту живущіе какъ люди, не представляемъ поколѣніе, лежащее какъ верхній слой надъ предшествовавшими намъ поколѣніями, нашими предками, представлявшими бы низшіе слои. Нѣтъ, времена, поколѣнія не ложатся другъ на друга какъ геологическіе слои; настоящее есть претворившееся прошедшее; въ настоящемъ заключается и все будущее.—Что разъ живетъ, то вѣчно жило и обречено вѣчно жить впредь; оттого-то настоящее несетъ на себѣ грѣхи прошедшаго и можетъ страдать за свои нынѣшнія, ему сходящія съ рукъ, преступленія въ будущемъ.—Вотъ этому не хочетъ вѣрить господинъ средней руки, твердящій: "Стало бы лишь на мой вѣкъ! . ."

Опирая свою вѣру въ Смерть или въ Ничто за гробомъ на томъ, что онъ не помнитъ себя до своего рожденія. Какъ будто пробѣлъ въ нашей памяти означаетъ перерывъ нашего существованія, и даже ощущенія! какъ будто мы не имѣемъ тому примѣровъ во снѣ и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ мозга!... и какъ будто состояніе наше во время сна и когда мы снова пробуждаемся, не зависимо отъ нашихъ дѣйствій наканунѣ! — Прибавлю къ этому, что природа выходитъ болѣе и болѣе изъ состоянія дремоты къ самосознанію, къ себя-памятыванію.

Въ нѣмецкомъ языкѣ есть превосходное слово для означенія произхожденія; это—Ur-Sprung, т. е. первый прыгъ. Дѣйствительно, все первоначально является (обособляется отъ своей среды въ другую) "скокомъ не нарокомъ", не по толчку совнѣ, не вслѣдствіе чего-либо, а само-собою, безъ спроса или зова; все начинается случайностью, ненужностью, слѣдовательно не разумно. Первый актъ есть актъ воли, не мышленія.—Жизнь для существа получаетъ нѣкоторую послѣдовательность, изъ бьющаго ключа (spons, spontaneitas) превращается въ потокъ, лишь послѣ того, что существо совершило свой первый актъ, т. е. вступило въ какую нибудь среду. Теперь, и не раньше, наступаютъ для него опредѣленность, зависимость, связь, обусловленность.—Все идетъ на столько по добру, на сколько соблюдается пропорціональность въ сочетаніяхъ вступившаго въ среду существа съ тѣми, которыхъ оно встрѣчаетъ. Эти послѣдніе становятся для него данными, по которымъ опредѣляется его воля; средствами, которыя оно примѣняетъ къ достиженію своей цѣли (усовершенствованію, т. е. къ выраженію воли, отчужденію воли-независимости. Они производятъ на него вліяніе, впечатлѣніе, т. е. толчки (impulsiones). Чтобъ не произошло зло, существо не должно, изъ привязанности къ средствамъ, терять изъ виду цѣль; каждое дѣйствіе его должно быть соразмѣрно поводу, по которому оно возникло, или, какъ обыкновенно говорятъ, каждое дѣйствіе должно имѣть "достаточную причину" (хотя подъ причиной разумѣютъ иногда и внутренній факторъ, волю; въ какомъ случаѣ постулатъ не имѣетъ смысла). Иначе сказать: существо должно

отдавать себя другимъ ровно столько, сколько они производятъ вліянія въ него; отпоръ долженъ быть равенъ толчку-впечатлѣнію. Тогда отношенія или взаимнодѣйствія существъ (волей) образуютъ непрерывный рядъ, прогрессію, серію. Въ движеніи нѣтъ скачковъ, промежутковъ, нѣтъ ни смерти отъ истощенія, ни порожденія лишняго, ни иммиграціи въ среду, ни эмиграціи изъ нея; дѣла текутъ живо.

Каждое существо и хочетъ, чтобъ такъ шло. Ни одно не хочетъ прилѣпиться къ другимъ большимъ числомъ сторонъ, чѣмъ тѣ, которыми эти другія его касаются. Каждое ищетъ въ другихъ лишь то, что ему соотвѣтствуетъ, что ему свое,— хочетъ лишь округлить, выполнить свои недостатки, зазубрины, или вдающіеся углы; никоторое не хочетъ захватить чуждое ему, ни быть само захвачено такимъ.

Но для этого надобно бы, чтобъ каждое существо предварительно (a priori) знало, что въ встрѣчаемыхъ имъ соотвѣтствуетъ ему, дополняетъ его, что преступаетъ предѣлы его ёмкости.

Этого знанія нѣтъ въ природѣ. Оно лишь вырабатывается постепенно. Существа идутъ путемъ опыта, пробованія. Каждое хватается за первое ему встрѣчное, сколько-нибудь, лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обѣщающее дополнить его недостаточность, и сочетуется съ нимъ безъ оглядки, безусловно, безотносительно; оно предается, т. е. предаетъ себя, перестаетъ быть вѣрнымъ, послѣдовательнымъ самому себѣ; оно поступаетъ безхарактерно, увлекается. — Отсюда союзы или общества, въ которыхъ недѣлимымъ столь-же "тѣсно", сколько порознь имъ было "тошно"; отсюда не-лѣпыя сочетанія, тягостныя преданности, оканчивающіяся насильственными разрывами, предательствами, измѣненіями нарекаемыми измѣнами; отсюда страданія, принесеніе либо индивидуума на жертву обществу (средѣ), либо общества индивидууму. — Отсюда горестная необходимость революціи, какъ въ Природѣ такъ и въ человѣчествѣ, т. е. переломовъ, перерывовъ (lésions de continuité) развитія. — Революціи образуютъ эпохи, т. е. моменты, которые разсѣкаютъ потокъ временъ или дѣйствій

на разные періоды. — Въ періодѣ все идетъ послѣдовательно — "какъ слѣдуетъ"; а какъ чему слѣдуетъ идти такъ тому и должно идти. — Въ эпохи не то.— Въ промежуточное время недѣлимое восклицаетъ:

"Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена? . . . .
Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце п у с т о, празденъ умъ,
И томитъ меня т о с к о ю
Однообразный жизни шумъ".

Эпоха есть возстаніе, воскресеніе — послѣ шести рабочихъ дней періода. — Блаженна личность, которая въ тѣ дни, ужъ —"Все земное совершила"—

Мы теперь находимся въ эпохѣ. — Возставшій сынъ человѣческій возвратилъ себѣ свою независимость, онъ порвалъ всѣ связи; но приволья нѣтъ ему нигдѣ, онъ скиталецъ сиръ и бѣденъ, и не знаетъ гдѣ приклонить главу свою. Повсюду вторится мотивъ: Jch bin ein Fremdling ueberall.—Вокругъ каждаго изъ насъ пустота, ничто; и не только индивидуализмъ[43] но и нигилизмъ[44] возводится въ теоріи, какъ реакція на бывшія доселѣ теоріи общенія между людьми.

— Какъ попалъ человѣкъ въ нынѣшнее свое положеніе? —Ничуть не удивительно, если только вспомнишь, какъ онъ велъ себя доселѣ. — Встрѣчалъ-ли онъ, на-пр., женщину, которая ему нѣсколько нравилась; онъ плѣнялся ею, говорилъ что она для него все, клялся Христомъ Богомъ и ей и самому себѣ, что никогда ничто кромѣ нея не будетъ ему важно, — когда самъ Богъ ему сказалъ не клясться ничѣмъ!... Встрѣчалъ-ли онъ человѣка расторопнаго, обѣщавшаго ему, показывая на свою мошну, избавить его отъ заботы пріискивать себя средства пропитанія. Онъ ввѣрялся ему вполнѣ и говорилъ: "Мнѣ нужно только одно: быть освобожденнымъ отъ вѣчно преслѣдующаго меня страха не найдти себѣ пропитаніе; ты умѣешь находить источники приволья; пусть-же тебѣ будетъ забота, мнѣ работа" ...Какая работа?—"Ахъ, все равно!

Я буду дѣлать что ни прикажешь мнѣ".—Человѣка мучаетъ опасеніе ненастій съ неба, нападеній со стороны чужихъ людей. Вотъ онъ встрѣчаетъ госпидина, которому разъ удалось предсказать вѣрно, что будетъ затмѣніе солнца, но что оно пройдетъ, и снова солнце будетъ свѣтить по-прежнему. Нашъ человѣкъ бросается къ тому господину и говоритъ: "Повелѣвай мною; я буду слушаться тебя покорно; только заклинай, заговаривай, задабривай, волшебникъ - попъ, страшныя мнѣ невѣдомыя силы", — Возлѣ жреца онъ встрѣтилъ другаго, который разъ велъ себя храбро и своимъ примѣромъ и ему внушилъ смѣлость противостоять нападенію пришельцевъ. Этого онъ провозглашаетъ своимъ вождемъ, герцогомъ, сюзереномъ, и проситъ всегда имъ командовать, обѣщалсь по его слову разить кого бы то ни было безпрекословно. . . .

. . . И неужели все это не носитъ ясно на себѣ отпечатокъ юношества? недостатка опытности?[45] . . .

Взрослый человѣкъ не опрометчивъ, осмотрителенъ; онъ ни изъ чего не сотворитъ себѣ кумира. Онъ никому не ввѣрится, не дастъ собою управлять; онъ полагается на себя и какіе бы риски ни были отъ его самоуправленія, онъ беретъ ихъ на себя. Онъ не хоронитъ себя за-живо, какъ совѣтуютъ Нигилисты-Брамины; онъ не избѣгаетъ людей, но сходится съ ними лишь на "благородныя дистанціи". Онъ вступаетъ въ союзъ, но лишь на извѣстные, опредѣленные случаи, которые онъ оговариваетъ при его заключеніи: эти оговорки, условія, суть именно ключи къ союзу, которыми онъ по-волѣ замыкается и отмыкается; тогда какъ юношескія сочетанія закрыты на - глухо и чтобъ быть растворены, должны быть взломаны.—Взрослый и не такъ робокъ, и не такъ самонадѣянъ, какъ юноша. Грозитъ-ли ему ненастье, онъ говоритъ:

Si totus illabitur orbis,
Impavidum ferient ruinæ.

За то, если онъ видитъ, что его разсчеты оказываются вѣрными въ извѣстныхъ случаяхъ, онъ не забываетъ, что можетъ представиться ему и неизвѣстное. Поэтому онъ не строитъ замкнутыхъ, тѣсныхъ системъ, изъ которыхъ неизвѣстное

напередъ исключено, въ которыя оно войдти не можетъ. Въ его Пантеонѣ есть мѣсто и богу Неизвѣстному-Будущности. — Не отъ воли человѣка зависитъ постепенное расширеніе круга его вѣденія, исчерпнуть область неизвѣстнаго. Обращеніе вниманія, а потому и ходъ открытій, слѣдуетъ своему закону. Мы не можемъ по заказу открывать новое, но отъ насъ зависитъ стараться или не стараться помнить старое, уже пріобрѣтенное опытомъ. Памятываніе, предупреждая возвращеніе на разъ уже извѣданное, сокращаетъ путь человѣку, или, лучше сказать, Природѣ, въ лицѣ человѣка, къ полному самосознанію, которое ей нужно, чтобъ изъ хаоса устроится въ гармонію (*).

(*) (Примѣчанія см. въ концѣ книги.)

II.

ИСТОРІЯ РУССКАГО РАЗВИТІЯ.

ПЕРЕПИСКА Н. ГОГОЛЯ СЪ БѢЛИНСКИМЪ (*).

I.

Н. ГОГОЛЬ КЪ В. БѢЛИНСКОМУ.

Я прочелъ съ прискорбіемъ статью Вашу обо мнѣ во 2мъ N° Современника. Не потому, чтобъ мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое Вы хотѣли меня поставить въ виду всѣхъ; но потому, что въ ней слышится голосъ человѣка на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить даже и нелюбившаго меня человѣка, тѣмъ болѣе Васъ, о которомъ я всегда думалъ, какъ о человѣкѣ меня любящемъ. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить Васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги. Какъ это вышло, что на меня разсердились всѣ до единаго въ Россіи; этого покуда я еще не могу понять. Восточные, западные, неутральные—всѣ огорчились. Это правда, я имѣлъ въ виду небольшой щелчёкъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, испытавши надобность его на собственной кожѣ (всѣмъ намъ нужно побольше смиренія(; но я не думалъ, что

(*) Обстоятельства давшія поводъ къ этой перепискѣ извѣстны нашимъ читателямъ. Въ 1847 г. Н. Гоголь, бывши за границей, напечаталъ въ Россіи свою "Переписку съ друзьями". Книга эта удивила всѣхъ. Духъ ея былъ совершенно противоположенъ его прежнимъ твореніямъ, которыя такъ сильно потрясли всю читающую Россію. Была-ли это внутренняя психическая переработка, одинъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ возрастовъ развитія, которыми человѣкъ достигаетъ

бы щелчёкъ мой вышелъ такъ грубо неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простять, и что въ книгѣ моей зародышъ примиренія всеобщаго, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами разсерженнаго человѣка и потому почти все приняли въ другомъ видѣ.

Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя покамѣсть еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ, и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и Вы увидите, что Вы ошиблись во многомъ. Я очень не даромъ молилъ всѣхъ прочесть мою книгу нѣсколько разъ, предугадывая впередъ всѣ эти недоразумѣнія. Повѣрьте, что не легко судить о такой книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная, душевная исторія человѣка не похожаго на другихъ, и еще притомъ человѣка скрытно, долго жившаго въ самомъ себѣ и страдавшаго неумѣньемъ выразиться. Не легко было также и рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и посмѣяніе, выставивши часть той внутренней своей клѣти, пястоящій смыслъ которой нескоро почувствуется. Уже одинъ такой подвигъ долженъ бы былъ заставить мыслящаго чело-

---

окончательнаго совершеннолѣтія; было-ли это слѣдствіе физическаго недуга, негодованія, долгой жизни за границей или просто круженіе ума?—Во всякомъ случаѣ обнародываніе такой книги, такимъ великимъ талантомъ, должно было вызвать сильную полемику.

Почитатели Гоголя, принимавшіе за правду мнѣнія, ярко просвѣчивавшіяся въ его сочиненіяхъ, были оскорблены его отреченіемъ, его защитой сущесвующаго, его п р и н и ж е н і е м ъ—по выраженію Нео-Славянъ; они подняли перчатку брошенную имъ, и на первомъ планѣ, разумѣется, явился боецъ достойный его—Бѣлинскій.

Онъ напечаталъ въ "Современникѣ" сильную статью противъ новой книги Гоголя.

Отсюда переписка. — Давая новую гласность этимъ письмамъ, всякая мысль осужденія и порицанія далека отъ насъ. Пора намъ смотрѣть на гласность глазами возмужалаго. Гласность — чистилище, изъ котораго память умершихъ переходитъ въ исторію, въ единственную жизнь за гробомъ.

Ничего не надобно скрывать; въ гласности — покаяніе, страшный судъ и непремѣнное примиреніе, —если примиреніе есть. Сверхъ того и нельзя ничего скрывать; забывается, пропадаетъ безъ вѣсти одно безразличное, пустое.

Вопросъ весь въ томъ: Гоголь и Бѣлинскій принадлежатъ-ли намъ, какъ общественные дѣятели на поприщѣ русской мысли? — и если такъ — была-ли эта переписка между ними?

Я уже сказалъ, что самъ Бѣлинскій мнѣ читалъ свое письмо и письма Гоголя въ Парижѣ.

И — ръ.

вѣка задуматься, и, не торопясь подачей собственнаго своего голоса о ней, прочесть ее въ различные часы своего душевнаго расположенія болѣе спокойнаго и болѣе настроеннаго къ своей собственной исповѣди,—только въ такія минуты душа способна понимать душу, а въ книгѣ моей—дѣло души. Вы бы не сдѣлали тогда тѣхъ оплошныхъ выводовъ, которыми исполнена ваша статья. Какъ можно было, напримѣръ, изъ того, что я сказалъ, что въ критикахъ, говорившихъ, о моихъ недостаткахъ, есть много справѣдливаго, вывести заключеніе, что критики, говорившіе о достоинствахъ моихъ, несправѣдливы? Такая логика могла присутствовать только въ головѣ раздраженнаго человѣка, продолжающаго искать одно уже то, что способно раздражить его, а не оглядывающаго предметъ спокойно со всѣхъ сторонъ. Ну а что, если я долго носилъ въ головѣ какъ заговорить о тѣхъ критикахъ, которые по поводу сочиненій моихъ разпесли много прекрасныхъ мыслей объискуствѣ, и если я безпристрастно хотѣлъ опредѣлить достоинство каждаго и тѣ личные оттѣнки эстетическаго чутья, которыми своеобразно былъ или могъ одаренъ быть каждый изъ нихъ; и если я только выжидалъ времени, когда мнѣ можно будетъ сказать объ этомъ, или, справѣдливѣе, когда мнѣ приличнѣе будетъ сказать объ этомъ — чтобы не говорили потомъ, что я руководствовался какой-либо своекорыстною цѣлью, а не чувствомъ безпристрастія и справѣдливости? Пишите критики самыя жесткія, прибирайте всѣ слова какія знаете, на то, чтобъ унизить человѣка, способствуйте осмѣянію меня въ глазахъ читателей, не пожалѣйте самыхъ чувствительныхъ струнъ можетъ быть нѣжнѣйшаго сердца — все это вынесетъ душа моя, хотя и не безъ боли, и не безъ скорбныхъ потрясеній. Но мнѣ тяжело, очень тяжело (говорю вамъ это истинно), когда противъ меня питаетъ личное озлобленіе даже и злой человѣкъ, не только добрый, а Васъ считалъ я за добраго человѣка.

Вотъ Вамъ искренное изложеніе чувствъ моихъ.

II.

ОТВѢТЪ В. БѢЛИНСКАГО.

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ, о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдаютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея падежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйдти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь.—Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я, не видали самаго большаго числа, и которые въ свою очередь тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные — Чичиковы, Поздревы, Городничіе.... и

литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому однаго духа съ ея духомъ. Еслибы она и была написана въ слѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику тоже впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но черезчуръ непереремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли, — въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего прекраснаго далека; а вѣдь извѣстно, что ничего нѣтъ легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть потому, что въ этомъ прекрасномъ далекѣ вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потерянаго въ грязи и сорѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая что негръ не человѣкъ: страны — гдѣ люди сами себя называютъ не име-

нами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стёшками, Палашками; страны — гдѣ наконецъ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные, національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ, и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ ея апатическомъ снѣ! и въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ — является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше . . . И это не должно было привести меня въ негодованіе? . . Да еслибы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. . . . И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ, еслибы вы дѣйсвительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія, — совсѣмъ не то написали бы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику: что такъ, какъ его крестьяне его братья о Христѣ, а какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя по-крайней-мѣрѣ пользоваться ихъ трудами какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ.

А выраженіе: Ахъ ты неумытое рыло! Да у какого

Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да, это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя чаще всего порятъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: Безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтлѣнія! Не можетъ быть! Или вы больны и вамъ надо спѣшить лечиться, или . . . не смѣю досказать моей мысли!

Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегеристъ татарскихъ нравовъ — что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною! . . . Что вы подобное ученіе опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою-нибудь, а тѣмъ болѣе православною, церквью? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было спасеніемъ людей, пока не организовалось въ церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. Церковь-же явилась іерархіей, стало быть поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми — чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты, патріархи! Неужели вы этого не знаете! Вѣдь это теперь не новость

для всякаго гимназиста. . . . А потому неужели вы, авторъ "Ревизора" и "Мертвыхъ душъ", неужели вы искренно отъ души пропѣли гимнъ гнусному русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше духовенства католическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то, между-тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было, кромѣ какъ слугою и рабомъ свѣтской власти; но неужели-же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть-ли попъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По вашему русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій человѣкъ произноситъ имя Божіе почесывая себя кое-гдѣ. Онъ говоритъ объ образѣ: годится—молиться, а не годится—горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается и съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многіе, отложившись отъ Христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то можетъ быть огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не привилась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною, аскетическою созерцательностію, ничего не доказываютъ. Большинство-же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ, да дикимъ

невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индиферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольническихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею числительно.

Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себя сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да, — и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи - то оно не такъ красиво и не такъ безопасно . . . . Замѣчу только одно: когда Европейцемъ, особенно католикомъ, овладѣетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ-же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей-психіатровъ подъ именемъ religioso mania, онъ тотчасъ-же земному богу подкурить болѣе нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ окомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русской человѣкъ!...

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна.—Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій Богъ за эту византійскую мысль, если только передавши ее бумагѣ, вы не знали что говорили . . . . Но можетъ быть вы скажете: "Положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложь, но почему-же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?" Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно

уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя и того и другаго не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ; но за то они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и большей послѣдовательностію, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому Богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, желая поставить по свѣчѣ и тому и другому, впали въ противорѣчія, отстаивали напримѣръ Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели. . . Чья-же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились-было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумашествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а можетъ быть годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устроиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну Наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ Царь. Теперь судите сами, можно-ли удивляться тому что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя и еще болѣе какъ человѣка? . . .

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, не смотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ называемое, либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта; и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотворенія и надѣть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурнаго направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ, вами всѣмъ и каждому. Положимъ вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ Ревизорѣ и Мертвыхъ Душахъ вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія, правды высказали ей? И старая школа дѣйствительно сердилась на васъ до бѣшенства, но Ревизоръ и Мертвыя Души отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: Она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это-же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите

Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, ьто мнѣ кажется, что я не-много знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностію дурнаго вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья пріуныли; но я тогда-же сказалъ имъ, что не смотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха, и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятнѣе теперь всѣмъ стятьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль — довести о немъ до свѣденія публики была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно, и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его.—Кто способенъ страдать при видѣ чужаго страданія, кому тяжко зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей,— тотъ носитъ Христа въ груди своей и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе проповѣдуемое вами, во первыхъ, не ново, а во вторыхъ, отзывается съ одной стороны страшною гордостію, а съ другой самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ или гордости или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ въ вашей книгѣ вы позволили себѣ цинически—грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ — это уже гадко; потому-что если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни фор-

мы Христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы? — "Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ", неужели вы думаете, что сказать всякъ вмѣсто всякій значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи его оставляетъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ произведеніе автора Ревизора и Мертвыхъ Душъ.

Что-же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Еслибы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ не хорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому-что какъ-то по-человѣчески не ловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все-же и не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все-же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ главою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще въ-добавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы конечно сдѣлали это по увлеченію главной мыслію вашей книги и по неосмотрительности, а В—скій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ вѣроятно въ благодарность вамъ зато, что вы его плохаго риѳмоплета, про-

извели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню за его "вялый, влачащійся по землѣ стихъ". Все это не хорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справѣдливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да признаться и не захотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то что въ ней есть глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Еслибы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе "Шпекины" распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому; но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи.—И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбруннъ, 15 Іюля 1847 года.

III.

ОТВѢТЪ Н. ГОГОЛЯ В. БѢЛИНСКОМУ.

Я не могъ отвѣчать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено ; могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженія, еще прежде нежели я получилъ ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать на его. Да и что мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ быть въ вашихъ словахъ есть часть правды. Скажу вамъ только, что я получилъ около пятидесяти разныхъ писемъ по поводу моей книги, ни одно изъ нихъ не похоже на другое, нѣтъ двухъ человѣкъ согласныхъ во мнѣніяхъ объ одномъ и томъ-же предметѣ; что отвергаетъ одинъ, то утверждаетъ другой. И между-тѣмъ на всякой сторонѣ есть равно благородные и умные люди. Покуда мнѣ показалось только то непреложною истиною, что я не знаю вовсе Россіи, что многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти съизнова узнавать все то, что есть въ ней теперь. А выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ, что мнѣ не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего не только никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанія, до тѣхъ поръ, покуда пріѣхавши въ Россію, не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорявшіе меня въ незнаніи многихъ вещей и несоображеніи многихъ сторонъ, обнаружили предо мною собственное незнаніе многаго и собственное несоображеніе многихъ сторонъ. Не всѣ вопли услышаны, не всѣ страданія взвѣшаны. Мнѣ кажется даже; что не всякій изъ нихъ понимаетъ нынѣшнее время

въ которомъ такъ явно проявляется духъ построенія полнѣйшаго, нежели когда-либо прежде. Какъ бы то ни было, но все выходитъ теперь наружу, всякая вещь проситъ и ее принять въ соображеніе, старое и новое выходитъ на борьбу и чуть только на одной сторонѣ перельютъ и попадутъ въ излишество, какъ въ отпору тому переливаютъ и на другой. Настоящій вѣкъ есть вѣкъ разумнаго сознанія; не горячась онъ взвѣшиваетъ все, принимая всѣ стороны къ свѣденію, безъ чего не узнать разумной средины вещей. Онъ велитъ оглядывать многостороннимъ взглядомъ старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедшихъ временъ. Мы ребенки предъ этимъ вѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, что и вы и я равно также виноваты предъ нимъ. Я по-крайней-мѣрѣ сознаюсь въ этомъ; не сознаетесь-ли и вы? Точно такимъ-же образомъ какъ я упустилъ изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить; точно такимъ жеобразомъ упустили и вы. Какъ я слишкомъ усредоточился въ себѣ, такъ вы слишкомъ разбросались. Какъ мнѣ нужно многое узнавать изъ того, что знаете вы, и чего я не знаю, такъ и вамъ тоже слѣдуетъ узнать хоть часть того, что знаю я, и чѣмъ вы напрасно пренебрегаете!

А покамѣстъ помыслите прежде всего о вашемъ здоровьѣ; оставьте на время современные вопросы. Вы потомъ возвратитесь-къ нимъ съ большею свѣжестью и стало быть съ большею пользою, какъ для себя, такъ и для нихъ. Желаю вамъ отъ всего средца спокойствія душевнаго, первѣйшаго блага, безъ котораго нельзя дѣйствовать и поступать разумно ни на какомъ поприщѣ.

Остендъ, 10 Августа 1847 года.

III.

СЛОВЕСНОСТЬ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

(Отрывки изъ третьяго тома "Записокъ" Искандера (*).

КОНЕЦЪ VII ГЛАВЫ.

(1839 г.)

... Мои желанія остановились. Мнѣ было довольно, я жилъ въ настоящемъ, ничего не ждалъ отъ завтрашняго дня, беззаботно вѣрилъ, что онъ и не возметъ ничего. Личная жизнь не могла больше дать, это былъ предѣлъ—всякое измѣненіе должно было съ которой нибудь стороны уменьшить его.

Но судьба не знаетъ ни въ чемъ мѣры. "Несчастія, говоритъ Гамлетъ, не ходятъ одни, а толпою", и счастіе точно также.

(*) — Кто имѣетъ право писать свои воспоминанія?

— Всякій.

Потому, что никто ихъ не обязанъ читать.

Для того, чтобъ писать свои воспоминанія вовсе не надобно быть ни великимъ мужемъ, ни знаменитымъ злодѣемъ, ни извѣстнымъ артистомъ, ни государственнымъ человѣкомъ,—для этого достаточно быть просто человѣкомъ, имѣть что нибудь для разсказа и не только хотѣть, но и сколько-нибудь умѣть разсказать.

Всякая жизнь интересна; не личность—такъ среда, страна, занимаютъ, жизнь занимаетъ. Человѣкъ любитъ заступать въ другое существованіе, любитъ касаться тончайшихъ, волоконъ чужаго сердца и прислушиваться къ его біенію... онъ сравниваетъ, онъ свѣряетъ, онъ ищетъ себѣ подтвержденій, сочувствія, оправданія...

— Но могутъ-же записки быть скучны, описанная жизнь безцвѣтна, пошла?

— Такъ не будемъ ихъ читать — хуже наказанія для книги нѣтъ.

Сверхъ того этому горю не пособитъ никакое право, ни писаніе мемуаровъ.

Весною пріѣхалъ П. изъ своей ссылки. Онъ былъ тогда во всей силѣ своего могучаго развитія; вскорѣ приходилось ему пройти скорбнымъ воспитаніемъ, минутами онъ будто чувствовалъ, что бѣда возлѣ, но еще могъ отворачиваться и принимать за мечту занесенную руку судьбы. Я и самъ думалъ тогда, что эти тучи разсѣются ; беззаботность свойственна всему молодому и не лишенному силъ, въ нёй выражается довѣріе къ жизни, къ себѣ; чувство полнаго обладанія своей судьбой усыпляетъ насъ . . . а темныя силы, а черные люди влекутъ не говоря ни слова на край пропасти.

И хорошо что человѣкъ ихъ или не подозрѣваетъ или умѣетъ невидѣть, забыть. Полнаго счастія нѣтъ съ тревогой ; полное счастіе покойно какъ море во время лѣтней тишины. Тревога даетъ свое болѣзненное, лихорадочное упоеніе, которое нравится какъ ожиданіе карты въ банкѣ, но это далеко отъ чувства гармоническаго, безконечнаго мира. А потому сонъ или нѣтъ; но я высоко цѣню это довѣріе къ жизни, пока жизнь не возразила на него, не разбудила .... мруть-же Китайцы изъ-за грубаго упоенія опіумомъ.

Записки Бенвенуто Челлини совсѣмъ не потому занимательны, что онъ былъ отличный золотыхъ дѣлъ мастеръ, а потому, что онѣ сами по себѣ занимательны любой повѣстью.

Дѣло въ томъ, что слово "имѣть право" на такую или другую рѣчь, принадлежитъ не нашему времени, а времени умственнаго несовершеннолѣтія, поэтовъ, лауреатовъ, докторскихъ шапокъ, цѣховыхъ ученыхъ, патентованыхъ философовъ, метафизиковъ по диплому и другихъ фарисеевъ христіанскго міра. Тогда актъ писанія считался какимъ-то священнодѣйствіемъ ; писавшій для публики говорилъ свысока, неестественно, отборными словами, онъ "проповѣдывалъ" или "пѣлъ".

А мы просто говоримъ. Для насъ писать такое-же свѣтское занятіе, такая-же работа или разсѣяніе, какъ и всѣ остальныя. Въ этомъ отношеніи трудно оспоривать "право на работу". Найдетъ-ли трудъ признаніе, одобреніе—это совсѣмъ иное дѣло.

Годъ тому назадъ, я напечаталъ по русски одну часть моихъ записокъ подъ заглавіемъ "Тюрьма и Ссылка", напечаталъ я ее въ Лондонѣ, во время начавшейся войны, я не считалъ ни на читателей, ни на вниманіе внѣ Россіи. Успѣхъ этой книги превзошелъ всѣ ожиданія, Revue des Deux-Mondes, этотъ цѣломудреннѣйшій и чопорнѣйшій журналъ помѣстилъ полкниги въ французскомъ переводѣ. Умный, ученый the Atheneum далъ отрывки по англійски; на нѣмецкомъ вышла вся книга, на англійскомъ она издается.

Вотъ почему я рѣшился печатать отрывки изъ другихъ частей.

Въ другомъ мѣстѣ скажу я, какое огромное значеніе для меня лично имѣютъ мои записки и съ какою цѣлью я ихъ началъ писать. Я ограничусь теперь однимъ общимъ замѣчаніемъ, что у насъ особенно полезно печатаніе современныхъ за-

Тріо наше представляло удивительное созвучіе. Тутъ нигдѣ не было границъ, предѣловъ, тѣхъ незамѣтныхъ противурѣчій, которыя въ сущности указыываютъ рубежъ и говорятъ "не далѣе". Мы были вполнѣ соединены и вполнѣ свободны. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . Тутъ оканчивается лирическій отдѣлъ нашей жизни, отдѣлъ чисто личный. Далѣе трудъ, успѣхи, встрѣчи, дѣятельность, широкій кругъ, далекій путь, иныя мѣста, перевороты, исторія . . . , Далѣе дѣти, заботы, борьба . . . еще далѣе все гибнетъ . . . Съ одной стороны могила, съ другой одиночество и чужбина!

писокъ. Благодаря цензурѣ, мы непривыкли къ публичности, всякая гласность насъ пугаетъ, останавливаетъ, удивляетъ. Въ Англіи каждый человѣкъ появляющійся на какой-нибудь общественной сценѣ: разнощикомъ писемъ или хранителемъ печати, подлежитъ тому-же разбору, тѣмъ-же свисткамъ и рукоплесканіямъ, какъ актеръ послѣдняго театра гдѣ-нибудь въ Ислингтонѣ или Ламбетѣ. Ни королева, ни ея мужъ не исключены. Это великая узда!

Пусть-же и наши императорскіе актеры тайной и явной полиціи, такъ хорошо защищенные отъ гласности цензурой и отеческими наказаніями, знаютъ что рано или поздно дѣла ихъ выйдутъ на бѣлый свѣтъ.

ГЛАВА VIII.

ЮНАЯ МОСКВА

— Кругъ Станкевича—Философскій формализмъ—Профессоръ М. Павловъ — В. Бѣлинскій и М. Бакунинъ—Гегель—Ссора съ Бѣлинскимъ и миръ— —Новогородскіе споры съ дамой.

Въ началѣ 1839 года разстались мы съ Владиміромъ, съ бѣдной, узенькой Клязьмой. Я покидалъ нашъ маленькій, вѣнчальный городокъ съ щемящимъ сердцемъ и страхомъ, я хорошо предвидѣлъ, что той простой, глубокой, внутренной жизни не будетъ болѣе и что придется подвязать много парусовъ.

Н. пріѣхалъ за нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня въ Москву и не смотря на то, что между новыми пріятелями далеко не было нашего прежняго единства, все симпатично окружало его.

Натура Н. по преимуществу русская и поэтическая, широкая, беззаботная, увлекающаяся, дѣтская и многосторонняя— нравилась своими достоинствами и своими недостатками. Онъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (*), былъ одаренъ особой магнитностью, женственной способностью притяженія. Безъ всякой видимой причины къ такимъ людямъ льгнутъ, пристаютъ другіе; они согрѣваютъ, связуютъ, успокоиваютъ ихъ, они открытый столъ, за который садится каждый, возобновляетъ силы, отдыхаетъ, становится бодрѣе, покойнѣе и идетъ прочь—другомъ.

Знакомые поглощали у него много времени, онъ страдалъ отъ этого иногда, но дверей своихъ не запиралъ, а встрѣчалъ каждаго своей кроткой улыбкой. Многіе находили въ этомъ большую слабость; да, время уходило, терялось, но за это пріо-

(*) Въ первой части.

брѣталъ онъ любовь не только близкихъ людей, но постороннихъ, слабыхъ; вѣдь и это стоитъ чтенія и другихъ занятій!

Я никогда толкомъ не могъ понять, какъ это Н. обвиняли въ праздности. Точка зрѣнія фабрикъ и рабочихъ домовъ врядъ идетъ-ли сюда? Помню я, что еще во времена студентскія, мы разъ сидѣли съ Вадимомъ за рейнвейномъ, онъ становился мрачнѣе и мрачнѣе и вдругъ со слезами на глазахъ, повторилъ слова Дон-Карлоса, повторившаго въ свою очередь слова Юлія Цезаря: "Двадцать четыре года, и ничего не сдѣлано для безсмертія!" Его это такъ огорчило, что онъ изо всей силы ударилъ ладонью по зеленой рюмкѣ и глубоко разрѣзалъ себѣ руку. Все это такъ, но ни Цезарь, ни Дон-Карлосъ съ Позой, ни мы съ Вадимомъ не объяснили для чего-же нужно что-нибудь дѣлать для безсмертія? Есть дѣло, надобно его и сдѣлать, а какъ-же это дѣлать для дѣла или въ знакъ памяти роду человѣческому?

Все это чтото смутно; да и что такое дѣло!

— Дѣло, business! Чиновники знаютъ только гражданскія и уголовныя дѣла; купецъ считаетъ дѣломъ одну торговлю, военные называютъ дѣломъ шагать по журавлиному и вооружатся съ ногъ до головы въ мирное время. По моему служить связью, центромъ цѣлаго круга людей—огромное дѣло, особенно въ обществѣ разобщенномъ и скованномъ. Меня никто не упрекалъ въ праздности, кое-что изъ сдѣланнаго мною нравилось многимъ; а знаютъ-ли они сколько во всемъ сдѣланномъ мною отразились Н., наши бесѣды, наши споры, ночи которыя мы праздно бродили по улицамъ и полямъ, или еще болѣе праздно проводили за бокаломъ вина.

— Кругъ молодыхъ людей, составившійся около Н., не былъ нашъ прежній кругъ. Только двое изъ старыхъ друзей, кромѣ насъ были на лицо. Тонъ, интересы, занятья, все измѣнилось. Друзья Станкевича были на первомъ планѣ, Бакунинъ и Бѣлинскій стояли въ ихъ главѣ, каждый съ томомъ Гегелевой философіи въ рукахъ и съ юношеской нетерпимостью, безъ которой нѣтъ кровныхъ, страстныхъ убѣжденій.

Германская философія была привита къ московскому Универ-

ситету М. Г. Павловымъ. Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 года. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физики было мудрено научится на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія, и останавливалъ студента вопросомъ: "Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?".

Это чрезвычайно важно, наша молодежъ вступающая въ Университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія, одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, за то совершенно превратное.

Отвѣтомъ на эти вопросы, Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена, съ такою пластической ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Если онъ не вовсемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики. Но онъ даже и въ своей наукѣ, далѣе введенія и общаго понятія не шелъ, или по-крайней-мѣрѣ не велъ другихъ. Эта остановка при началѣ, это незавершеніе своего дѣла, эти домы безъ крыши, фундаменты безъ домовъ, совершенно въ русскомъ народномъ духѣ. Не оттого-ли мы довольствуемся сѣнями что исторія наша еще стучится въ вороты?

Чего не сдѣлалъ Павловъ, сдѣлалъ одинъ изъ его учениковъ —Станкевичъ.

Станкевичъ, то-же одинъ изъ праздныхъ людей, ничего не совершившихъ, былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и естетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе. Кругъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ,—изъ него вышла цѣлая фаланга ученыхъ, литераторовъ и профессоровъ, въ числѣ которыхъ были Бѣлинскій и Бакунинъ.

До ссылки между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича

не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно-политическое направленіе; намъ не нравилось ихъ почти исключительно-умозрительное. Они насъ считали фрондёрами и Французами, мы ихъ сентименталистами и Нѣмцами. Первый человѣкъ признанный нами и ими, который дружески подалъ обоимъ руки и — снялъ такъ сказать своей теплой любовью къ обоимъ, своей примиряющей натурой послѣдніе слѣды взаимнаго непониманья, былъ Т., но когда я пріѣхалъ въ Москву, онъ еще былъ въ Берлинѣ, а бѣдный Станкевичъ потухалъ на берегахъ Lago di Como — лѣтъ двадцати семи.

Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель, Станкевичъ, естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, нежели вопросы жизненные и чисто практическіе, его артистическій идеализмъ ему шелъ, это былъ "побѣдный вѣнокъ" выступавшій на его блѣдномъ, предсмертномъ челѣ юноши. Другіе были слишкомъ здоровы и слишкомъ мало поэты, чтобъ на долго остаться въ спекулативномъ мышленіи безъ перехода въ жизнь. Исключительно умозрительное направленіе, совершенно противуположно русскому характеру; и мы увидимъ скоро, какъ русскій духъ переработалъ Гегелево ученіе и какъ наша живая натура, не смотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ свое. Но въ началѣ 1840 года не было еще и мысли у молодежи окружавшей Н. бунтовать противъ текста за духъ, противъ отвлеченій — за жизнь.

Новые знакомые приняли меня, такъ какъ принимаютъ эмигрантовъ и старыхъ бойцевъ, людей выходящихъ изъ тюремъ, возвращающихся изъ плѣна или ссылки, съ почетнымъ снисхожденіемъ, съ готовностью принять въ свой союзъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ не уступая ничего, а намѣкая на то, что они —сегодня, а мы— уже вчера, и требуя безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и притомъ по ихъ толкованію.

Толковали-же они объ нихъ безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, вдвухъ эстетеки, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣс-

колькихъ ночей. Люди любившіе другъ друга расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи "перехватывающаго духа", принимали за обиды мнѣнія объ "абсолютной личности и о ея по-себѣ бытіи". Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Такъ какъ Франкеръ въ Парижѣ плакалъ отъ умиленія, услышавъ, что въ Россіи его принимаютъ за великаго математика и что всѣ юное поколѣніе разрѣшаетъ у насъ уравненія разныхъ степеней употребляя тѣ-же буквы какъ онъ; такъ заплакали бы всѣ эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Мишелеты, Отто, Вадке, Шаллеры, Розенкранцы и самъ Арнольдтъ Руге, котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ "Превратникомъ Гегелевой философіи" — еслибъ они знали, какія побоища и разтованія возбудили они въ Москвѣ между Моросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ покупали.

Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, ясности нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія, молодые философы приняли напротивъ какой-то условный языкъ; они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей.

Я имѣю право это сказать, потому-что увлеченный тогдашнимъ потокомъ, я самъ писалъ точно также, да еще удивлялся, что извѣстный астрономъ Перевощиковъ называлъ это "птичьимъ языкомъ". Никто въ тѣ времена не отрекся бы отъ подобной фразы "Конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики, представляетъ ту фазу самоищущаго духа, въ которой онъ опредѣляясь для себя, потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ". Замѣчательно, что тутъ русскія слова, какъ на извѣстномъ обѣдѣ генераловъ, о которомъ говорилъ Ермоловъ, звучатъ иностраннѣе латинскихъ.

Нѣмецкая наука и это ея главный недостатокъ, приучилась къ искуственному, тяжелому, схоластическому языку своему, именно потому, что она жила въ Академіяхъ, т. е. въ монастыряхъ идеализма. Это языкъ поповъ науки, языкъ для вѣрныхъ и никто изъ оглашеныхъ его не понималъ; къ нему надобно было имѣть ключь, какъ къ шифрованнымъ письмамъ. Ключь этотъ теперь не тайна, понявши его, люди были удивлены, что наука говорила очень дѣльныя вещи и очень простыя на своемъ мудреномъ нарѣчіи, Фейербахъ сталъ первый говорить, по-человѣчески.

Механическая слѣпка нѣмецкаго, церковно-ученаго діалекта, была тѣмъ непростительнѣе, что главный характеръ нашего языка состоитъ въ чрезвычайной легости, съ которой все выражается на немъ — отвлеченныя мысли, внутреннія лирическія чувствованія, "жизни мышья бѣготня", крикъ негодованія, искрящаяся шалость и потрясающая страсть.

Рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла другая ошибка болѣе глубокая. Молодые философы наши испортили себѣ не одни фразы, но и пониманье; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное, это было то ученое пониманье простыхъ вещей, надъ которыми такъ геніально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи, и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому, что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба вступавшая въ разговоръ, философъ не только говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ "гемюту" или къ "трагическому въ сердцѣ"....

То-же въ искуствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части

Фауста, (оттого - ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея), было столько-же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки, была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ акордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько думаю за его превосходные напѣвы, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ какъ "Всемогущество Божіе", "Атласъ". На равнѣ съ итальянской музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще все французское, а по дорогѣ и все политическое.

Отсюда легко понять поле, на которомъ мы должны были непремѣнно встрѣтится и сразится. Пока прѣнія шли о томъ, что Гёте объективенъ, но что его объективность субъективна; тогда какъ Шиллеръ поэтъ субъективный, но его субъективность объективна и vice versa, все шло мирно. Вопросы болѣе страстные не замѣдлили явится.

Гегель во время своего професората въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое того отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣплятся за эти проклятые практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить, и на которые надобно было отвѣчать положительно. Насколько этотъ насильственный и неоткровенный дуализмъ былъ вопіющъ въ наукѣ, которая отправляется отъ снятія дуализма, легко понятно. Настоящій Гегель, былъ тотъ скромный профессоръ въ Іенѣ, другъ Гелдерина, который спасъ подъ полой свою феноменологію, когда Наполеонъ входилъ въ городъ; тогда его философія не вела ни къ индейскому квіэтизму, ни къ оправданію существующихъ гражданскихъ формъ, ни къ прусскому христіанству; тогда онъ не читалъ своихъ лекцій о философіи религіи, а писалъ геніальныя вещи въ родѣ статьи "о палачѣ и о смертной казни", напечатанной въ Розенкрановой біографіи.

Гегель держался въ кругу отвлеченій, для того, чтобъ не быть въ необходимости касатся эмпирическихъ выводовъ и практическихъ приложеній, для нихъ онъ избралъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ онъ на воздухъ, закутавшись и на минуту какъ больной, но и тогда оставлялъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка. Чрезвычайно слабые умы, (одинъ Гансъ дѣлаетъ исключеніе), окружавшіе его, принимали букву за самое дѣло, имъ нравилась пустая игра діалектики. Вѣроятно старику иной разъ бывало тяжело и совѣстно смотрѣть на недальновидность черезъ край удовлетворенныхъ учениковъ своихъ. Діалектическая метода, если она не есть развитіе самой сущности, воспитаніе ея такъ сказать въ мысль—становится чисто внѣшнимъ средствомъ гонять сквозь строй категорій всякую всячину, упражненіемъ въ логической гимнастикѣ, тѣмъ чѣмъ она была у греческихъ софистовъ и у средневѣковыхъ схоластиковъ послѣ Абеларда.

Философская фраза надѣлавшая всего больше вреда, и на которой нѣмецкіе консерваторы стремились помирить философію съ политическимъ бытомъ Германіи: “ Все дѣйствительное разумно”, было иначе выказанное начало достаточной причины и соотвѣтственности логики и фактовъ. Дурно понятая фраза Гегеля, сдѣлалась въ философіи тѣмъ, что нѣкогда были слова христіанскаго Жирондиста Павла “Нѣсть власти яко отъ Бога”. Но если всѣ власти отъ Бога, и если существующій общественный порядокъ оправдывается разумомъ, то и борьба противъ него если только существуетъ оправдана. Формально принятыя эти двѣ сентенціи, чистая таутологія; но таутологія или нѣтъ,—она прямо вела къ признанію предержащихъ властей, къ тому чтобъ человѣкъ сложилъ руки, этого-то и хотѣли Берлинскіе Буддаисты. Какъ такое воззрѣніе ни было противоположно русскому духу, его, откровенно заблуждаясь, приняли наши Московскіе Гегеліанцы.

Бѣлинскій, самая дѣятельная, порывистая, діалектически-

страстная натура бойца, проповѣдывалъ тогда индейскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные: въ немъ не было робости, потому-что онъ былъ силенъ и искренъ; его совѣсть была чиста.

— Знаете-ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я ему, думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ— вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ Бородинскую годовщину Пушкина.

Этого я не могъ вынести и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ, кругъ распадался. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, заговорить, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный уѣхалъ въ Петербургъ, и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ "Бородинской годовщиной".

Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и споривъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ—толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ смотрѣлъ на насъ съ высока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми.

Середь этой междоусобицы я увидѣлъ необходимость ex ipsa fonte bibere и серьезно занялся Гегелемъ. Я думаю даже, что человѣкъ не пережившій Феноменологіи Гегеля и Противурѣчій общественной экономіи Прудона, не перешедшій черезъ этотъ горнъ и этотъ закалъ не полонъ, не современенъ.

Когда я привыкъ къ его языку и овладѣлъ его методой, я сталъ разглядывать, что Гегель гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, нежели къ воззрѣнію своихъ послѣдователей, таковъ

онъ въ первыхъ сочиненіяхъ, таковъ вездѣ, гдѣ его геній закусывалъ удила и несся впередъ, забывая "бранденбургскія вороты". Философія Гегеля—алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій пережившихъ себя. Но она, можетъ съ намѣреніемъ, дурно формулирована.

Такъ какъ въ математикѣ, только тамъ съ большимъ правомъ, не возвращаются къ опредѣленію пространства, движенія, силъ, а продолжаютъ діалектическое развитіе ихъ свойствъ и законовъ; такъ и въ формальномъ пониманіи философіи, привыкнувъ однажды къ началамъ, продолжаютъ одни выводы. Новый человѣкъ, не забившій себя методой обращающейся въ привычку, именно за эти-то преданія, за эти догматы принимаемые за мысли и цѣпляется. Людямъ давно занимающимся и слѣдственно не безпристрастнымъ, кажется удивительнымъ какъ другіе не понимаютъ вещей "совершенно ясныхъ".

Какъ не понять такую простую мысль, какъ на пр., что душа безсмертна, а что умираетъ одна личность, мысль такъ успѣшно развитая берлинскимъ Мишелетомъ въ его книгѣ. Или еще болѣе простую истину, что безусловный духъ есть личность, но личность сознающая себя черезъ міръ, а между тѣмъ имѣющая собственное самопознаніе.

Всѣ эти вещи казались до того легки нашимъ друзьямъ, они такъ улыбались "французскимъ" возраженіямъ, что я былъ на нѣкоторое время подавленъ ими и работалъ и работалъ, чтобъ дойти до отчетливаго пониманія ихъ философскаго jargon.

По счастію схоластика также мало свойственна мнѣ, какъ мистицизмъ, я до того натянулъ ея лукъ, что тетива порвалась и повязка упала. Странное дѣло, споръ съ дамой привелъ меня къ этому.

Въ Новгородѣ, годъ спустя познакомился я съ однимъ генераломъ. Познакомился я съ нимъ потому, что онъ всего меньше былъ похожъ на генерала.

Въ его домѣ было тяжело, въ воздухѣ были слезы, тутъ очевидно прошла смерть. Сѣдые волосы рано покрыли его голову и добродушно-грустная улыбка больше выражала

страданій, нежели морщины. Ему было лѣтъ пятьдесятъ. Слѣдъ судьбы, обрубившей живыя вѣтви еще яснѣе виднѣлся на блѣдномъ худомъ лицѣ его жены. У нихъ было слишкомъ тихо. Генералъ занимался механикой, его жена по утрамъ давала французскіе уроки какимъ-то бѣднымъ дѣвочкамъ; когда онѣ уходили, она принималась читать, и одни цвѣты, которыхъ было много, напоминали иную, благоуханную, свѣтлую жизнь; да еще игрушки въ шкапѣ — только ими никто не игралъ.

У нихъ было трое дѣтей, два года передъ тѣмъ умеръ девятилѣтній мальчикъ, необыкновенно даровитый; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ другой ребенокъ отъ скарлатины Мать бросилась въ деревню спасать послѣднее дитя перемѣной воздуха, и черезъ нѣсколько дней воротилась; съ ней въ каретѣ былъ гробикъ.

Жизнь ихъ потеряла смыслъ, кончилась и продолжалась безъ нужды, безъ цѣли. Ихъ существованіе удержалось сожалѣніемъ другъ о другѣ; одно утѣшеніе доступное имъ, состояло въ глубокомъ убѣжденіи необходимости однаго для другаго, для того чтобъ какъ-нибудь нести крестъ. Я мало видѣлъ больше гармоническихъ браковъ, но уже это и не былъ бракъ, ихъ связывала не любовь, а какое-то глубокое братство въ несчастіи, ихъ судьба тѣсно затягивалась и держалась вмѣстѣ тремя маленькими, холодными рученками и безнадежной пустотою около и впереди.

Осиротѣвшая мать совершенно предалась мистицизму; она нашла спасеніе отъ тоски въ мірѣ таинственныхъ примиреній, она была обманута лестью религіи-человѣческому сердцу. Для нея мистицизмъ была не шутка, не мечтательность, а опять таки дѣти, и она защищала ихъ, защищая свою религію. Но какъ умъ чрезвычайно дѣятельный, она вызывала на споръ и знала свою силу. Я послѣ и прежде встрѣчалъ въ жизни много мистиковъ въ разныхъ родахъ отъ Витберга и послѣдователей Товянскаго, принимавшихъ Наполеона за военное воплощеніе Бога и снимавшихъ шапку проходя мимо вандомской колонны, до забытаго теперь "Ма-Па",—

который самъ мнѣ разсказывалъ свое свиданіе съ Богомъ, случившееся на шоссѣ между Монморанси и Парижемъ. Всѣ они большею частью люди нервные—дѣйствовали на нервы, поражали фантазію или сердце, мѣшали философскія понятія съ произвольной символикой и не любили выходить на чистое поле логики.

На немъ-то и стояла твердо и безбоязненно Л. Д. Гдѣ и какъ она успѣла пріобрѣсти такую артистическую ловкость діалектики—я не знаю. Вообще женское развитіе тайна—все ничего, наряды, да танцы, шаловливое злословіе и чтеніе романовъ, глазки и слезы—и вдругъ является гигантская воля, зрѣлая мысль, колосальный умъ. Дѣвочка увлеченная страстями изчезла—и передъ вамиъ Героанъ де Мерикуръ, красавица-трибунъ, потрясающая народныя массы — Княгиня Дашкова 18 лѣтъ, верхомъ съ саблей въ рукахъ среди крамольной толпы солдатъ.

У Л. Д. все было кончено, тутъ не было сомнѣній, шаткости, теоретической слабости ; врядъ были-ли Іезуиты или Кальвинисты такъ стройно послѣдовательны своему ученію, какъ она.

Вмѣсто того, чтобъ ненавидить смерть, — она лишившись своихъ малютокъ, возненавидила жизнь. Это-то и надобно для христіанства, для этой апотеозы смерти ; пренебреженіе земли, пренебреженіе тѣла не имѣетъ другаго смысла. И такъ гоненіе на все жизненное, реалистическое, гоненіе на наслажденіе, на здоровье, на веселость, на привольное чувство существованія. И Л. Д. дошла до того, что не любила ни Гёте, ни Пушкина.

Нападки ея на мою философію шли совсѣмъ съ другой стороны. Она иронически увѣряла, что всѣ діалектическія подмостки и тонкости—барабанный бой, шумъ, которымъ трусы заглушаютъ страхъ своей совѣсти. — Вы никогда не дойдете, говорила она, ни до личнаго Бога, ни до безсмертія души никакой философіей, а храбрости быть атеистомъ и отвергнуть жизнь за гробомъ у васъ у всѣхъ нѣтъ. Вы слишкомъ люди, чтобы не ужаснуться этихъ послѣдствій, внутреннее, отвращеніе отталкиваетъ ихъ ;—вотъ вы и выдумываете ваши логическія чудеса чтобъ отвести глаза, чтобъ дойти до того, что просто и дѣтски дано религіей.

Я возражалъ, я спорилъ, но внутри чувствовалъ, что полныхъ доказательствъ у меня нѣтъ, и что она тверже стоитъ на своей почвѣ, нежели я на своей.

Надобно было чтобъ къ тому-же для довершенія бѣды подвернулся тутъ инспекторъ врачебной управы, добрый человѣкъ, но одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ Нѣмцевъ; которыхъ я встрѣчалъ, отчаянный поклонникъ Окена и Каруса, онъ разсуждалъ цитатами, имѣлъ на все готовый отвѣтъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвался, и воображалъ, что совершенно согласенъ со мной.

Докторъ выходилъ изъ себя, бѣсился, тѣмъ больше, что другими средствами не могъ взять, находилъ воззрѣнія Л. Д. женскими капризами, ссылался на Шеллинговы чтенія объ академическомъ ученіи и читалъ самъ отрывки изъ Бурдаховой физіологіи, для доказательства, что въ человѣкѣ есть начало вѣчное и духовное, а внутри природы спрятанъ какой-то личной богъ.

Л. Д. давно прошедшая этими "задами" пантеизма, сбивала его и улыбаясь, показывала мнѣ на него глазами. Она разумѣется, была правѣе его и я добросовѣстно ломалъ себѣ голову и досадывалъ, когда мой докторъ торжественно смѣялся. Споры эти занимали меня до того, что я съ новымъ ожесточеніемъ принялся за Гегеля. Мученье моей неувѣренности не долго продолжалось, истинавдругъ мелькнула передъ глазами и стала становиться яснѣе и яснѣе; я склонился на сторону моей противницы, но не такъ, какъ она хотѣла.

— Вы совершенно правы, сказалъ я ей, и мнѣ совѣстно, что я съ вами спорилъ; разумѣется, что нѣтъ ни личнаго Бога, ни безсмертія души, оттого-то это и было такъ трудно доказать. Посмотрите какъ все становится просто, естественно — безъ этихъ впередъ идущихъ предположеній.

Ее смутили мои слова, но она скоро оправилась, и сказала: —Жаль мнѣ васъ, а можетъ оно и къ лучшему, вы въ этомъ направленіи долго не останетесь, въ немъ слишкомъ пусто и тяжело. — А вотъ, прибавила она улыбаясь, нашъ докторъ, тотъ неизлѣчимъ, ему не страшно, онъ въ такомъ туманѣ, что не видитъ ни на шагъ впередъ.

Однако лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго.

Мѣсяца два-три спустя, проѣзжалъ по Новгороду Н., онъ привезъ мнѣ "Wesen des Christenthums" Фейербаха. Прочитавъ первыя страницы, я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказанія, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно намъ облекать истину въ миѳы!

Въ разгарѣ моей философской страсти я началъ тогда рядъ моихъ статей о "дилетантизмѣ въ наукѣ", въ которыхъ между прочимъ отомстилъ и доктору.

Теперь возвратимся къ Бѣлинскому.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда въ Петербургъ въ 1840 году, пріѣхали и мы туда. Я не шелъ къ нему. Н. моя ссора съ Бѣлинскимъ была очень прискорбна, онъ понималъ, что нелѣпое воззрѣніе у Бѣлинскаго была переходная болѣзнь, да и я понималъ, но Н. былъ добрѣе. Наконецъ онъ натянулъ своими письмами свиданіе. Наша встрѣча сначала была холодна, непріятна, натянута; но ни Бѣлинскій, ни я мы не были большіе дипломаты, въ продолженіи ничтожнаго разговора я помянулъ статью о "бородинской годовщинѣ". Бѣлинскій вскочилъ съ своего мѣста и вспыхнувъ въ лицѣ, пренаивно сказалъ мнѣ: Ну слава Богу договорились-же, а то я съ моимъ глупымъ нравомъ не зналъ какъ начать . . . ваша взяла; три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили нежели всѣ доводы. — Забудемте этотъ вздоръ. Довольно вамъ сказать, что на дняхъ я обѣдалъ у одного знакомаго, тамъ былъ инженерный офицеръ; хозяинъ спросилъ его хочетъ-ли онъ со мной познакомится?—Это авторъ статьи о бородинской годовщинѣ? спросилъ его на ухо офицеръ.—Да.—Нѣтъ, покорно благодарю, сухо отвѣтилъ онъ.—Я слышалъ все и не могъ вытерпѣть, я горячо пожалъ руку офицеру, и сказалъ ему: вы благородный человѣкъ, я васъ уважаю . . . Чего-же вамъ больше?

Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго, мы шли съ нимъ рука въ руку.

Бѣлинскій, какъ слѣдовало ожидать опрокинулся со всей

язвительностью своей рѣчи, со всей неистощимой энергіей на свое прежнее воззрѣніе. Положеніе многихъ изъ его пріятелей было не очень завидное, plus royalistes que le roi— они съ мужествомъ несчастія старались отстаивать свои теоріи, не отказываясь впрочемъ отъ почетнаго перемирія.

Всѣ люди дѣльные и живые перешли на сторону Бѣлинскаго, только упорные формалисты и педанты отдалились; одни изъ нихъ дошли до того нѣмецкаго самоубійства наукой схоластической и мертвой, что потеряли всякій жизненный интересъ и сами потерялись безъ вѣсти. Другіе сдѣлались православными Славянофилами. Какъ сочетаніе Гегеля съ Стефаномъ Яворскимъ ни кажется странно, но оно возможнѣе нежели думаютъ; византійское богословіе точно также внѣшняя казуистика, игра логическими формулами, какъ формально принимаемая діалектика Гегеля. Москвитянинъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ далъ торжественное доказательство до чего можетъ дойти при талантѣ, содомизмъ философій и религіи, логики и самодержавія.

Бѣлинскій вовсе не оставилъ вмѣстѣ съ одностороннимъ пониманіемъ Гегеля, его философію. Совсѣмъ напротивъ, отсюда-то и начинается его живое, меткое, оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными. Я считаю Бѣлинскаго однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ Николаевскаго періода. Послѣ либерализма кой-какъ пережившаго 1825 г. въ Полевомъ, послѣ мрачной статьи Чаадаева, является выстраданное, желчное отрицаніе Бѣлинскаго, въ рядѣ критическихъ статей. Онъ касается всѣхъ вопросовъ, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, — часто подымаясь до поэтическаго одушевленія, особенно когда бывалъ раздраженъ. Книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой нибудь вопросъ. Ему достаточенъ стихъ "Родные люди вотъ какіе" въ Онѣгинѣ, чтобъ вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношенія родства. Кто не помнитъ его статьи о "Тарантасѣ", о "Парашѣ" Тургенева, о Державинѣ? Какая вѣрность своимъ началамъ какая неустрашимая послѣ-

довательность и ловкость въ плаваніи между цензурными отмѣлями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на этихъ писателей первыхъ трехъ классовъ, на этихъ статсъ-секретарей литературы, готовыхъ всегда взять противника не мытьемъ — такъ катаньемъ, не анти-критикой — такъ доносомъ. Бѣлинскій стягалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе, этихъ чопорныхъ, ограниченныхъ писателей эклокъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжности; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія, задушевныя мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтущія подъ сѣдинами, ихъ наивность прикрытую аннинской лентой. Какъ-же они за то его и ненавидили!

Славянофилы съ своей стороны начали офиціально существовать съ войны противъ Бѣлинскаго; онъ ихъ додразнилъ до мурмулокъ и зипуновъ. Стоитъ вспомнить, что Бѣлинскій прежде писалъ въ "Отечественныхъ запискахъ", а Кіреевскій началъ издавать свой превосходный журналъ подъ заглавіемъ "Европеецъ"; эти названія всего лучше доказываютъ, что въ началѣ были только оттѣнки, а не мнѣнія, не партіи.

Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ, съ 25 числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены-ли Отечественныя Записки; тяжелый номеръ рвали изъ рукъ въ руки— "есть Бѣлинскаго статья?"—"Есть" и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами .... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало.

Не даромъ Скобелевъ, комендантъ Петропавловской крѣпости говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчаясь на Невскомъ проспектѣ. "Когда-же къ намъ, у меня совсемъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу".

Я въ другой книгѣ говорилъ о развитіи Бѣлинскаго и объ его литературной дѣятельности, здѣсь скажу нѣсколько словъ объ немъ самомъ.

Бѣлинскій былъ очень застѣнчивъ и вообще терялся въ незнакомомъ обществѣ или въ очень многочисленномъ; онъ зналъ это, и желая скрыть дѣлалъ пресмѣшныя вещи. К. уговорилъ его ѣхать къ одной дамѣ; по-мѣрѣ приближенія къ ея дому, Бѣлинскій все становился мрачнѣе, спрашивалъ нельзя-ли ѣхать въ другой день, говорилъ о головной боли. К. зная его, непринималъ никакихъ отговорокъ. Когда они пріѣхали, Бѣлинскій сходя съ саней пустился было бѣжать: но К. поймалъ его за шинель и повелъ представлять дамѣ.

Онъ являлся иногда на литературно-дипломатическіе вечера одного аристократическаго литератора. Тамъ толпились люди ничего не имѣвшіе общаго кромѣ нѣкотораго страха и отвращенія другъ отъ друга; тамъ бывали посольскіе чиновники и археологъ Сахаровъ, живописцы и А. Мейендорфъ, Статскіе Совѣтники изъ образованныхъ, Іоакинѳъ Бичуринъ изъ Пекина, полу-жандармы и полу-литераторы, совсѣмъ жандармы и вовсе литераторы. А. К. домолчался тамъ до того, что генералы принимали его за авторитетъ. Хозяйка дома съ внутренной горестью смотрѣла на подлые вкусы своего мужа и уступала имъ, такъ какъ Людвикъ Филиппъ въ началѣ своего царствованія—снисходя къ своимъ избирателямъ, приглашалъ на балы въ Тьюльри цѣлые rez de chaussée подтяжечныхъ мастеровъ, москатильныхъ лавочниковъ, башмачниковъ и другихъ почтенныхъ гражданъ.

Бѣлинскій былъ совершенно потерянъ на этихъ вечерахъ, между какимъ-нибудь саксонскимъ посланникомъ, не понимавшимъ ни слова по русски и какимъ-нибудь чиновникомъ III отдѣленія, понимавшимъ даже тѣ слова, которые умалчивались. Онъ обыкновенно занемогалъ потомъ на два, на три дня и проклиналъ того, кто уговорилъ его ѣхать.

Разъ въ субботу на канунѣ новаго года, хозяинъ вздумалъ варить жженку en petit comité, когда главные гости разъѣхались. Бѣлинскій непремѣнно бы ушелъ, но передъ нимъ стояла баррикада мебели, онъ какъ-то забился въ уголъ и передъ нимъ поставили небольшой столикъ съ виномъ и стаканами. Жуковскій въ бѣлыхъ форменныхъ штанахъ съ золотымъ "по-

зументомъ" сѣлъ наискось противъ него. Долго терпѣлъ Бѣлинскій, но не видя улучшенія своей судьбы, онъ сталъ нѣсколько подвигать столъ; столъ сначала уступалъ, потомъ покачнулся и грохнулъ на земь, бутылка бордо пресерьезно начала поливать Жуковскаго. Онъ вскочилъ, красное вино струилось по его панталонамъ; сдѣлался гвалтъ, слуга бросился съ салфеткой домарать виномъ остальныя части панталонъ, другой подбиралъ разбитыя рюмки . . . во время этой суматохи, Бѣлинскій изчезъ и близкій къ кончинѣ, пѣшкомъ прибѣжалъ домой.

Милой Бѣлинскій! какъ его долго сердили и растроивали подобныя происшествія, какъ онъ объ нихъ вспоминалъ съ ужасомъ—не улыбаясь, а похаживая по компатѣ и покачивая головой.

По въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура; да, это былъ сильный боецъ! Онъ не умѣлъ проповѣдывать, поучать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть; онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больнаго лилась изъ горла; блѣдный, задыхающійся, съ глазами остановленными на томъ съ кѣмъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ я его въ эти минуты!

Притѣсняемый денежно литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало симпатичными, снѣдаемый болѣзнію, для которой балтійскій климатъ былъ убійствененъ, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда педѣлю

цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редакція посылала записку за запиской требуя оригинала, и закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещащія отъ негодованія, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей.

Часто выбившись изъ силъ, приходилъ онъ отдыхать къ намъ, лежа на полу съ двухлѣтнимъ ребенкомъ, онъ игралъ съ нимъ цѣлые часы. Пока мы были втроемъ, дѣло шло какъ нельзя лучше, но при звукѣ колокольчика, судорожная гримаса пробѣгала по лицу его и онъ безпокойно оглядывался и искалъ шляпу; потомъ оставался, по славянской слабости. Тутъ, одно слово, замѣчаніе сказанное не по немъ, приводило къ самымъ оригинальнымъ сценамъ и спорамъ . . .

Разъ приходитъ онъ обѣдать къ одному литератору на страстной недѣли, подаютъ постныя блюда. Давно-ли спрашиваетъ онъ, вы сдѣлались такъ богомольны?—Мы ѣдимъ, отвѣчаетъ литераторъ, постное просто на просто для людей.—Для людей?—спросилъ Бѣлинскій и поблѣднѣлъ—для людей? повторилъ онъ и бросилъ свое мѣсто. Гдѣ ваши люди? я имъ скажу что они обмануты, всякій открытый порокъ лучше и и человѣчественнѣе этого презрѣнія къ слабому и необразованному, этого лицемѣрія поддерживающаго невѣжество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну васъ доску со всѣми царями, плантаторами. Прощайте, я не ѣмъ постнаго для поученія, у меня нѣтъ людей!"

— Въ числѣ закоснѣлѣйшихъ Нѣмцевъ изъ русскихъ, былъ одинъ Магистръ нашего Университета, недавно пріѣхавшій изъ Берлина; добрый человѣкъ въ синихъ очкахъ, чопорный и приличный, онъ остановился на всегда, растроивъ, ослабивъ свои способности философіей и филологіей. Самый скучный и тяжелый педантъ, онъ туда-же любилъ говорить. Разъ на литературной вечеринкѣ у романиста, наблюдавшаго для своихъ людей посты, мой Магистръ проповѣдывалъ какую-то чужъ honnête et moderé. Бѣлинскій лѣжалъ въ углу на кушеткѣ и когда я проходилъ мимо, онъ меня взялъ за полу и сказалъ: "Слышалъ-ли ты, что этотъ извергъ вретъ? у меня давно языкъ

чешится, да что-то грудь болитъ и народу много, будь отцомъ роднымъ, одурачь какъ-нибудь, прихлопни его, убѣй какой-нибудь насмѣшкой, ты это лучше умѣешь—ну утѣшь".

Я расхохотался и отвѣтилъ Бѣлинскому, что только булдоговъ пускаютъ на крысъ. Я же этого господина почти не знаю, да и едва слышалъ что онъ говоритъ.

Къ концу вечера Магистръ въ синихъ очкахъ, побранивши Кольцова за то что онъ оставилъ народный костюмъ, вдругъ сталъ говорить о знаменитомъ письмѣ Чаадаева и заключилъ пошлую рѣчь, сказанную тѣмъ докторальнымъ тономъ, который самъ по себѣ вызываетъ на дерзость и насмѣшку — слѣдующими словами: "Какъ бы то ни было я считаю его поступокъ презрительнымъ, гнуснымъ, я не уважаю такаго человѣка".

Въ комнатѣ былъ одинъ человѣкъ близкій съ Чаадаевымъ, это я. О Чаадаевѣ я буду еще много говорить, я его всегда любилъ и уважалъ, и былъ любимъ имъ; мнѣ казалось неприличнымъ пропустить дикое замѣчаніе. Я сухо спросилъ его, полагаетъ-ли онъ, что Чаадаевъ писалъ свою статью изъ видовъ или неоткровенно.

— Совсемъ нѣтъ—отвѣчалъ Магистръ.

На этомъ завязался непріятный разговоръ, я ему доказывалъ что эпитеты гнусный, презрительный—г н у с н ы и п р е з р и т е л ь н ы, относясь къ человѣку смѣло высказавшему свое мнѣніе и пострадавшему за него. Онъ мнѣ толковалъ о цѣлости народа, о единствѣ отечества, о преступленіи разрушать это единство, о святыняхъ до которыхъ нельзя касаться.

Вдругъ мою рѣчь подкосилъ Бѣлинскій, онъ вскочилъ съ своего дивана, подошелъ ко мнѣ уже блѣдный какъ полотно и ударивъ меня по плечу сказалъ:—Вотъ они, высказались, —инквизиторы, цензоры— на веревочкѣ мысль водить . . . и пошелъ и пошелъ. Чудесно говорилъ онъ, приправляя серьезныя слова убійственными колкостями. И что за обидчивость такая, говорилъ онъ, палками бьютъ, не обижаемся, въ Сибирь посылаютъ, не обижаемся, а тутъ Чаадаевъ видите зацѣпилъ народную честь, не смѣй говорить; рѣчь—дерзость, лакеи ни-

когда не говорятъ! Отъчего-же въ странахъ больше образованныхъ, гдѣ кажется чувствительность тоже должна быть больше развита нежели въ Костромѣ, да Калугѣ—не обижаются словами?

— Въ образованныхъ странахъ—сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ Магистръ, есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ оскорбляющихъ то, что цѣлый народъ чтитъ,—и прекрасно дѣлаютъ.

Бѣлинскій выросъ, онъ былъ страшенъ, великъ въ эту минуту, скрестивъ на своей груди руки и глядя прямо на Магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, которой казнятъ тѣхъ, котоые находятъ это прекраснымъ.

Сказавши это, онъ бросился на кресла изнеможенный и замолчалъ. При словѣ гильотина хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обезпокоились, сдѣлалась пауза. Магистръ былъ уничтоженъ, но именно въ эти минуты самолюбіе людское и закусываетъ удила—И. Т. совѣтуетъ человѣку, когда онъ такъ затѣшится въ спорѣ, что самому сдѣлается страшно, провесть разъ десять языкомъ внутри рта, прежде нежели вымолвить слово.

Магистръ, не зная этого домашняго средства, продолжалъ пороть вялые пустяки, обращаясь больше къ другимъ, нежели къ Бѣлинскому. — Не смотря на всю вашу нетерпимость, сказалъ онъ наконецъ, я увѣренъ, что вы согласитесь съ однимъ.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Бѣлинскій, что бы вы ни сказали, я не соглашусь ни съ чѣмъ!

Всѣ разсмѣялись и пошли ужинать. Магистръ схватилъ шляну и уѣхалъ.

. . . . Лишенія и страданія скоро совсѣмъ подточили болѣзненный организмъ Бѣлинскаго. Лицо его, особенно мышцы около губъ его, печально остановившійся взоръ равно говорили о сильной работѣ духа и о быстромъ разложеніи тѣла.

Въ послѣній разъ я видѣлъ его въ Парижѣ осенью 1847 г., онъ былъ очень плохъ, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергія и ярко свѣтилась своимъ догоряющимъ огнемъ. Въ такую минуту написалъ онъ свое письмо къ Гоголю.

Вѣсть о февральской революціи еще застала его въ живыхъ, онъ умеръ принимая это зарево, за занимающееся утро!

ГЛАВА IX.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Предостереженія — Герольдія — Канцелярія Министра — III Отдѣленіе — Исторія будочника — Генералъ Дубельтъ — Графъ Бенкендорфъ — Ольга Александровна Жеребцова — Вторая Ссылка.

Отправляя меня въ Декабрѣ 1839 года въ Петербургъ, хлопотать по дѣлу, мой отецъ простившись со мною еще разъ повторилъ: "Бога ради, будь остороженъ, бойся всѣхъ, отъ кондуктора въ дилижансѣ, до моихъ знакомыхъ къ которымъ я даю тебѣ письма, не довѣрайся никому. Петербургъ теперь не то, что былъ въ наше время, тамъ во всякомъ обществѣ навѣрное есть муха или двѣ. Tiens toi pour averti".

Съ этимъ эпиграфомъ къ петербурской жизни, сѣлъ я въ дилижансъ первоначальнаго заведенія т. е. имѣющаго всѣ недостатки послѣдовательно устраненные другими и поѣхалъ.

Пріѣхавъ часовъ въ девять вечеромъ въ Петербургъ я взялъ извощика и отправился на Исакіевскую площадь; съ нея хотѣлъя начать знакомство съ Петербургомъ. Всебыло покрыто глубокимъ снѣгомъ, только Петръ I на конѣ мрачно и грозно вырѣзывался середь ночной темноты на сѣромъ фондѣ,

Чернѣя сквозь ночной туманъ
Съ поднятой гордо головою,
Надменно выпрямивъ свой станъ,
Куда-то кажетъ въ даль рукою
Съ коня могучій великанъ;
А конь притянутый уздою,
Поднялся вверхъ съ переднихъ ногъ,
Чтобъ всадникъ дальше видѣть могъ.

(ЮМОРЪ).

Отчего битва 14 Декабря была именно на этой площади, отчего именно съ пьедесталя этой площади раздался первый крикъ русскаго освобожденія, зачѣмъ каре жалось къ Петру I награда-ли это ему?... или наказаніе? Четырнадцатое декабря 1825 было слѣдствіемъ дѣла прерваннаго двадцать перваго января 1725. Пушки Николая были равно обращены противъ возмущенія и противъ статуи ; жаль, что картечь не разстрѣляла мѣднаго Петра .....

Возвратившись въ гостинницу, я нашелъ у себя однаго родственника, поговоривши съ нимъ о томъ о семъ, я не думая коснулся до Исакіевской площади и до 14 Декабря.

— Что дядюшка?—спросилъ меня родственникъ, какъ вы оставили его?

— Слава Богу какъ всегда, онъ вамъ кланяется ...

Родственникъ, не мѣняя нисколько лица, одними зрачками телеграфировалъ мнѣ упрекъ, совѣтъ, предостереженіе; зрачки его косясь, заставили меня обернуться—истопникъ клалъ дрова въ печь; когда онъ затопилъ ее, причемъ самъ отправлялъ должность раздувальныхъ мѣховъ и сдѣлалъ на полу лужу снѣгомъ оттаявшимъ съ его сапогъ, онъ взялъ кочергу длиною съ казацкую пику и вышелъ.

Родственникъ мой принялся тогда меня упрекать, что я при истопникѣ коснулся такого скабрёзнаго предмета, да еще по-русски. Уходя, онъ сказалъ мнѣ въ полъголоса: "Кстати, чтобъ не забыть, тутъ ходитъ цирюльникъ въ отель, онъ продаетъ всякую дрянь, гребенки, порченую помаду; пожалуста будьте съ нимъ осторожны, я увѣренъ, что онъ въ связяхъ съ полиціей — болтаетъ всякій вздоръ. Когда я здѣсь стоялъ, я покупалъ у него пустяки чтобъ скорѣе отдѣлаться".

— Для поощренія. Ну а прачка тоже числится по корпусу жандармовъ?

— Смѣйтесь, смѣйтесь, вы скорѣе другаго попадетесь только что воротились изъ ссылки, за вами десять нянь приставятъ.

— Въ то время, какъ семерыхъ довольно, чтобъ быть безъ глазу.

На другой день поѣхалъ я къ чиновнику, занимавшемуся

прежде дѣлами моего отца, онъ былъ изъ Малороссіянъ, говорилъ съ вопіющимъ акцентомъ по русски, вовсе не слушая о чемъ рѣчь, всему удивлялся, закрывая глаза и какъ-то по мышиному приподнимая пухленькія лапки ... Не вытерпѣлъ и онъ, и видя, что я взялъ шляпу, отвелъ меня къ окошку, осмотрѣлся и сказалъ мнѣ: Ужъ это ви непогнѣвайтесь, такъ по стародавнему знакомству съ семействомъ вашего батюшки и ихъ покойныхъ братцевъ, ви т. е. па счетъ гисторіи бившей съ вами не очень поговаривайте. Ну помилуйте, сами обсудите, къ чему это нужно, теперь все прошло какъ димъ—ви что-то молвили при моей кухаркѣ—Чухна—кто ее знаетъ—я даже такъ немпожко—очень испугався.

Пріятный городъ подумалъ я, оставляя испуганнаго чиновника . . . рыхлой снѣгъ валилъ хлопьями, мокро-холодный вѣтеръ пронималъ до костей, рвалъ шляпу и шинель. Кучеръ едва видя на шагъ передъ собой, щурясь отъ снѣгу и наклоняя голову кричалъ "гись, гись". Я вспомнилъ совѣтъ моего отца, вспомнилъ родственника, чиновника и того воробья путешественника въ сказкѣ Ж. Сандъ, который спрашивалъ полузамерзнувшаго волка въ Литвѣ: за чѣмъ онъ живетъ въ такомъ скверномъ климатѣ, "Свобода отвѣчалъ волкъ, заставляетъ забыть климатъ".

Кучеръ правъ—"берегись, берегись"; и какъ мнѣ хотѣлось поскорѣй уѣхать.

Я и то недолго остался въ мой первый пріѣздъ. Отецъ мой присылалъ меня покончить дѣло въ Герольдіи и представиться графу Строгонову, который хотѣлъ меня опредѣлить въ свою канцелярію. Въ три недѣли я все покончилъ и къ новому году прискакалъ назадъ во Владиміръ.

Опытность пріобрѣтенная мною въ Вяткѣ послужила мнѣ чрезвычайно въ Герольдіи. Я зналъ уже, что Герольдія нѣчто въ родѣ прежняго Сен-Джайля въ Лондонѣ, вертепъ оффиціально признанныхъ воровъ, которыхъ никакая ревизія, никакая реформа измѣнить не можетъ. Сан-Джайль для очистки взяли приступомъ, скупая домы и приравнивая ихъ землѣ; тоже слѣдуетъ сдѣлать съ герольдіей. Къ тому-же она совер-

шенно не нужна, какое то паразитное мѣсто—служба служебнаго повышенія, министерство—табели о рангахъ, археологическое общество изыскапія дворянскихъ грамотъ, канцелярія въ канцеляріи. Само-собою разумѣется, что и злоупотребленія тамъ должны были быть втораго порядка!

Повѣренный моего отца, привелъ ко мнѣ длиннаго старика въ мундирномъ фракѣ, котораго каждая пуговица висѣла на ниткахъ, нечистаго и уже закусившаго не смотря на ранній часъ. Это былъ корректоръ изъ сенатской типографіи; поправляя граматическія ошибки, онъ за кулисами помогалъ инымъ ошибкамъ разныхъ Оберъ-секретарей. Я въ полчаса сговорился съ нимъ, поторговавшись точно такъ, какъ бы рѣчь шла о покупкѣ лошади или мебели. Впрочемъ онъ самъ положительно отвѣчать не могъ, бѣгалъ въ Сенатъ за инструкціями и наконецъ получивши ихъ, просилъ "задаточку".

— Да сдержутъ-ли они обѣщаніе?

— Нѣтъ, ужъ это позвольте, это не такіе люди, этаго никогда не бываетъ, чтобъ получивши благодарность не исполнить долгъ чести, отвѣтилъ корректоръ до того обиженнымъ тономъ, что я счелъ нужнымъ его смягчить легкой прибавочкой благодарности.

— Въ герольдіи-съ, замѣтилъ онъ обезоруженный мною, былъ прежде секретарь, удивительный человѣкъ, вы можетъ слыхали о немъ, бралъ на пропалую и все съ рукъ сходило. Разъ какой-то провинціальный чиновникъ пришелъ въ канцелярію потолковать о своемъ дѣлѣ, да прощаясь, потихоньку изъ-подъ шляпы ему и подаетъ сѣренькую бумажку. — Да что у васъ за секреты, говоритъ ему секретарь, помилуйте точно любовную записку подаете,—ну сѣринькая, тѣмъ лучше, пусть другіе просители видятъ, это ихъ поощритъ, когда они узпаютъ, что двѣсти рублей я взялъ, да за то дѣло обдѣлалъ—И растянувъ ассигнацію, онъ ее сложилъ и сунулъ въ жилетный карманъ. Корректоръ былъ правъ. Секретарь исполнилъ долгъ чести.

Я оставилъ Петербургъ съ чувствомъ очень близкимъ къ ненависти. А между-тѣмъ дѣлать было нечего, надобно было

перебираться въ непріязненый городъ; въ началѣ 1840 года пришла бумага во Владиміръ о моемъ переводѣ на службу къ графу А. Строгонову.

Я не долго служилъ, всячески лынялъ отъ дѣла, и потому многаго о службѣ мнѣ разсказывать нечего. Канцелярія министра Внутреннихъ Дѣлъ относилась къ канцеляріи вятскаго губернатора, какъ сапоги вычищенные относятся къ невычищеннымъ; та-же кожа, тѣ-же подошвы, но одни въ грязи, а другіе подъ лакомъ. Я не видалъ здѣсь пьяныхъ чиновниковъ, не видалъ какъ берутъ двугривенники за справку, а что-то мнѣ казалось, что подъ этими плотно пригнанными фраками и тщательно вычесанными волосами, живетъ такая дрянная, черная, мелкая, завистливая и трусливая душенка—что мой столоначальникъ въ Вяткѣ казался мнѣ больше человѣкомъ чѣмъ они. Я вспоминалъ, глядя на новыхъ товарищей какъ онъ разъ на пирушкѣ у губернскаго землемѣра, выпивши, игралъ на гитарѣ плясовую и наконецъ не вытерпѣлъ, вскочилъ съ гитарой и пустился въ присядку; отчего эти ничѣмъ неувлекаются, отчего въ нихъ не кипитъ кровь, отчего вино не кружитъ имъ голову? Въ танцъ-классѣ гдѣ-нибудь съ Нѣмочками, они умѣютъ пройти французскую кадриль, представить изъ себя разочарованныхъ, сказать стихъ Тимофеева или Кукольника, дипломаты, аристократы и манфреды. Жаль только, что министръ Дашковъ не могъ этихъ Чальдъ-Гароль-довъ отучить въ театрѣ, въ церкви, вездѣ дѣлать фрунтъ и кланятся.

Петербуржцы смѣются надъ костюмами въ Москвѣ, ихъ оскорбляютъ венгерки и картузы, длинные волосы, гражданскіе усы! Москва дѣйствительно городъ штатскій, нѣсколько распущенный, непривыкшій къ дисциплинѣ, но достоинство это или недостатокъ—это нерѣшенное дѣло. Стройность одинаковости, отсутствіе разнообразія, личнаго, капризнаго, своеобычнаго, обязательная форма, внѣшній порядокъ, все это въ высшей степени развито въ самомъ нечеловѣческомъ состояніи людей—въ казармахъ. Мундиръ и однообразіе страсть деспотизма. Моды нигдѣ не соблюдаются съ такимъ уваженіемъ

какъ въ Петербургѣ, это доказываетъ незрѣлость нашего образованія; наши платья чужія. Въ Европѣ люди одѣваются, а мы рядимся и поэтому боимся если рукавъ широкъ или воротникъ узокъ. Въ Парижѣ только боятся быть одѣтымъ безъ вкуса, въ Лондонѣ боятся только простуды, въ Италіи всякій одѣвается какъ хочетъ. Еслибъ показать эти батальоны одинаковыхъ сертуковъ, плотно застегнутыхъ, щеголей на Невскомъ проспектѣ, Англичанинъ принялъ бы ихъ за отрядъ полисменовъ.

Всякій разъ дѣлалъ я надъ собою усиліе, входя въ министерство. Начальникъ канцеляріи гернгутеръ, добродѣтельный и лимфатическій уроженецъ съ острова Даго, наводилъ какую то благочестивую скуку. Начальники отдѣленій озабоченно бѣгали съ портфелями, были недовольны столоначальниками, столоначальники писали, писали, дѣйствительно были завалены работой и имѣли перспективу умереть за тѣми-же столами; по-крайней-мѣрѣ просидѣть безъ особенно счастливыхъ обстоятельствъ лѣтъ двадцать. Въ регистратурѣ былъ чиновникъ тридцать третій годъ записывавшій исходящія бумаги и печатавшій пакеты.

Мое "упражненіе въ стилѣ" и здѣсь доставило мнѣ нѣкоторую льготу; испытавъ мою неспособность ко всему другому, начальникъ отдѣленія поручилъ мнѣ составленіе общаго отчета по министерству изъ частныхъ губернскихъ. Предусмотрительность начальства нашла нужнымъ впередъ объяснить нѣкоторые будущіе выводы, не оставляя ихъ на произволъ цифръ и фактовъ. Такъ на пр. въ слегка набросанномъ планѣ отчета, было сказано: "Изъ разсматриванія числа и характера преступленій (ни число, ни характеръ еще не были извѣстны) в. в. изволите усмотрѣть успѣхи народной нравственности и усиленное дѣйствіе начальства съ цѣлью оную улучшить".

Судьба и графъ Бенкендорфъ спасли меня отъ участія въ подложномъ отчетѣ, это случилось такъ:

Въ первыхъ числахъ Декабря, часовъ въ девять утромъ, Матвѣй сказалъ мнѣ, что квартальный надзиратель желаетъ меня видѣть. Я не могъ догадаться что его привело ко мнѣ и велѣлъ

просить. Квартальный показалъ мнѣ клочекъ бумаги, на которомъ было написано, чтобъ онъ "пригласилъ меня въ 11 часовъ утра въ III отдѣленіе собств. е. в. канцеляріи".

— Очень хорошо, отвѣчалъ я, это у цѣпнаго моста?

— Не беспокойтесь, у меня внизу сани, я съ вами поѣду. Дѣло скверное, подумалъ я, и сердце сильно сжалось, я взошелъ въ спальню. Жена моя сидѣла съ малюткой, который только-что сталъ оправляться послѣ долгой болѣзни. "Что онъ хочетъ?" спросила она. Незнаю, какой-нибудь вздоръ, мнѣ надобно съѣздить съ нимъ. . . Ты не беспокойся.—Жена моя посмотрѣла на меня ничего не отвѣчала, только поблѣднѣла, какъ будто туча набѣжала на ся лицо, и подала мнѣ малютку проститься.

Я испыталъ въ этуминуту на сколько тягостнѣе всякій ударъ семейному человѣку, ударъ бьетъ не его однаго, и онъ страдаетъ за всѣхъ и невольно винитъ себя за ихъ страданія.

Переломить, подавить, скрыть это чувство можно; но надобно знать чего это стоитъ; я вышелъ изъ дома съ черной тоской. Не таковъ былъ я отправляясь шесть лѣтъ передъ тѣмъ съ полицмейстеромъ Миллеромъ въ Пречистенскую часть.

Проѣхали мы цѣпной мостъ, лѣтній садъ и завернули въ бывшій домъ Кочубея, тамъ во флигелѣ помѣщалась свѣтская инквизиція учрежденная Николаемъ; не всегда люди входившіе въ заднія вороты, передъ которыми мы остановились, выходили изъ нихъ, т. е. можетъ и выходили, но для того, чтобъ потеряться въ Сибири, погибнуть въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Шли мы всякими дворами и двориками и дошли наконецъ до канцеляріи. Не смотря на присутствіе комиссара, жандармъ насъ не пустилъ, а вызвалъ чиновника, который прочиталъ бумагу, оставилъ квартальнаго въ коридорѣ, а меня просилъ идти за нимъ. Онъ меня привелъ въ директорскую комнату. За большимъ столомъ, возлѣ котораго стояло нѣсколько креселъ, сидѣлъ одинъ одинехонекъ старикъ худой, сѣдой, съ зловѣщимъ лицомъ. Онъ для важности дочиталъ какую-то бумагу, потомъ всталъ и подошелъ ко мнѣ. На груди его была звѣзда, изъ этого я заключилъ, что это какой-нибудь корпусный командиръ шпіоновъ.

— Видѣли вы генерала Дуббельта?

— Нѣтъ.

Онъ помолчалъ, потомъ не смотря мнѣ въ глаза морщясь и сводя бровями, спросилъ какимъ-то стертымъ голосомъ: (голосъ этотъ мнѣ ужасно напомнилъ нервно шипящіе звуки Голицына junior-а, московской слѣдственной коммиссіи).

— Вы, кажется, не очень давно получили разрѣшеніе пріѣзжать въ столицы?

— Въ прошедшомъ году.

Старикъ покачалъ головой. — Плохо вы воспользовались милостью государя. Вамъ кажется придется опять ѣхать въ Вятку.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да-съ, продолжалъ онъ, хорошо показываете вы признательность правительству возвратившему васъ.

— Я совершенно ничего не понимаю, сказалъ я, теряясь въ догадкахъ.

— Не понимаете?—это-то и плохо! Что за связи, что за занятія? Вмѣсто того, чтобъ первое время показать усердіе, смыть пятна оставшіяся отъ юношескихъ заблужденій, обратить свои способности на пользу—нѣтъ! куда! Все политика, да пересуды, и все во вредъ правительству. Вотъ и договорились; какъ васъ опытъ не научилъ? Почемъ вы знаете, что въ числѣ тѣхъ, которые съ вами толкуютъ, нѣтъ всякій разъ какого-нибудь мерзавца (*), который лучше не просить, какъ черезъ минуту придти сюда съ доносомъ.

— Ежели вы можете мнѣ объяснить, что все это значитъ, вы меня очень обяжете, я ломаю себѣ голову и никакъ не понимаю куда ведутъ ваши слова, или на что намекаютъ.

— Куда ведутъ? . Хм . . . Ну а скажите, слышали вы, что у Синяго моста будочникъ убилъ и ограбилъ ночью человѣка?

— Слышалъ, отвѣчалъ я пренаивно.

— И можетъ повторяли?

— Кажется, что повторялъ.

(*) Я честнымъ словомъ увѣряю, что слово "мерзавецъ" было употреблено почетнымъ старцемъ.

— Съ разсужденіями я чай?

— Вѣроятно.

— Съ какими-же разсужденіями?—Вотъ оно наклонность къ порицанію правительства. Скажу вамъ откровенно, одно дѣлаетъ вамъ честь, это ваше искренное сознаніе, и оно будетъ навѣрно принято графомъ въ соображеніе.

— Помилуйте — сказалъ я, какое тутъ сознаніе, объ этой исторіи говорилъ весь городъ, говорили въ канцеляріи министра В. Д., въ лавкахъ. Что-же тутъ удивительнаго что и я говорилъ объ этомъ происшествіи?

— Разглашеніе ложныхъ и вредныхъ слуховъ есть преступленіе не терпимое законами.

— Вы меня обвиняете, мнѣ кажется, въ томъ, что я выдумалъ это дѣло?

— Въ докладной запискѣ государю сказано только, что вы способствовали къ распространенію такаго вреднаго слуха. На что послѣдовала высочайшая резолюція объ возвращеніи васъ въ Вятку.

— Вы меня просто стращаете, отвѣчалъ я. Какъ-же это возможно за такое ничтожное дѣло сослать семейнаго человѣка за тысячу верстъ, да и притомъ приговорить, осудить его, даже не спросивъ правда или нѣтъ?

— Вы сами признались.

— Да какъ-же, записка была представлена и дѣло кончено прежде нежели вы со мной говорили?

— Прочтите сами.

Старикъ подошелъ къ столу, порылся въ небольшой пачкѣ бумагъ, хладнокровно вытащилъ одну и подалъ. Я читалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ; такое полнѣйшее отсутствіе справедливости, такое наглое, безстыдное беззаконіе удивило даже въ Россіи.

Я молчалъ. Мнѣ показалось, что самъ старикъ почувствовалъ, что дѣло очень нелѣпо и чрезвычайно глупо, такъ что онъ не нашелъ болѣе нужнымъ защищать его, и тоже помолчавъ, спросилъ :—Вы, кажется сказали, что вы женаты?

— Женатъ—отвѣчалъ я.

— Жаль, что это прежде мы не знали, впрочемъ, если что можно сдѣлать, графъ сдѣлаетъ, я ему передамъ нашъ разговоръ. Изъ Петербурга во всякомъ случаѣ васъ вышлютъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня. Я молчалъ, но чувствовалъ что лицо горѣло, все что я не могъ высказать, все задержанное внутри можно было видѣть въ лицѣ.

Старикъ опустилъ глаза, подумалъ и вдругъ апатическимъ голосомъ, съ притязаніемъ на тонкую учтивость, сказалъ мнѣ: Я не смѣю дольше задерживать васъ, желаю душевно—впрочемъ дальнѣйшее вы узнаете.

Я бросился домой. Разъѣдающая злоба кипѣла въ моемъ сердцѣ, это чувство безправія, безсилія, это положеніе пойманнаго звѣря, надъ которымъ презрительный уличный мальчишка издѣвается, понимая что всей силы тигра недостаточно чтобъ сломить решетку.

Жену я засталъ въ лихорадкѣ, она съ этого дня занемогла и испуганная еще вечеромъ, черезъ нѣсколько дней имѣла преждевременные роды. Ребенокъ умеръ черезъ день. Едва черезъ три или четыре года оправилась она.

Говорятъ, что чувствительный paterfamilias Николай Павловичъ плакалъ, когда умерла его дочь . . .

И что это у нихъ за страсть—поднять сумбуръ, скакать во весь опоръ, хлопотать, все дѣлать опрометью, точно пожаръ, тронъ рушится, царская фамилія гибнетъ, — и все это безъ всякой нужды! Поэзія жандармовъ, драматическія упражненія сыщиковъ, роскошная постановка для доказательства вѣрноподданническаго усердія . . . опричники, стременные, гончіе!

. . . Грустно сидѣли мы вечеромъ того дня, въ который я былъ въ III отдѣленіи, за небольшимъ столомъ — малютка игралъ на немъ своими игрушками, мы говорили мало; вдругъ кто-то такъ рванулъ звонокъ, что мы поневолѣ вздрогнули. Матвѣй бросился отворять дверь и черезъ секунду влетѣлъ въ комнату жандармскій офицеръ, гремя саблей, гремя шпорами и началъ отборными словами извиняться передъ моей женой, "онъ не могъ думать, не подозрѣвалъ, не предполагалъ, что дама, что дѣти — чрезвычайно непріятно".

Жандармы цвѣтъ учтивости, еслибъ не священная обязанность, не долгъ службы, они бы никогда не только не дѣлали доносовъ, но и не дрались бы съ форейторами и кучерами при разъѣздахъ.—Я это знаю съ Крутицкихъ казармъ, гдѣ офицеръ désolé(*) былъ такъ глубоко огорченъ необходимостью шарить въ моихъ карманахъ.

Поль-Луй Курье уже замѣтилъ въ свое время, что палачи и прокуроры становятся самыми вѣжливыми людьми. "Любезнѣйшій палачь, пишетъ прокуроръ, вы меня дружески одолжите принявъ на себя трудъ, если васъ это не обезпокоитъ отрубить завтра утромъ голову такому-то". И палачь торопится отвѣчать "что онъ считаетъ себя счастливымъ, что такой бездѣлицей можетъ сдѣлать пріятное г. прокурору и остается всегда готовый къ его услугамъ—палачь". А тотъ—третій, остается преданнымъ безъ головы.

— Васъ проситъ къ себѣ генералъ Дуббельтъ.

— Когда?

— Помилуйте, теперь, сейчасъ, сію минуту.

— Матвѣй дай шинель.

Я пожалъ руку женѣ — на лицѣ у нея были пятны, рука горѣла. Что за спѣхъ, въ десять часовъ вечера, заговоръ открытъ, побѣгъ, дрогоцѣнная жизнь Николая Павловича въ опасности? Дѣйствительно подумалъ я, я виноватъ передъ будочникомъ, чему было дивиться, что при этомъ правительствѣ какой-нибудь изъ его агентовъ прирѣзалъ двухъ-трехъ прохожихъ; будочники второй и третьей степени развѣ лучше своего товарища на Синемъ мосту?—А самъ-то будочникъ будочниковъ?

Дуббельтъ прислалъ за мной чтобъ мнѣ сказать, что графъ Бенкендорфъ требуетъ меня завтра въ восемь часовъ утра къ себѣ для объявленія мнѣ высочайшей воли!

Дуббельтъ, лицо оригинальное, онъ навѣрно умнѣе всего третьяго и всѣхъ трехъ отдѣленіи собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, оттѣненное длинными, свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу, —

(*) Тюрьма и Ссылка.

ясно свидѣтельствовали, что много страстей боролось въ этой груди, прежде нежели голубой мундиръ побѣдилъ, или лучше накрылъ все что тамъ было. Черты его вмѣстѣ имѣли что-то волчье и даже лисье т. е. выражали тонкую смышленность хищныхъ звѣрей; вмѣстѣ уклончивость и заносчивость. Онъ былъ вседа учтивъ.

Когда я взошелъ въ его кабинетъ онъ сидѣлъ въ мундирномъ сертукѣ безъ эполетъ и куря трубку писалъ. Онъ въ ту же минуту всталъ и прося меня сѣсть противъ него, началъ слѣдующей удивительной фразой : Графъ Александръ Христофоровичъ доставилъ мнѣ случай познакомиться съ вами. Вы кажется, видѣли Сахтинскаго сегодня утромъ?

— Видѣлъ.

— Мнѣ очень жаль, что поводъ, который заставилъ меня васъ просить ко мнѣ, несовсѣмъ пріятный для васъ. Неосторожность ваша навлекла снова гнѣвъ его величества на васъ.

— Я вамъ Генералъ скажу то, что сказалъ г. Сахтынскому, я не могу себѣ представить, чтобы меня выслали только за то, что я повторилъ уличный слухъ, который, конечно, вы слышали прежде меня, а можетъ точно также разказывали какъ я.

— Да, я слышалъ и говорилъ объ этомъ и тутъ мы равны; но вотъ гдѣ начинается разница—я, повторяя эту нелѣпость, клялся, что этого никогда не было, а вы изъ этого слуха сдѣлали поводъ обвиненія всей полиціи. Это все несчастная страсть de dénigrer le gouvernement, страсть развитая въ васъ во всѣхъ, господа, пагубнымъ примѣромъ Запада. У насъ не то, что во Франціи, гдѣ правительство на ножахъ съ партіями, гдѣ его таскаютъ въ грязи; у насъ управленіе отеческое, все дѣлается какъ можно келейнѣе .... Мы выбиваемся изъ силъ, чтобъ все шло какъ можно тише и глаже, а тутъ люди остающіеся въ какой - то безплодной опозиціи не смотря на тажелыя испытанія, стращаютъ общественное мнѣніе разказывая и сообщая письменно, что полицейскіе солдаты рѣжутъ людей на улицахъ. Не правда-ли? вѣдь вы писали объ этомъ?

— Я такъ мало придаю важности дѣлу, что совсѣмъ не

считаю нужнымъ скрывать что я писалъ объ этомъ, и прибавлю къ кому — къ моему отцу.

— Разумѣется, дѣло не важное; но вотъ оно до чего васъ довело. Государь тотчасъ вспомнилъ вашу фамилію и что вы были въ Вяткѣ и велѣлъ васъ отправить назадъ. А потому графъ и поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, чтобъ вы завтра въ восемъ часовъ утра пріѣхали къ нему, онъ вамъ объявитъ высочайшую волю.

— И такъ, на томъ и останется, что я долженъ ѣхать въ Вятку, съ больной женой, съ больнымъ ребенкомъ, по дѣлу, о которомъ вы говорите, что оно неважно.

— Да вы служите?—спросилъ меня Дуббельтъ, пристально вглядываясь въ пуговицы моего вице-мундирнаго фрака.

— Въ канцеляріи министра в. д.

— Давно-ли?

— Мѣсяцевъ шесть.

— И все время въ Петербургѣ.

— Все время.

— Я понятія не имѣлъ.

— Видите, сказалъ я улыбаясь, какъ я себя скромно велъ.

Сахтынскій не зналъ что я женатъ, Дуббельтъ не зналъ что я на службѣ, а оба знали что я говорилъ въ своей комнатѣ, какъ думалъ и что писалъ отцу . . . Дѣло было въ томъ, что я тогда только-что началъ сближаться съ петербургскими литераторами, печатать статьи; а главное, я былъ переведенъ изъ Владиміра въ Петербургъ графомъ Строгоновымъ безъ всякаго участія тайной полиціи, и пріѣхавши въ Петербургъ, не пошелъ являться ни къ Дуббельту ни въ III отдѣленіе, на что мнѣ намекали добрые люди.

— Помилуйте — перебилъ меня Дуббельтъ, всѣ свѣденія собранныя объ васъ, совершенно въ вашу пользу, я еще вчера говорилъ съ Жуковскимъ, дай Богъ чтобъ объ моихъ сыновьяхъ такъ отзывались, какъ онъ отозвался.

— А все-таки въ Вятку . . .

— Вотъ видите, ваше несчастіе, что докладная записка была подана, и что многихъ обстоятельствъ не было на ви-

ду. Ѣхать вамъ надобно, этого поправить нельзя,по я полагаю, что Вятку можно замѣнить другимъ городомъ. Я переговорю съ графомъ, онъ еще сегодня ѣдитъ во дворецъ. Все что возможно сдѣлать для облегченія, мы постараемся сдѣлать; графъ человѣкъ ангельской доброты.

Я всталъ. Дуббельтъ проводилъ меня до дверей кабинета. Тутъ я не вытерпѣлъ и пріостановившись, сказалъ ему :

— Я имѣю къ вамъ, генералъ, небольшую просьбу, если вамъ меня нужно, не посылайте пожалуста ни квартальныхъ ни жандармовъ, они пугаютъ, шумятъ, особенно вечеромъ. За что-же больная жена моя, будетъ больше всѣхъ наказана въ дѣлѣ будочника?

— Ахъ Боже мой, какъ это непріятно, возразилъ Дубельть. Какіе они всѣ неловкіе. — Будьте увѣрены, что я не пошлю больше полицейскаго. И такъ до завтра; не забудьте въ 8 часовъ у графа; мы тамъ увидимся.

Точно будто мы сговорились вмѣстѣ ѣхать къ Смурову ѣсть устрицы.

На другой день въ восемь часовъ я былъ въ пріемной залѣ Бенкендорфа. Я засталъ тамъ человѣкъ пять-шесть просителей; мрачно и озабоченно стояли они у стѣны, вздрагивали при каждомъ шумѣ, жались еще больше, и кланялись всѣмъ проходящимъ адъютантамъ. Въ числѣ ихъ была женщина вся въ траурѣ, съ заплаканными глазами, она сидѣла съ бумагой свернутой въ трубочку въ рукахъ, бумага дрожала какъ осиновый листь. Шага три отъ нея стоялъ высокій, нѣсколько согнувшійся старикъ, лѣтъ семидесяти, плѣшивой и пожелтѣвшій, въ темнозеленой военной шинели, съ рядомъ медалей и крестовъ на груди. Онъ время отъ времени вздыхалъ, качалъ головой и шепталъ что-то себѣ подъ носъ.

У окна сидѣлъ развалясь какой-то "другъ дома", лакей или дежурный чиновникъ. Онъ всталъ когда я взошелъ и тутъ вглядываясь въ его лицо, я узналъ его, мнѣ эту противную фигуру показывали въ театрѣ, это былъ одинъ изъ главныхъ уличныхъ шпіоновъ. Онъ спросилъ меня: Вы съ просьбой къ графу?

— По его требованію.

— Ваша фамилія?—Я назвалъ себя.—Ахъ, сказалъ онъ мѣняя тонъ, какъ будто встрѣтилъ стараго знакомаго. Сдѣлайте одолженіе, не угодно-ли сѣсть? Графъ черезъ четверть часа выйдетъ.

Какъ-то было страшно тихо и unheimlich въ залѣ, день плохо пробивался сквозь туманъ и замерзнувшія стекла, никто ничего не говорилъ. Адъютанты быстро пробѣгали взадъ и впередъ, да жандармъ стоявшій за дверями гремѣлъ иногда своей сбруей переступая съ ноги на ногу. Подошло еще человѣка два просителей. Чиновникъ бѣгалъ каждаго спрашивать за чѣмъ. Одинъ изъ адъютантовъ подошелъ къ нему и началъ что-то разсказывать полушопотомъ, при чемъ онъ придавалъ себѣ видъ отчаяннаго повѣсы; вѣроятно онъ разсказывалъ какія-нибудь мерзости, потому что они часто перерывали разговоръ лакейскимъ смѣхомъ безъ звука, причемъ почтенный чиновникъ, показывая видъ, что ему мочи нѣтъ, что онъ готовъ надорваться, повторялъ: "перестаньте, ради Бога перестаньте, не могу больше".

Минутъ черезъ пять явился Дуббельтъ, разстегнутый по-домашнему, бросилъ взглядъ на просителей, причемъ они поклонились, и издали увидя меня, сказалъ: Bon jour M. H. Votre affaire va parfaitement bien, на хорошей дорогѣ. . . .

Оставляютъ меня, что-ли? Я хотѣлъ былъ спросить, но прежде нежели успѣлъ вымолвить слово, Дуббельтъ уже скрылся. Вслѣдъ за нимъ взошелъ какой-то генералъ вычищенный, убранный, затянутый, вытянутый въ бѣлыхъ штанахъ, въ шарфѣ, я не видывалъ лучшаго генерала. Если когда-нибудь въ Лондонѣ будетъ выставка генераловъ, такъ какъ въ Цинцинати теперь Baby-Exibition, то я совѣтую послать именно его изъ Петербурга. Генералъ подошелъ къ той двери, изъ которой долженъ былъ выйти Бенкендорфъ, и замеръ въ неподвижной вытяжкѣ; я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ этотъ идеалъ унтеръ-офицера. . . ну должно быть солдатъ посѣкъ онъ на своемъ вѣку за шагистику;—откуда берутся эти люди? Онъ родился для выкидыванія артикула и для

строя! Съ нимъ пришелъ, вѣроятно его адъютантъ, тончайшій корнетъ въ мірѣ, съ неслыханно длинными ногами, бѣлокурый, съ крошечнымъ бѣличьимъ лицомъ и съ тѣмъ добродушнымъ выраженіемъ, которое часто остается у матушкиныхъ сынковъ, никогда ничему неучившихся, или по-крайней-мѣрѣ невыучившихся. Эта жимолость въ мундирѣ, стояла въ почтительномъ отдаленіи отв образцоваго генерала.

Снова влетѣлъ Дуббельтъ, этотъ разъ пріосанившись и застегнувшись. Онъ тотчасъ обратился къ генералу и спросилъ что ему нужно? Генералъ правильно, какъ ординарцы говорятъ когда являются къ начальникамъ, отрапортовалъ: "Вчерашній день отъ князя Александра Иваповича получилъ высочайшее повѣленіе отправиться въ дѣйствующую армію на Кавказъ, счелъ обязанностью явиться передъ отбытіемъ къ его сіятельству"

Дубельтъ выслушалъ съ религіознымъ вниманіемъ эту рѣчь, и наклоняясь нѣсколько въ знакъ уваженія вышелъ и черезъ минуту возвратился.

— Графъ, сказалъ онъ генералу, искренно жалѣетъ что не имѣетъ времени принять в. пр. Онъ васъ благодаритъ и поручилъ мнѣ пожелать вамъ счастливаго пути. При этомъ Дуббельтъ распростеръ руки, обнялъ и два раза коснулся щеки генерала своими усами.

Генералъ отступилъ торжественнымъ маршомъ, юноша съ бѣличьимъ лицомъ и съ ногами журавля отправился за нимъ. Сцена эта искупила мнѣ много горечи того дня. Генеральскій фрунтъ, прощаніе по довѣренности, и наконецъ лукавая морда Рейнеке Фукса, цалующая безмозглую голову его превосходительства, все это было до того смѣшно, что я чуть чуть удержался. Мнѣ кажется, что Дуббельтъ замѣтилъ это и съ тѣхъ поръ началъ уважать меня.

Наконецъ двери отворились à deux battans и взошелъ Бенкендорфъ. Наружность шефа жандармовъ не имѣла въ себѣ ничего дурнаго; видъ его былъ довольно общій остзейскимъ дворянамъ и вообще нѣмецкой аристократіи. Лице его было измято, устало, онъ имѣлъ обманчиво добрый взглядъ,

который часто принадлежитъ людямъ уклончивымъ и апатическимъ.

Можетъ Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ этой страшной полиціи, стоящей внѣ закона и надъ закономъ, имѣвшей право мѣшаться во все—я готовъ этому вѣрить, особенно вспоминая пресное выраженіе его лица; но и добра онъ не сдѣлалъ, на это у него не доставало энергіи, воли, сердца. Робость сказать слово въ защиту, гонимыхъ стоитъ всякого преступленія на службѣ такому холодному безпощадному человѣку какъ Николай.

Сколько невинныхъ жертвъ прошли его руками, сколько погибли отъ невниманія, отъ разсѣянія, оттого что онъ занятъ былъ волокитствомъ—и сколько можетъ мрачныхъ образовъ и тяжелыхъ воспоминаній бродили въ его головѣ и мучили его на томъ пароходѣ, гдѣ преждевременно опустившійся и одряхлѣвшій, онъ искалъ въ измѣнѣ своей религіи заступничество католической церкви, съ ея всепрощающими индульгенціями...

— До свѣдѣнія государя императора, сказалъ онъ мнѣ — дошло, что вы участвуете въ распространеніи вредныхъ слуховъ для правительства. Его величество, видя, какъ вы мало исправились, — изволилъ приказать отправить васъ обратно въ Вятку; но я по просьбѣ генерала Дуббельта и основываясь на свѣдѣніяхъ собранныхъ объ васъ, докладывалъ е. в. о болѣзни вашей супруги и Государю угодно было измѣнить свое рѣшеніе. Е. в. воспрещаетъ вамъ въѣздъ въ столицы, вы снова отправитесь подъ надзоръ полиціи, но мѣсто вашего жительства предоставлено назначить министру внутреннихъ дѣлъ.

— Позвольте мнѣ откровенно сказать, что даже въ сію минуту я не могу вѣрить, чтобъ не было другой причины моей ссылки. Въ 1835 г. я былъ сосланъ по дѣлу праздника, на которомъ вовсе не былъ; теперь я наказываюсь за слухъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Странная судьба!

Бенкендорфъ поднялъ плечи и раскрывая руки,какъ человѣкъ исчерпавшій всѣ свои доводы, перебилъ мою рѣчь: "Я

вамъ объявляю монаршую волю, а вы мнѣ отвѣчаете разсужденіями. Что за польза будетъ изъ всего что вы мнѣ скажете и что я вамъ скажу—это потерянныя слова. Перемѣнить теперь ничего нельзя, что будетъ потомъ, долею зависитъ отъ васъ. А такъ какъ вы напомнили объ вашей первой исторіи, то я особенно рекомендую вамъ, чтобъ не было третьей, такъ легко въ третій разъ вы навѣрно неотдѣлаетесь".

Бенкендорфъ благосклонно улыбнулся и отправился къ просителямъ. Онъ очень мало говорилъ съ ними, бралъ просьбу, бросалъ въ нее взглядъ, потомъ отдавалъ Дуббельту, перерывая замѣчанія просителей той-же граціозно-снисходительной улыбкой. Мѣсяцы цѣлые эти люди обдумывали и приготовлялись къ этому свиданію, отъ котораго зависитъ — честь, состояніе, семья; сколько труда, усилій было употреблено ими прежде чѣмъ ихъ приняли, сколько разъ стучались они въ запертую дверь, отгонямые жандармомъ или швейцаромъ. И какъ должно быть щемящи, велики нужды, которыя привели ихъ къ начальнику тайной полиціи ; вѣроятно предварительно были исчерпаны всѣ законные пути—а человѣкъ этотъ отдѣлывается общими мѣстами и по всей вѣроятности какой-нибудь столоначальникъ положитъ *какое-нибудь* рѣшеніе, чтобъ сдать дѣло въ *какую нибудь* другую канцелярію. И чѣмъ онъ такъ озабоченъ, куда торопится?

Когда Бенкендорфъ подошелъ къ старику съ медалями, тотъ сталъ на колѣни и вымолвилъ: " Ваше сіятельство, взойдите въ мое положеніе".

— Что за мерзость, закричалъ графъ, вы позорите ваши медали, и полный благороднаго негодованія, онъ прошелъ мимо не взявъ его просьбы. Старикъ тихо поднялся, его стеклянный взглядъ выражалъ ужасъ и помѣшательство, нижняя губа дрожала, онъ что-то лепеталъ.

Какъ эти люди безчеловѣчны, когда на нихъ приходитъ капризъ быть человѣчными!

Дуббельтъ подошелъ къ старику, взялъ просьбу и сказалъ: Зачѣмъ это вы въ самомъ дѣлѣ?—ну давайте вашу просьбу я пересмотрю.

Бенкендорфъ уѣхалъ къ государю.

— Что-же мнѣ дѣлать? спросилъ я Дуббельта.

— Выберите себѣ какой хотите городъ съ министромъ в. д., мы мѣшать не будемъ. Мы завтра все дѣло перешлемъ туда; я поздравляю васъ, что такъ уладилось.

— Покорнѣйше васъ благодарю!

Отъ Бенкендорфа я поѣхалъ въ министерство. Директоръ нашъ, какъ я сказалъ, принадлежалъ къ тому типу Нѣмцевъ, которые имѣютъ въ себѣ что-то лемуровское, долговязое, нерасторопное, тянущееся. У нихъ мозгъ дѣйствуетъ медленно не съ разу схватываетъ и долго работаетъ, чтобъ дойти до какого-нибудь заключенія. Разсказъ мой по несчастію предупредилъ сообщеніе изъ III отдѣленія, онъ вовсе не ждалъ его и потому совершенно растерялся, говорилъ какія-то безсвязныя вещи, самъ замѣтилъ это, и чтобъ поправиться сказалъ мнѣ: "Erlauben sie mir deutch zu sprechen". Можетъ грамматически рѣчь его и вышла правильнѣе на нѣмецкомъ языкѣ, но яснѣе и опредѣленнѣе она не стала. Я замѣтилъ очень хорошо, что въ немъ боролись два чувства, онъ понялъ всю несправедливость дѣла, но считалъ обязанностью директора оправдать дѣйствіе правительства; при этомъ онъ не хотѣлъ передо мной показать себя варваромъ, да и не забывалъ вражду, которая постоянно царствовала между министерствомъ и тайной полиціей. Стало быть, задача сама-по-себѣ выразить весь этотъ сумбуръ была не легка. Онъ кончилъ признаніемъ, что ничего не можетъ сказать безъ министра, къ которому и отправился.

Графъ Строгоновъ позвалъ меня, разпросилъ дѣло, выслушалъ все внимательно и сказалъ мнѣ въ заключеніе: "Это чисто полицейская уловка — ну да, хорошо, и я съ своей стороны имъ отвѣчу". Я право думалъ, что онъ сейчасъ отправится къ государю и объяснитъ ему дѣло; но такъ далеко министры не ходятъ. "Я сейчасъ получилъ, продолжалъ онъ, высочайшее повелѣніе объ васъ, вотъ оно, вы видите что мнѣ предоставлено избрать мѣсто и употребить васъ на службу. Куда вы хотите?

— Въ Тверь или въ Новгородъ, отвѣчалъ я.

— Разумѣется . . . ну а такъ какъ мѣсто зависитъ отъ меня и вамъ вѣроятно все равно, въ который изъ этихъ городовъ я васъ назначу, то я вамъ дамъ первую ваканцію Совѣтника губернскаго правленія, т. е. высшее мѣсто, которое вы по чину можете имѣть. Шейте себѣ мундиръ съ шитымъ воротникомъ добавилъ онъ шутя.

Вотъ и отыгрался, но не въ мою масть.

Черезъ недѣлю Строгоновъ представилъ въ Сенатъ о назначеніи меня совѣтникомъ въ Новгородъ.

А вѣдь пресмѣшно. Сколько секретарей, ассесоровъ, уѣздныхъ и губернскихъ чиновниковъ домогались, долго, страстно, упорно домогались, чтобъ получить это мѣсто; чай взятки были даны, святѣйшія обѣщанія получены и вдругъ министръ, исполняя высочайшую волю и въ тоже время дѣлая отмѣстку тайной полиціи, наказывалъ меня этимъ повышеніемъ, бросалъ человѣку подъ ноги, для позолоты пилюли, это мѣсто, предметъ пламенныхъ желаній и самолюбивыхъ грезъ—человѣку, который его бралъ съ твердымъ намѣреніемъ бросить при первой возможности.

Отъ Строгонова я поѣхалъ къ одной дамѣ; объ этомъ знакомствѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Между рекомендательными письмами, которыя мнѣ далъ мой отецъ когда я ѣхалъ въ Петербургъ, было одно, которое я десять разъ бралъ въ руки, перевертывалъ и пряталъ опять въ столъ, откладывая визитъ свой до другаго дня. Письмо это было къ семидесятилѣтней, знатной, богатой дамѣ; дружба ея съ моимъ отцомъ шла съ незапамятныхъ временъ; онъ познакомился съ ней, когда она была при дворѣ Екатерины II, потомъ они встрѣтились въ Парижѣ, вмѣстѣ ѣздили туда и сюда, наконецъ оба пріѣхали домой на отдыхъ, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Я вообще не любилъ важныхъ людей, особенно женщинъ, да еще къ тому-же семидесяти-лѣтнихъ; но отецъ мой спрашивалъ второй разъ былъ-ли я у Ольги Александровны? и я наконецъ рѣшился проглотить эту пилюлю. Офиціантъ привелъ меня въ довольно сумрачную гостинную, плохо

убранную, какъ-то почернѣвшую, полинявшую; мебель, обивка все сдало цвѣтъ, все стояло видно давно на этихъ мѣстахъ. На меня пахнуло домомъ княжны Мещерской; старость не меньше юности протаптываетъ свои слѣды на всемъ окружающемъ. Самоотверженно ждалъ я появленія хозяйки, приготовляясь къ скучнымъ вопросамъ, къ глухотѣ, къ кашлю, къ обвиненіямъ новаго поколѣнія, а можетъ и къ моральнымъ поученіямъ.

Минутъ черезъ пять взошла твердымъ шагомъ, высокая старуха, съ строгимъ лицемъ, носившемъ слѣды большой красоты; въ ея осанкѣ, поступи и жестахъ выражались упрямая воля, рѣзкій характеръ и рѣзкій умъ. Она проницательно осмотрѣла меня съ головы до ногъ, подошла къ дивану, отодвинула однимъ движеніемъ руки столъ, и сказала мнѣ: "Садитесь сюда на кресла, поближе ко мнѣ, я вѣдь короткая пріятельница съ вашимъ отцомъ и люблю его. Она развернула письмо и подала мнѣ говоря: пожалуста прочтите мнѣ, у меня болятъ глаза. Письмо было писано по французски, съ разными комплиментами, съ воспоминаніями и намеками. Она слушала улыбаясь и когда я кончилъ сказала.

— Умъ то у него не старѣетъ, все тотъ-же, онъ очень былъ любезенъ и очень костикъ. А что теперь все сидитъ въ комнатѣ, въ халатѣ, представляетъ больнаго? Я два года тому назадъ проѣзжала Москвой, была тогда у вашего батюшки, насилу, говоритъ, могу принять, разрушаюсь, а потомъ разговорился и забылъ свои болѣзни. Все баловство; онъ не много старше меня, года два-три, да и то есть-ли, а вотъ я и женщина, а все еще на ногахъ. Да, да, много воды утекло съ тѣхъ временъ, о которыхъ вашъ отецъ поминаетъ. Ну подумайте, мы съ нимъ были изъ первыхъ танцоровъ. Англезы тогда были въ модѣ; вотъ я съ Иваномъ Алексѣичемъ бывало и танцуемъ у покойной императрицы; можете вы себѣ представить вашего батюшку въ свѣтло-голубомъ французскомъ кафтанѣ, въ пудрѣ и меня съ фижмами и décoltée. Съ нимъ было очень пріятно танцовать, il était bel homme, онъ былъ лучше васъ, дайте-ка хорошенько на васъ посмотрѣть—да,

точно онъ былъ получше . . . Вы не сердитесь, въ мои лѣта можно говорить правду. Да вѣдь вамъ и не до того я думаю, вѣдь вы литераторъ, ученый. Ахъ Боже мой, кстати, разскажите мнѣ пожалуста, что это съ вами за гисторія была? Батюшка вашъ писалъ ко мнѣ, когда васъ послали въ Вятку, я пробывала говорить съ Блудовымъ, пичего не сдѣлалъ. За что это васъ услали, они вѣдь не говорятъ, все у нихъ secret d'état.

Въ ея манерѣ было столько простоты и искренности, что вопреки ожиданію, мнѣ было легко и свободно. Я отвѣчалъ полушутливо и полусерьезно и разсказалъ ей наше дѣло.

— Воюетъ съ студентами, замѣтила она, все въ головѣ одно — конспираціи; ну а тѣ и рады подслуживаться; все пустяками занимаются. Людишки такіе дрянные около него— откуда это онъ ихъ набралъ ?—безъ роду и племени. Такъ видите, mon cher conspirateur, что-же вамъ было тогда лѣтъ шестнадцать?

— Ровно двацать одинъ годъ, отвѣчалъ я, смѣясь отъ души ея полнѣйшему презрѣнію къ нашей политической дѣятельности, т. е. къ моей и Николаевой—но за то я былъ старшій.

— Четыре-пять студентовъ испугали видите tout le gouvernement—срамъ какой!

Потолковавши въ этомъ родѣ съ полчаса, я всталъ чтобъ ѣхать. Постойте-ка, постойте-ка, сказала мнѣ Ольга Александровна еще болѣе дружескимъ тономъ, я не кончила мою исповѣдь; а какъ это вы увезли свою невѣсту?

— Почему вы знаете?

— Э, батюшка, слухомъ свѣтъ полнится,—молодость, des passions, я говорила тогда съ вашимъ отцомъ, онъ еще сердился, ну да-вѣдь умный человѣкъ; понялъ ... благо вы счастливо живете—чего еще? Какъ-же, говоритъ, пріѣзжалъ въ Москву противъ приказа, попался бы, ну послали бы въ крѣпость. Я ему на это и молвила—ну да вѣдь не попался, такъ это надобно радоваться вамъ, а что пустяки городить, да придумывать что могло бы быть. — Ну вы всегда говоритъ онъ мнѣ, были отважны и жили очертя голову.—А что-же, батюшка, оканчиваю не хуже другихъ вѣкъ, отвѣтила я ему;

а это что ужъ такое, безъ денегъ оставилъ молодыхъ, на что это похоже!—Ну, говоритъ, пошлю, пошлю, не сердитесь — Познакомте меня съ вашей супругой то—а?

Я поблагодарилъ ее и сказалъ, что я пріѣхалъ покамѣстъ одинъ.

— Гдѣ-же вы остановились?

— У Демута.

— И тамъ обѣдаете?

— Иногда тамъ, иногда у Дюме.

— На что-же это по трактирамъ то, дорого стоитъ, да и такъ не хорошо женатому человѣку. Не скучно что-ли вамъ со старухой обѣдать? Приходите-ка; а я право, очень рада, что познакомилась съ вами, спасибо вашему отцу, что прислалъ васъ ко мнѣ, вы очень интересный молодой человѣкъ, хорошо понимаете вещи, даромъ что молоды,—вотъ мы съ вами и потолкуемъ о томъ, о семъ, а то знаете съ этими съ куртизанами скучно—все одно, объ дворѣ, да кому орденъ дали, все пустое.

Тьеръ въ одномъ томѣ исторіи Консулата, довольно подробно и довольно вѣрно разсказалъ умерщвленіе Павла. Въ его разсказѣ два раза упомянута одна женщина, сестра послѣдняго фаворита Екатерины, графа Зубова. Красавица собой, молодая вдова генерала, кажется убитаго во время войны, страстная и дѣятельная натура, избалованная положеніемъ, одаренная необыкновеннымъ умомъ и мужескимъ характеромъ, она сдѣлалась средоточіемъ недовольныхъ во время дикаго и безумнаго царствованія Павла. У нея собирались заговорщики, она подстрѣкала ихъ, черезъ нее шли сношенія съ англійскимъ посольствомъ. Полиція Павла заподозрила ее наконецъ, и она во время извѣщенная, можетъ самимъ Палевымъ, успѣла уѣхать за границу. Заговоръ былъ тогда готовъ и она получила танцуя на балѣ прусскаго короля вѣсть о томъ, что Павелъ убитъ. Вовсе не скрывая радости, она съ восторгомъ объявила новость всѣмъ находившимся въ залѣ. Это до того скандализировало прусскаго короля, что онъ велѣлъ ее выслать въ 24 часа изъ Берлина.

Она поѣхала въ Англію. Блестящая, избалованная придворной жизнію и снѣдаемая жаждой большаго поприща, она является львицей первой величины въ Лондонѣ и играетъ значительную роль въ замкнутомъ и недоступномъ обществѣ англійской аристократіи. Принцъ валійскій, т. е. будущій король Георгъ IV, у ея ногъ, вскорѣ болѣе ... Пышно и шумно шли годы ея заграничнаго житья, но шли и срывали цвѣтокъ за цвѣткомъ.

Вмѣстѣ съ старостью началась для нея пустыня, удары судьбы, одиночество и грустная жизнь воспоминаній. Ея сынъ былъ убитъ подъ Бородинымъ, ея дочь умерла и оставила ей внуку, графиню Орлову. Старушка всякій годъ ѣздила въ Августѣ мѣсяцѣ изъ Петербурга въ Можайскъ посѣтить могилу сына. Одиночество и несчастіе не сломили ея сильнаго характера, а сдѣлали его только угрюмѣе и угловатѣе. Точно дерево середь зимы, она сохранила линейный очеркъ своихъ вѣтвей, листья облетѣли, костливо зябли голыя сучья, но тѣмъ яснѣе виднѣлся величавый ростъ, смѣлые размѣры и стержень посѣдѣлый отъ инея, гордо и сумрачно выдерживалъ себя и не гнулся отъ всякаго вѣтра и отъ всякой непогоды.

Ея длинная, полная движенія жизнь, страшное богатство встрѣчъ, столкновеній, образовали въ ней ея высокомѣрный, но далеко не лишенный печальной вѣрности взглядъ. У нея была своя философія, основанная на глубокомъ презрѣніи къ людямъ, которыхъ она оставить все-же не могла; но дѣятельному характеру.

— Вы ихъ еще не знаете, говоривала она мнѣ, провожая киваньемъ головы разныхъ толстыхъ и худыхъ сенаторовъ и генераловъ ... а ужъ я довольно на нихъ насмотрѣлась, меня не такъ легко провести, какъ они думаютъ; мнѣ двадцати лѣтъ не было, когда братъ былъ въ пущемъ фаворѣ, императрица меня очень ласкала и очень любила. Такъ повѣрите-ли старики покрытые кавалеріями, едва таскавшіе ноги, наперерывъ бросались въ переднею подать мнѣ салопъ или теплые башмаки. Государыня скончалась, и на другой день домъ мой опустѣлъ, меня бѣгали какъ заразы, знаете при сумасшедшемъ

то—и тѣ-же самые персоны. Я шла своей дорогой, ненуждалась ни въ комъ и уѣхала за море. Послѣ моего возвращенія Богъ посѣтилъ меня большими несчастіями, только я ни отъ кого участія не видала, были два-три старыхъ пріятеля, тѣ точно и остались. Ну пришло новое царствованіе, Орловъ видите въ силѣ, т. е. я не знаю насколько это правда . . . такъ думаютъ но-крайней-мѣрѣ ; знаютъ что онъ мой наслѣдникъ и внучка то меня любитъ, ну вотъ и пошла такая дружба — опять готовы подавать шубу и калоши. Охъ! знаю я ихъ, да скучно иной разъ одной сидѣть, глаза болятъ, читать трудно, да и не всегда хочется, я ихъ и пускаю, болтаютъ всякій вздоръ—развлеченіе, часъ, другой и пройдетъ . . .

Странная, оригинальная развалина другаго вѣка, окруженная выродившимся поколѣніемъ на безплодной и низкой почвѣ петербургской придворной жизни. Она чувствовала себя выше его и была права. Если она дѣлила сатурналіи Екатерины и оргіи Георга IV, то она-же дѣлила опасность заговорщиковъ при Павлѣ.

Ея ошибка состояла не въ презрѣніи ничтожныхъ людей, а въ томъ, что она принимала произведенія дворцоваго огорода за все наше поколѣніе. При Екатеринѣ дворъ и гвардія въ самомъ дѣлѣ обнимали все образованное въ Россіи, больше или меньше это продолжалось до 1812 г. Съ тѣхъ поръ русское общество сдѣлало страшные успѣхи; война вызвала къ сознанію, сознаніе къ 14 декабрю, общество внутри раздвоилось ; уже со стороны дворца остается не лучшее; казни и свирѣпыя мѣры отдаляли однихъ, новый тонъ отдалилъ другихъ. Александръ продолжалъ образованныя традиціи Екатерины, при Николаѣ свѣтски-аристократическій тонъ замѣняется сухимъ, формальнымъ, дерзко-деспотическимъ съ одной стороны, и безпрекословно покорнымъ съ другой, смѣсь наполеоновской отрывистой и грубой манеры съ чиновничвемъ бездушіемъ. Новое общество, средоточіе котораго въ Москвѣ, быстро расвилось.

Есть удивительная книга, которая поневолѣ приходитъ въ голову, когда говоришь объ Ольгѣ Александровнѣ: Это записки

княгини Дашковой, напечатаныя лѣтъ двадцать тому назадъ въ Лондонѣ. Къ этой книгѣ приложены записки двухъ сестеръ Вильмотъ, жившихъ у Дашковой между 1805 и 1810 годами. Обѣ Ирландки, очень образованныя и одаренныя большимъ талантомъ наблюденія. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы, чтобъ ихъ письма и записки были извѣстны у насъ.

Сравнивая московское общество передъ 1812 г., съ тѣмъ, которое я оставилъ въ 1847 году, сердце бьется отъ радости. Мы сдѣлали страшный шагъ впередъ. Тогда было общество недовольныхъ, т. е. отставныхъ, удаленныхъ, отправленныхъ на покой; теперь есть общество независимыхъ. Тогдашніе львы были капризные олигархи, графъ А. Г. Орловъ, Остерманъ, "общество тѣней" какъ говоритъ Miss Willmot, общество государственныхъ людей, умершихъ въ Петербургѣ лѣтъ пятнадцатъ тому назадъ и продолжающихъ пудриться, покрывать себя лептами и являться на обѣды и пиры въ Москвѣ, будируя, важничая и не имѣя ни силы, ни смысла. Московскіе львы съ 1825 года были: Пушкинъ, М. Орловъ, Чаадаевъ, Ермоловъ, Гоголь. Тогда общество съ подобострастіемъ толпилось въ домѣ графа Орлова, дамы "въ чужихъ брильянтахъ" (*) кавалеры, "не смѣя садиться" безъ разрѣшенія; передъ ними графская дворня танцовала въ маскарадныхъ платьяхъ. Сорокъ лѣтъ спустя я видѣлъ тоже общество, толпившееся около каѳедры одной изъ аудиторій московскаго Университета; дочери дамъ въ чужихъ каменьяхъ, сыновья людей не смѣвшихъ сѣсть — съ страстнымъ сочувствіемъ слѣдили за энергической, глубокой рѣчью Грановскаго отвѣчая взрывами рукоплесканій на каждое слово глубоко потрясавшее сердца смѣлостью и благородствомъ.

Вотъ этого-то общества, которое съѣзжалось со всѣхъ сторонъ Москвы, и тѣснилось около трибуны, на которой молодой воинъ науки, велъ серьезную рѣчь и пророчилъ былымъ, этого общества, не подозрѣвала Жеребцова. Ольга Александровна была особенно добра и внимательна ко мнѣ, потому, что я

(*) Миссъ Вильмотъ.

былъ первый образчикъ міра, неизвѣстнаго ей; ее удивилъ мой языкъ и мои понятія. Она во мнѣ оцѣнила возникающіе всходы другой Россіи, не той, на которую весь свѣтъ падалъ изъ замерзшихъ оконъ Зимняго Дворца. Спасибо ей и за то!

Я могъ бы написать цѣлый томъ анекдотовъ, слышанныхъ мною отъ Ольги Александровны; съ кѣмъ и кѣмъ она не была въ сношеніяхъ, отъ графа д'Артуа и Сегюра до лорда Гренвиля и Каннинга, и притомъ она смотрѣла на всѣхъ независимо, по своему и очень оригинально. Ограничусь однимъ небольшимъ случаемъ, который постараюсь передать ея собственными словами.

Она жила на морской. Разъ какъ-то шелъ полкъ съ музыкой по улицѣ, О. А. подошла къ окну и глядя на солдатъ, сказала мнѣ: "У меня дача есть недалеко отъ Гатчины, лѣтомъ иногда я ѣзжу туда отдохнуть. Передъ домомъ я велѣла сдѣлать большой скверъ, знаете эдакъ на англійскій манеръ, покрытый дерномъ. Въ запрошлый годъ пріѣзжаю я туда; представьте себѣ — часовъ въ шесть утромъ, слышу я страшный трескъ барабановъ, лежу ни живая ни мертвая въ постели; все ближе, да ближе; звоню я, прибѣжала моя Калмычка: Что мать моя это случилось, спрашиваю я, шумъ какой? Да, это говоритъ, Михаилъ Павловичъ изволитъ солдатъ учить.—Гдѣ это?—На нашемъ дворѣ. Понравился скверъ, гладко и зелено. Представьте себѣ, дама живетъ, а? старуха, больная! — а онъ въ шесть часовъ въ барабанъ. Ну, думаю, это пустяки, позови дворецкаго,—пришелъ дворецкій, я ему говорю, ты сейчасъ вели заложить тележку да поѣзжай въ Петербургъ и найми сколько найдешь Бѣлоруссовъ, да чтобъ завтра и начали копать прудъ; ну думаю, авось навальнаго ученія не дадутъ подъ моими окнами. Все это невоспитанные люди!..."

... Естественно, что я прямо отъ графа Строгонова поѣхалъ къ Ольгѣ Александровнѣ и разказалъ ей все случившееся.

— Господи, какія глупости, отъчасу нелегче, замѣтила она выслушавши меня. Какъ это можно съ фамиліей тащится въ ссылку изъ такихъ пустяковъ. Дайте я переговорю съ Орловымъ, я рѣдко его о чемъ-нибудь прошу, они всѣ не любятъ

этого; ну да иной разъ можетъ-же сдѣлать что-нибудь. Побывайте-ка у меня денька черезъ два, я вамъ отвѣтъ сообщу.

Черезъ день утромъ, она прислала за мной. Я засталъ у нея нѣсколько человѣкъ гостей. Она была повязана бѣлымъ батистовымъ платкомъ вмѣсто чепчика, это обыкновенно было признакомъ, что она не въ духѣ, щурила глаза и не обращала почти никакого вниманія на тайныхъ совѣтниковъ и явныхъ генераловъ, приходившихъ свидѣтельтвовать свое почтеніе.

Одинъ изъ гостей съ предовольнымъ видомъ вынулъ изъ кармана какую-то бумажку и подавая ее Ольгѣ Александровнѣ сказалъ: "Я вамъ привезъ вчерашній рескриптъ князя Петру Михайловичу, можетъ вы не изволили еще читать?"

Слышала-ли она или нѣтъ, я не знаю, но только она взяла бумагу, развернула ее, надѣла очки и морщась, съ страшными усиліями прочла: "Кня—зь, Пе-тръ Ми — хайло — вичъ!" Что вы это мнѣ даете . . . А? . . это не ко мнѣ?

— Я вамъ докладывалъ, это рескриптъ . . .

— Боже мой, у меня глаза болятъ, я певсегда могу читать письма адресованныя ко мнѣ, а вы заставляете чужія письма читать.

— Позвольте я прочту . . . я право не подумалъ.

— И полноте, что трудиться по напрасну, какое мнѣ дѣло до ихъ переписки; доживаю кое-какъ послѣдніе дни, совсѣмъ не тѣмъ голова занята.

Господинъ улыбнулся, какъ улыбаются люди попавшіе въ просакъ и положилъ рескриптъ въ карманъ.

Видя, что Ольга Александрона въ дурномъ расположеніи духа и въ очень воинственномъ, гости одинъ за другимъ откланялись. Когда мы остались одни, она сказала мнѣ: Я просила васъ сюда зайти, чтобъ сказать вамъ, что я на старости лѣтъ дурой сдѣлалась, наобѣщала вамъ, да ничего и не сдѣлала; не спросясь броду то и не надобно соваться въ воду, знаете, по мужицкой пословицѣ. Говорила вечеръ съ Орловымъ объ вашемъ дѣлѣ, и не ждите ничего . . .

Въ это время офиціантъ доложилъ, что графиня Орлова пріѣхала.

— Ну это ничего, свои люди, сейчасъ доскажу.

Графиня красивая женщина и еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подошла къ рукѣ и освѣдомилась о здоровьи, на что Ольга Александровна отвѣчала, что чувствуетъ себя очень дурно, потомъ, назвавши меня, прибавила ей, ну сядь, сядь другъ мой.— Что дѣтки здоровы? — Здоровы. — Ну слава Богу, извини меня, я вотъ разсказываю о вчерашнемъ. Такъ вотъ видите, я говорю ея мужу-то, чтобы тебѣ сказать государю, ну какъ это пустяки такіе дѣлаютъ? Куда ты! руками и ногами уперся; это говоритъ, по части Бенкендорфа, съ нимъ пожалуй я переговорю, а докладывать государю не могу, онъ не любитъ, да у насъ это и не заведено. Что-же это за чудо, говорю я ему, поговорить съ Бекендорфомъ? я это и сама умѣю. Да и онъ то что ужъ изъ ума выжилъ, самъ не знаетъ что дѣлаетъ, все актриски на умѣ, кажется ужъ и не подъ лѣта волочиться; а тутъ какой-нибудь секеретаришка у него дѣлаетъ доносы всякіе, а онъ и подаетъ. Что-же онъ сдѣлаетъ?—Нѣтъ, ужъ ты лучше, говорю, не срами себя, что-же тебѣ просить Бекендорфа,— онъ-же все и напакостилъ. — У насъ говоритъ, ужъ такъ заведено и пошелъ мнѣ тутъ разсказывать . . . Ну! вижу что онъ просто боится идти къ государю . . . Что онъ у васъ это, звѣрь что-ли какой, что подойти страшно, и какъ-же всякій день вы его пять разъ видите, молвила я, да такъ и махнула рукой; поди съ ними толкуй. Посмотрите на портретъ, экой бравой представленъ какой, а боится слово сказать!

Вмѣсто портрета я не могъ удержаться, чтобъ не посмотрѣть на графиню Орлову; положеніе ея было не изъ самыхъ пріятныхъ. Она сидѣла улыбаясь и иногда взглядывала на меня, какъ бы говоря, лѣта имѣютъ свои права, старушка раздражена; но встрѣчая мой взглядъ не подтверждавшій того, она дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ меня. Въ рѣчь она не вступала, и это было очень умно, О. А. унять было бы трудно, у старухи разгорѣлись щеки, она дала бы тяжелую сдачу. Надобно было прилечь и ждать, чтобъ вихрь пронесся черезъ голову.

— Вѣдь это чай у васъ тамъ, гдѣ вы это были въ этой въ

Вологдѣ, писаря думаютъ графъ Орловъ—случайный человѣкъ, въ силѣ . . . Все это вздоръ, это подчиненные небось разпускаютъ слухъ. Всѣ они не имѣютъ никакого вліянія, они не такъ себя держутъ и не на такой ногѣ, чтобъ имѣть вліяніе . . . Вы уже меня простите, взялась не за свое дѣло; знаете, что я вамъ посовѣтую? Что вамъ въ Новгородъ ѣздить. Поѣзжайте лучше въ Одессу, подальше отъ нихъ, и городъ почти иностранный, да и Воронцевъ, если не испортился, человѣкъ другаго "режиму".

Довѣріе къ Воронцову, который тогда былъ въ Петербургѣ и всякій день ѣздилъ къ О. А., не вполнѣ оправдалось; онъ хотѣлъ меня взять съ собой въ Одессу, е с л и Бенкендорфъ изъявитъ согласіе.

... Между-тѣмъ прошли мѣсяцы, прошла и зима, никто мнѣ не напоминалъ объ отъѣздѣ, меня забыли и я ужъ пересталъ быть sur le qui vive, особенно послѣ слѣдующей встрѣчи. Вологодскій военный губернаторъ Болговскій былъ тогда въ Петербургѣ; очень короткій знакомый моего отца, онъ довольно любилъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ и я бывалъ у него иногда. Онъ участвовалъ въ убійствѣ Павла, будучи молодымъ семеновскимъ офицеромъ, и потомъ былъ замѣшанъ въ непонятное и необъясненное дѣло Сперанскаго въ 1812 г. Онъ былъ тогда полковникомъ въ дѣйствущей арміи, его вдругъ арестовали, свезли въ Петербургъ, потомъ сослали въ Сибирь. Онъ не успѣлъ доѣхать, до мѣста, какъ Александръ простилъ его, и онъ возвратился въ свой полкъ. Разъ весною прихожу я къ нему; спиною къ дверямъ въ большихъ креслахъ сидѣлъ какой-то генералъ, мнѣ не было видно его лицо а только одинъ серебряный эполетъ.— Позвольте мнѣ представить — сказалъ Болговскій, и тутъ я разглядѣлъ Дуббелта.

— Я давно имѣю удовольствіе пользоваться вниманіемъ Леонтія Васильевича, сказалъ я улыбаясь.

— Вы скоро ѣдите въ Новгородъ? спросилъ онъ меня.

— Я полагалъ, что мнѣ надобно у васъ спросить объ этомъ.

— О, помилуйте, я совсѣмъ не думалъ напомнить вамъ, я васъ просто такъ спросилъ. Мы васъ передали съ рукъ на

руки графу Строгонову, и не очень торопимъ какъ видите, сверхъ того такая законная причина, какъ болѣзнь вашей супруги.....

— Наконецъ въ началѣ Іюня, я получилъ сенатскій указъ объ утвержденіи меня совѣтникомъ новогородскаго губернскаго правленія. Графъ Строгоновъ думалъ, что пора отправляться, и я явился около 1 Іюля въ Богомъ и Св. Софіей хранимый градъ Новгородъ и поселился на берегу Волхова, противъ самаго того кургана, откуда Волтеріанцы XII столѣтія бросили въ рѣку чудотворную статую Перуна.

ГЛАВА X.

НОВГОРОДЪ.

Губернское правленіе—Я у себя подъ надзоромъ—Духоборцы и Павелъ —Отеческая власть помѣщиковъ и помѣщицъ—Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія—Канибальское слѣдствіе—Отставка.

Передъ моимъ отъѣздомъ, графъ Строгоновъ сказалъ мнѣ, что новгородсій военный губернаторъ въ Петербургѣ, что онъ говорилъ ему о моемъ назначеніи и совѣтовалъ съѣздить къ нему. Я нашелъ въ немъ довольно простаго и добродушнаго генерала, очень армейской наружности, небольшаго роста и среднихъ лѣтъ. Мы поговорили съ нимъ съ полчаса, онъ привѣтливо проводилъ меня до дверей и тамъ мы разстались

Пріѣхавши въ Новгородъ, я отправился къ нему, перемѣна декораціи была удивительна. Въ Петербургѣ губернаторъ былъ въ гостяхъ, здѣсь дома; онъ даже ростомъ, казалось мнѣ, былъ побольше въ Новгородѣ. Не вызванный ничѣмъ съ моей стороны онъ счелъ нужнымъ сказать: "Что онъ не терпитъ, чтобъ совѣтники подавали голосъ или оставались бы письменно при своемъ мнѣніи, что это задерживаетъ дѣла, что, если что не такъ, то можно переговорить, а какъ на мнѣнія пошло, то тотъ или другой долженъ выйти въ отставку". Я улыбаясь замѣтилъ ему, что меня трудно испугать отставкой, что отставка единственная цѣль моей службы и прибавилъ, что пока горькая необходимость заставляетъ меня служить въ Новгородѣ, я вѣроятно не буду имѣть случая подавать своихъ мнѣній,

Разговора этого было совершенно достаточно для обоихъ. Выходя отъ него я рѣшился не сближаться съ нимъ. Сколько я могъ замѣтить, впечатленіе произведенное мною на губер-

патора, было въ томъ-же родѣ какъ то, которое онъ произвелъ на меня, т. е. мы настолько терпѣть не могли другъ друга, насколько это возможно было при такомъ недавнемъ и поверхностномъ знакомствѣ.

Когда я присмотрѣлся къ дѣламъ губернскаго правленія, я увидѣлъ, что мое положеніе не только очень непріятно, но чрезвычайно опасно. Каждый совѣтникъ отвѣчалъ за свое отдѣленіе и дѣлилъ отвѣтственность за всѣ остальныя. Читать бумаги по всѣмъ отдѣленіямъ было рѣшительно невозможно, надобно было подписывать на вѣру. Губернаторъ, послѣдовательный своему мнѣнію, что совѣтникъ никогда не долженъ совѣтовать, подписывалъ противно смыслу и закону первый послѣ совѣтника того отдѣленія, по которому было дѣло. Лично для меня это было превосходно, въ его подписи я находилъ нѣкоторую гарантію, потому что онъ дѣлилъ отвѣтственность и потому еще, что онъ часто съ особеннымъ выраженіемъ говорилъ о своей высокой честности и робеспьеровской неподкупности. Что касается до подписи другихъ совѣтниковъ, они мало успокоивали. Люди эти были закаленные старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили они одной службой, т. е. одними взятками. Пѣнять на это нечего, совѣтникъ помнится получаетъ 1,200 руб. асс. въ годъ; семейному человѣку продовольствоваться этимъ невозможно. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общихъ добычь, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля. Они не очень сближались со мной, особенно когда разглядѣли, что между мной и губернаторомъ дружба была очень умѣренная. Другъ друга они берегли и предостерегали, до меня имъ дѣла не было.

Къ тому-же мои почтенные сослуживцы не боялись большихъ денежныхъ взысканій и начётовъ, потому-что у нихъ ничего не было. Они могли рисковать, и тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе было дѣло; будетъ-ли начетъ въ 500 руб. или въ 500,000, для нихъ было все равно, Доля жалованья шла въ случаѣ начета на уплату казнѣ и могла длиться двѣсти, триста

лѣтъ, еслибъ чиновникъ длился такъ долго. Обыкновенно или чиновникъ умиралъ или государь — и тогда наслѣдникъ на радостяхъ прощалъ долги. Такіе манифесты являются часто и при жизни того-же государя, по поводу рожденія, совершенолѣтія и всякой всячины—они на нихъ считали. У меня-же, напротивъ захватили бы ту часть имѣнія и тотъ капиталъ, который отецъ мой отдѣлилъ мнѣ.

Еслибъ я могъ положиться на своихъ столоначальниковъ, дѣло было бы легче; я сдѣлалъ многое для того, чтобъ привязать ихъ, обращался учтиво, помогалъ имъ денежно и довелъ только до того, что они перестали меня слушаться; они только боялись совѣтниковъ, которые обращались съ ними какъ съ мальчишками и стали въ полпьяно приходить на службу. Это были бѣднѣйшіе люди, безъ всякаго образованія, безъ всякихъ надеждъ, вся поэтическая сторона ихъ существованія ограничивалась маленькими трахтирами и настойкой. По своему отдѣленію стало быть приходилось тоже быть на сторожѣ.

Сначала губернаторъ мнѣ далъ IV отдѣленіе, тутъ откупныя дѣла, и всякія денежныя. Я просилъ его перемѣнить; онъ не хотѣлъ, говорилъ что не имѣетъ права перемѣнить безъ воли другаго совѣтника. Я въ присутствіи губернатора спросилъ совѣтника II отдѣленія; онъ согласился и мы помѣнялись. Новое отдѣленіе было меньше заманчиво; тамъ были паспорты, всякіе циркуляры, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти, о раскольникахъ, фальшивыхъ монетчикахъ и людяхъ находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ.

Нелѣпѣе, глупѣе ничего нельзя себѣ представить; я увѣренъ что три-четверти людей, которые прочтутъ это, не повѣрятъ, а между-тѣмъ это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапортъ полицмейстера о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ находившемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицмейстеръ изъ учтивости, въ графѣ поведенія ничего не писалъ,—а въ графѣ занятій ставилъ: "Занимается государственной службой". Вотъ, до какихъ геркулесовскихъ столбовъ безумія можно доправиться, имѣя двѣ-

три полиціи враждебныя другъ другу, канцелярскія формы вмѣсто законовъ и фельдфебельскія понятія вмѣсто правительственнаго ума.

Нелѣпость эта напоминаетъ мнѣ случай бывшій въ Тобольскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; гражданскій губернаторъ былъ въ ссорѣ съ вице-губернаторомъ, ссора шла на бумагѣ, они другъ другу писали всякія приказныя колкости и остроты. Вице-губернаторъ былъ тяжелый педантъ, формалистъ, добрякъ изъ семинаристовъ, онъ самъ составлялъ съ большимъ трудомъ свои язвительные отвѣты и, разумѣется, цѣлью своей жизни дѣлалъ эту ссору. Случилось, что губернаторъ уѣхалъ на время въ Петербургъ. Вице-губернаторъ занялъ его должность и въ качествѣ губернатора получилъ отъ себя дерзкую бумагу, посланную на капунѣ; онъ не задумавшись, велѣлъ секретарю отвѣчать на нее, подписалъ отвѣтъ и получивъ его какъ вице-губернаторъ снова принимался съ усиліями и напряженіями строчить самому себѣ оскорбительное письмо. Онъ считалъ это высокой честностью.

Съ полгода вытянулъ я лямку въ губернскомъ правленіи, тяжело было и крайне скучно. Всякій день въ 11 часовъ утра падѣвалъ я мундиръ, прицѣплялъ статскую шпаженку и являлся въ присутствіе. Въ 12 приходилъ военный губернаторъ; не обращая никакого вниманія на совѣтниковъ, онъ шелъ прямо въ уголъ и тамъ ставилъ свою саблю, потомъ посмотрѣвши въ окно и поправивъ волосы, онъ подходилъ къ своимъ кресламъ и кланялся присутствующимъ. Едва вахмистръ съ страшными сѣдыми усами, стоявшими перпендикулярно къ губамъ, торжественно отворялъ дверь и брянчанье сабли становилось слышно въ канцеляріи, совѣтники вставали и оставались стоя въ согбенномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока губернаторъ кланялся. Одно изъ первыхъ дѣйствій опозиціи съ моей стороны, состояло въ томъ, что я не принималъ участія въ этомъ соборномъ возстаніи и благочестивомъ ожиданіи, а спокойно сидѣлъ и кланялся ему тогда, когда онъ кланялся намъ.

Большихъ преній, горячихъ разсужденій не было; рѣдко случалось чтобъ совѣтникъ спрашивалъ предварительно мнѣ-

нія губернатора, еще рѣже обращался губернаторъ къ совѣтникамъ съ дѣловымъ вопросомъ. Передъ каждымъ лежалъ ворохъ бумаги и каждый писалъ свое имя—это была фабрика подписей,

Помня знаменитое изрѣченіе Талейрана, я не старался особенно блеснуть усердіемъ, и занимался дѣлами насколько было нужно, чтобъ не получить замѣчанія или не попасть въ бѣду. По въ моемъ отдѣленіи было два рода дѣлъ, на которыя я не считалъ себя въ правѣ смотрѣть такъ поверхностно, это были дѣла о раскольникахъ и о злоупотребленіи помѣщичьей власти.

У насъ раскольниковъ не постоянно гонятъ, такъ вдругъ найдетъ что-то на синодъ или на министерство в. д., они и сдѣлаютъ набѣгъ на какой-нибудь скитъ, на какую-нибудь общину, ограбятъ ее и опять затихнутъ. Раскольники обыкновенно имѣютъ смышленныхъ агентовъ въ Петербургѣ, они предупреждаютъ оттуда объ опасности, остальные тотчасъ собираютъ деньги, прячутъ книги и образа, поятъ православнаго попа, поятъ православнаго исправника, даютъ выкупъ; тѣмъ дѣло и кончается лѣтъ на десять.

Въ новгородской губерніи, въ царствованіе Екатерины, было много духоборцевъ. Ихъ начальникъ, старый ямской голова, чуть-ли не въ Зайцовѣ, пользовался огромнымъ почетомъ. Когда Павелъ ѣхалъ короноваться въ Москву, онъ велѣлъ позвать къ себѣ старика, вѣроятно съ цѣлью обратить его. Духоборцы какъ квекеры не снимаютъ шапки—съ покрытой головой взошелъ сѣдой старецъ къ гатчинскому императору. Этого онъ вынести не могъ. Мелкая и щепетильная обидчивость особенно поразительна въ Павлѣ и во всѣхъ его сыновьяхъ, кромѣ Александра; имѣя въ рукахъ дикую власть, они не имѣютъ даже того звѣринаго сознанія силы, которое удерживаетъ большую собаку отъ нападеній на маленькую.

— Передъ кѣмъ ты стоишь въ шапкѣ?—закричалъ Павелъ отдуваясь и со всѣми признаками бѣшеной ярости: — Ты знаешь меня?

— Знаю, отвѣчалъ спокойно раскольникъ, — ты Павелъ Петровичъ.

— Въ цѣпи его; въ каторжную работу, въ рудники! продолжалъ рыцарственный Павелъ. Старика схватили, и императоръ велѣлъ зажечь съ четырехъ концевъ село, а жителей выслать въ Сибирь на поселеніе. На слѣдующей станціи кто-то изъ его приближенныхъ, бросился къ его ногамъ и сказавъ ему, что онъ осмѣлился пріостановить исполненіе высочайшей воли и ждетъ чтобъ онъ повторилъ ее. Павелъ нѣсколько отрѣзвелъ и понялъ, что странно рекомендоваться народу, выжигая селенія и ссылая безъ суда въ рудники. Онъ велѣлъ синоду разобрать дѣло крестьянъ, а старика сослать на пожизненное заточеніе въ Спасо-Ефимьевской монастырь; онъ думалъ, что православные монахи домучатъ его лучше каторжной работы; но онъ забылъ, что наши монахи не только православные, но люди любящіе деньги и водку; а раскольники водки не пьютъ и денегъ не жалѣютъ.

Старикъ прослылъ у духоборцевъ святымъ; со всѣхъ концовъ Россіи ходили духоборцы на поклоненіе къ нему, цѣною золота покупали они къ нему доступъ. Старикъ сидѣлъ въ своей кельи, одѣтый весь въ бѣломъ, его друзья обили полотномъ стѣны и потолокъ. Послѣ его смерти они выпросили дозволеніе схоронить его тѣло съ родными и торжественно пронесли его на рукахъ отъ Владиміра до новгородской губерніи. Одни духоборцы знаютъ гдѣ онъ схороненъ, они увѣрены что онъ при жизни имѣлъ уже даръ дѣлать чудеса и что его тѣло нетлѣнно.

Я все это слышалъ долею отъ владимірскаго губернатора, долею отъ ямщиковъ въ Новѣгородѣ и наконецъ отъ посошника въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ. Теперь въ этомъ монастырѣ нѣтъ больше политическихъ арестантовъ, хотя тюрьма и наполнена разными попами, церковниками, непокорными сыновьями, на которыхъ жаловались родители и пр. Архимандритъ, плечистый, высокій мущина въ мѣховой шапкѣ, показывалъ намъ тюремной дворъ. Когда онъ взошелъ, унтеръ-офицеръ съ ружьемъ подошель къ нему и рапортовалъ: “ Вашему Преосвященству честь имѣю донести, что по тюремному замку все обстоитъ благополучно, арестантовъ столько

то". Архимандритъ въ отвѣтъ благословилъ его; что за путаница!

Дѣла о раскольникахъ были такого рода, что всего лучше было ихъ совсемъ не подымать вновь, я ихъ просмотрѣлъ и оставилъ въ покоѣ. Напротивъ, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти слѣдовало сильно перетряхнуть; я сдѣлалъ все что могъ и одержалъ нѣсколько побѣдъ на этомъ вязкомъ поприщѣ, освободилъ отъ преслѣдованія одну молодую дѣвушку и отдалъ подъ опеку одного морскаго офицера. Это кажется, единственная заслуга моя по служебной части.

Какая-то барыня держала у себя горничную, не имѣя на нее никакихъ документовъ, горничная просила разобрать ея права на вольность. Мой предшественникъ благоразумно придумалъ до рѣшенія дѣла оставить ее у помѣщицы въ полномъ повиновеніи. Мнѣ слѣдовало подписать; я обратился къ губернатору и замѣтилъ ему, что незавидна будетъ судьба дѣвушки у ея барыни послѣ того, какъ она подавала на нее просьбу.

— Что-же съ ней дѣлать?

— Содержать въ части.

— На чей счетъ?

— На счетъ помѣщицы, если дѣло кончится противъ нея.

— А если нѣтъ?

По счастію въ это время взошелъ губернской прокуроръ. Прокуроръ по общественному положенію, по служебнымъ отношеніямъ, по пуговицамъ на мундирѣ, должень быть врагомъ губернатора, по-крайней-мѣрѣ во всемъ перечить ему. Я нарочно при немъ продолжалъ разговоръ; губернаторъ началъ сердиться, говорилъ что все дѣло не стоитъ трехъ словъ. Прокурору было совершенно все равно что будетъ и какъ будетъ съ просительницей, но онъ тотчасъ взялъ мою сторону и привелъ десять разныхъ пунктовъ изъ св. законовъ. Губернаторъ, которому въ сущности еще больше было все равно, сказалъ мнѣ насмѣшливо улыбаясь, "тутъ выходъ одинъ или къ барынѣ или въ острогъ".

— Разумѣется лучше въ острогъ, замѣтилъ я.

— Будетъ сообразнѣе съ смысломъ изображеннымъ въ сводѣ законовъ, замѣтилъ прокуроръ.

— Пусть будетъ по вашему, сказалъ еще болѣе смѣясь губернаторъ; услужили вы вашей протеже; какъ посидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, поблагодаритъ васъ.

Я не продолжалъ пренія, цѣль моя была спасти дѣвушку отъ домашнихъ преслѣдованій; помнится, мѣсяца черезъ два ее выпустили совсѣмъ на волю.

Между перѣшенными дѣлами моего отдѣленія была сложная и длившаяся нѣсколько лѣтъ переписка о буйствѣ и всякихъ злодѣйствахъ въ своемъ имѣніи отставнаго морскаго офицера. Дѣло началось по просьбѣ его матери, потомъ крестьяне жаловались. Съ матерью онъ какъ-то поладилъ, а крестьянъ самъ обвинилъ въ намѣреніи его убить, не приводя впрочемъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ. Между-тѣмъ изъ показаній его матери и дворовыхъ людей, видно было, что человѣкъ этотъ дѣлалъ всевозможныя неистовства. Больше года дѣло это спало спомъ праведныхъ; справками и ненужными переписками можно всегда затянуть дѣло — и потомъ почисливъ рѣшеннымъ, сдать въ архивъ. Надобно было сдѣлать представленіе въ сенатъ, чтобъ его отдали подъ опеку, но для этого необходимъ отзывъ дворянскаго предводителя. Предводители обыкновенно отвѣчаютъ уклончиво, не желая потерять избирательный голосъ. Пустить дѣло входъ совершенно зависило отъ моей воли, но надобенъ былъ coup de grâce предводителя.

Новгородскій предводитель, милиціонный дворянинъ, съ владимірской медалью, встрѣчаясь со мной, чтобъ заявить начитанность, говорилъ книжнымъ языкомъ докарамзинскаго періода; указывая разъ на памятникъ, который новгородское дворянство воздвигнуло самому себѣ, въ награду за патріотизмъ въ 1812 г., онъ какъ-то съ чувствомъ отзывался о такъ сказать трудной, священной и тѣмъ не менѣе лестной обязанности предводителя.

Все это было въ мою пользу.

Предводитель пріѣхалъ въ губернское правленіе для свидѣ-

тельства въ сумашествіи какаго-то церковника; послѣ того, какъ всѣ предсѣдатели всѣхъ палатъ, истощили весь запасъ глупыхъ вопросовъ, по которымъ сумашедшій могъ заключить объ нихъ, что и они не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и церковника возвели окончательно въ должность безумнаго; я отвелъ предводителя въ сторону и разсказалъ ему дѣло. Предводитель жалъ плечами, показывалъ видъ негодованія, ужаса и кончилъ тѣмъ, что отозвался объ морскомъ офицерѣ, какъ объ отъявленномъ негодяѣ, "кладущемъ тѣнь на благородное общество новгородскаго дворянства".

— Вѣроятно, сказалъ я, вы такъ и отвѣтите письменно, если мы васъ спросимъ?

Предводитель взятый въ расплохъ, обѣщалъ отвѣчать по совѣсти, прибавивъ, "что честь и правдивость безпремѣнные атрибуты россейскаго дворянства".

Сомнѣваясь немного въ безпремѣнности этихъ атрибутовъ, я таки пустилъ дѣло въ ходъ, предводитель сдержалъ слово. Дѣло пошло въ сенатъ и я помню очень хорошо, ту сладкую минуту, когда въ мое отдѣленіе былъ переданъ сенатскій указъ назначавшій опеку надъ имѣніемъ моряка и отдававшій его подъ надзоръ полиціи. Морякъ былъ увѣренъ, что дѣло кончено, и какъ громомъ пораженный, явился послѣ указа въ Новгородъ. Ему тотчасъ сказали какъ что было; яростный офицеръ, собирался напасть на меня изъ-за угла, подкупить бурлаковъ и сдѣлать засаду, но непривычный къ сухопутнымъ кампаніямъ, мирно скрылся въ какой-то уѣздный городъ.

По несчастію, "атрибутъ" звѣрства, разврата и неистовства съ дворовыми и крестьянами, является "безпремѣннѣе" правдивости и чести у нашего дворянства. Конечно, небольшая кучка образованныхъ помѣщиковъ, не дерутся съ утра до ночи съ своими людьми, не сѣкутъ всякій день, да то и между ними бываютъ "Пѣночкины", остальные за то не далеко ушли еще отъ Салтычихи и американскихъ плантаторовъ.

Роясь въ дѣлахъ, я нашелъ переписку Псковскаго губернскаго правленія о какой-то помѣщицѣ Ярыжкиной. Она засѣкла двухъ горничныхъ до смерти, попалась подъ судъ за

третью и была почти совсѣмъ оправдана уголовной палатой, основавшей между-прочимъ свое рѣшеніе на томъ, что третья горничная не умерла. Женщина эта выдумывала удивительнѣйшія наказанія,— била утюгомъ, сучковатыми палками, валькомъ.

Не знаю что сдѣлала горничная, о которой идетъ рѣчь, но барыня превзошла себя, она поставила ее на колѣни на дрань или на десницы, въ которыхъ были набиты гвозди. Въ этомъ положеніи она била ее по спинѣ и по головѣ валькомъ и когда выбилась изъ силъ, позвала кучера на смѣну, по счастію его не было въ людской; барыня вышла и дѣвушка полубезумная отъ боли, окрававленная, въ одной рубашкѣ бросилась на улицу и въ частной домъ. Приставъ принялъ показанія, и дѣло пошло своимъ порядкомъ, полиція возилась, уголовная палата возилась съ годъ времени; наконецъ судъ, явнымъ образомъ закупленный, рѣшилъ премудро позвать мужа Ярыжкиной и внушить ему, чтобъ онъ удерживалъ жену отъ такихъ наказаній, а ее самое оставя въ подозрѣніи, что она способствовала смерти двухъ горничныхъ, обязать подпиской, ихъ впредь ненаказывать. На этомъ основаніи барынѣ отдавали несчастную дѣвушку, которая въ продолженіи дѣла содержалась гдѣ-то.

Дѣвушка перепуганная будущностью, стала писать просьбу за просьбой; дѣло дошло до государя, онъ велѣлъ преслѣдовать его и прислалъ изъ Петербурга чиновника. Вѣроятно средства Ярыжкиной не шли до подкупа столичныхъ, министерскихъ и жандармскихъ слѣдопроизводителей, и дѣло приняло иной оборотъ. Помѣщица отправилась въ Сибирь на поселеніе, ея мужъ былъ взятъ подъ опеку. Всѣ члены уголовной палаты отданы подъ судъ, чѣмъ ихъ дѣло кончилось, не знаю.

Я въ другомъ мѣстѣ (*) разсказалъ о человѣкѣ засѣченномъ княземъ Трубецкимъ и о камергерѣ Базилевскомъ, высѣченномъ своими людьми. Прибавлю еще одну дамскую исторію.

Горничная жены пензенскаго жандармскаго полковника,

(*) Крещеная Собственность.

несла чайникъ полный кипяткомъ; дитя ея барыни, бѣжавши наткнулся на горничную, и та пролила кипятокъ; ребенокъ былъ обожженъ. Барыня, чтобъ отомстить той-же монетой, велѣла привести ребенка горничной и обварила ему руку изъ самовара... Губернаторъ узнавъ объ этомъ чудовищномъ происшествіи, душевно жалѣлъ, что находится въ деликатномъ отношеніи съ жандармскимъ полковникомъ и что въ слѣдствіе этого считаетъ неприличнымъ начать дѣло, которое могутъ счесть за личность...!

А тутъ чувствительныя сердца и начнутъ удивляться, какъ мужики убиваютъ помѣщиковъ съ цѣлыми семьями, какъ въ Старой Русѣ солдаты военныхъ поселеній избили всѣхъ русскихъ Нѣмцевъ и нѣмецкихъ Русскихъ.

Въ передникъ и дѣвичьихъ, въ селахъ и полицейскихъ застѣнкахъ, схоронены цѣлые мартирологи страшныхъ злодѣйствъ, воспоминаніе объ нихъ бродитъ въ душѣ и поколѣніями назрѣваетъ въ кровавую, беспощадную месть, которую предупредить легко, а остановить, врядъ возможно-ли будетъ?

Старая Русь; военныя поселенія! — страшныя имена! Неужели исторія закупленная Аракчеевской наводкой (*)! никогда не отдернетъ саванъ, подъ которымъ правительство спрятало врядъ злодѣйствъ, холодно, систематическки совершенныхъ при введеніи поселеній. Мало-ли ужасовъ было вездѣ, но тутъ прибавился особый характеръ петербургско-гатчинскій, нѣмецко-татарскій. Мѣсяцы цѣлые продолжалось забиваніе палками и засѣканіе розгами непокорныхъ... полъ не просыхалъ отъ крови въ земскихъ избахъ и канцеляріяхъ... Всѣ преступленія, могущія случиться на этомъ клочкѣ земли, со стороны народа, противъ палачей, оправданы впередъ!

Монгольская сторона московскаго періода, исказившая славянскій характеръ Русскихъ, фухтельное безчеловѣчье, исказившее петровскій періодъ, воплотилось во всей роскоши

(*) Аракчеевъ положилъ, кажется 100,000 руб. въ ломбардъ для выдачи черезъ сто лѣтъ съ процентами тому кто напишетъ лучшую исторію Александра I.

безобразія въ графѣ Аракчеевѣ. Аракчеевъ безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ гнусныхъ лицъ всплывшихъ послѣ Петра I на вершины русскаго правителства; этотъ,

Холопъ вѣнчаннаго солдата,

какъ сказалъ объ немъ Пушкинъ, былъ идеалъ образцоваго капрала, такъ какъ онъ носился въ мечтахъ отца Фридриха II; нечеловѣческая преданность, механическая исправность, точность хронометра, никакого чувства, рутина и дѣятельность ровно столько ума сколько нужно для исполнителя, и ровно столько честолюбія, зависти, желчи, чтобъ предпочитать власть деньгамъ. Такіе люди кладъ для царей. Только мелкой злопамятностью Николая и можно объяснить, что онъ не употребилъ никуда Аракчеева, а ограничился его подмастерьями.

Павелъ открылъ Аракчеева по сочувствію. Александръ пока еще у него былъ стыдъ, не очень приближалъ его; но увлеченный фамильной страстью къ выправкѣ и фрунту, онъ ввѣрилъ ему походную канцелярію. О побѣдахъ этого генерала отъ артиллеріи мы мало слышали; онъ исполнялъ больше статскія должности въ военной службѣ, его сраженія давались на солдатской спинѣ, его враги приводились къ нему въ цѣпяхъ, они впередъ были побѣждены. Въ послѣдніе годы Александра Аракчеевъ управлялъ всей Россіей. Онъ мѣшался во все, на все имѣлъ право и бланковыя подписи. Разслабленный и впадавшій въ мрачную меланхолію Александръ поколебался немного между кн. А. Н. Голицынымъ и Аракчеевымъ и естественно склонился окончательно на сторону послѣдняго.

Во время таганрогской поѣздки Александра, въ имѣньи Аракчеева въ Грузинѣ, дворовые люди убили любовницу Графа; это убійство подало поводъ къ тому слѣдствію, о которомъ съ ужасомъ до сихъ поръ, т. е. черезъ семнадцать лѣтъ, говорятъ чиновники и жители Новгорода.

Любовница Аракчеева, шестидесятилѣтняго старика, его крѣпостная дѣвка, тѣснила дворню, дралась, ябедничала, а графъ поролъ по ея доносамъ. Когда всякая мѣра терпѣнія была перейдена, поваръ ее зарѣзалъ. Преступленіе было такъ ловко сдѣлано, что никакихъ слѣдовъ виновника не было.

Но виновный былъ нуженъ для мести нѣжнаго старика, онъ бросилъ дѣла всей имперіи и прискакалъ въ Грузино. Середь пытокъ и крови, середь стона и предсмертныхъ криковъ, Аракчеевъ, повязанный окровавленнымъ платкомъ, снятымъ съ трупа наложницы, писалъ къ Александру чувствительные письма и Александръ отвѣчалъ ему: "Пріѣзжай отдохнуть на груди твоего друга отъ твоего несчастія". Должно быть баронетъ Вилье былъ правъ, что у императора передъ смертію вода разлилась въ мозгу.

Но виновные не открывались. Русскій человѣкъ удивительно умѣетъ молчать.

Тогда совершенно бѣшеный Аракчеевъ—явился въ Новгородъ, куда привели толпу мучениковъ. Желтый и почернѣлый, съ безумными глазами и все еще повязаный кровавымъ платкомъ, онъ началъ новое слѣдствіе; тутъ эта исторія принимаетъ чудовищные размѣры. Человѣкъ восемдесять были захвачены вновь. Въ городѣ брали людей по одному слову, по малѣйшему подозрѣнію, за дальнее знакомство съ какимъ нибудь лакеемъ Аракчеева, за неосторожное слово. Проѣзжіе были схвачены и брошены въ острогъ; купцы, писаря ждали по недѣлямъ въ части допроса. Жители прятались по домамъ, боялись ходить по улицамъ; о самой исторіи никто не осмѣливался поминать.

Клейнмихель, служившій при Аракчеевѣ, участвовалъ въ этомъ слѣдствіи . . .

Губернаторъ превратилъ свой домъ въ застѣнокъ, съ утра до ночи возлѣ его кабинета пытали людей. Старо-Русскій исправникъ, человѣкъ привычный къ ужасамъ, наконецъ изнемогъ и когда ему велѣли допрашивать подъ розгами молодую женщину, беременную во второй половинѣ, у него не достало силъ. Онъ взошелъ къ губернатору, это было при старикѣ Поповѣ который мнѣ разсказывалъ, и сказалъ ему, что эту женщину невозможно сѣчь, что это прямо противно закону; губернаторъ вскочилъ съ своего мѣста и бѣшеный отъ злобы бросился на исправника съ п о д н я т ы м ъ к у л а к о м ъ "я васъ сейчасъ велю арестовать, я васъ отдамъ подъ судъ, вы

измѣнникъ". Исправникъ былъ арестованъ и подалъ въ отставку; душевно жалѣю, что не знаю его фамиліи, да будутъ ему прощены его прежніе грѣхи за эту минуту—скажу просто геройства; съ такими разбойниками вовсе была не шутка показать человѣческое чувство.

Женщину пытали, она ничего не знала о дѣлѣ....однакожъ умерла.

Да и "благословенный" Александръ умеръ. Не зная, что будетъ далѣе, эти изверги сдѣлали послѣднее усиліе и добрались до виновнаго; его разумѣется, приговорили къ кнуту. Середь торжества слѣдопроизводителей пришелъ приказъ Николая отдать ихъ подъ судъ и остановить все дѣло.

Губернатора велѣно было судить сенату... (*) оправдать его даже тамъ нельзя было. Но Николай издалъ милостивый манифестъ послѣ коронаціи, подъ него не подошли друзья Пестеля и Муравьева, подъ него подошелъ этотъ мерзавецъ. Черезъ два-три года онъ-же былъ судимъ въ Тамбовѣ за злоупотребленіе власти въ своемъ имѣніи; да, онъ подошелъ подъ манифестъ Николая, онъ былъ ниже его.

. . . Въ началѣ 1842 г. я былъ до невозможности утомленъ губернскимъ правленіемъ и придумывалъ предлогъ какъ бы отдѣлаться отъ него. Пока я выбиралъ то одно, то другое средство, случай совершенно внѣшній рѣшилъ за меня.

Разъ въ холодное, зимнее утро пріѣзжаю я въ правленіе, въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидавши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мной на колѣни и обливаясь слезами, просила меня заступиться. Баринъ ея Мусинъ-Пушкинъ ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ 10 оставался, она умоляла дозволить ей взять съ собой дитя. Пока она мнѣ разсказывала дѣло, взошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ ея просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ оставляются у помѣщика. Мать не понимая глупаго

(*) Чрезвычайно досадно что язобылъ имя этаго достойнаго начальника губерніи.

закона, продолжала просить, ему было скучно, женщина рыдая, цѣплялась за его ноги, и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя, "да что ты за дура такая, вѣдь по русски тебѣ говорю, что я ничего не могу сдѣлать, что-же ты пристаешь". Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголъ гдѣ ставилъ саблю.

И я пошелъ . . . съ меня было довольно . . . развѣ эта женщина не приняла меня за одного изъ нихъ? пора кончить комедію.

— Вы нездоровы?—спросилъ меня совѣтникъ Хлопинъ, переведенный изъ Сибири за какіе-то грѣхи.

— Болѣнъ, отвѣчалъ я, всталъ, раскланялся и уѣхалъ. Въ тотъ-же день написалъ я рапортъ о моей болѣзни и съ тѣхъ поръ нога моя не была въ губернскомъ правленіи. Потомъ я подалъ въ отставку "за болѣзнію". Отставку мнѣ сенатъ далъ, присовокупивъ къ ней чинъ надворнаго совѣтника; но Бенкендорфъ съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ губернатору, что мнѣ запрещенъ въѣздъ въ столицы и велѣно жить въ Новгородѣ.

Н. возвратившійся изъ первой поѣздки за границу, принялся хлопотать въ Петербургѣ, чтобъ намъ было разрѣшено переѣхать въ Москву. Я мало вѣрилъ успѣху такаго протектора и страшно скучалъ въ дрянномъ городишкѣ съ огромнымъ историческимъ именемъ. Между-тѣмъ Н. все обдѣлалъ. 1 Іюля 1842 г. императрица пользуясь семейнымъ праздникомъ, просила государя разрѣшить мнѣ жительство въ Москвѣ, взявъ во вниманіе болѣзнь моей жены и ея желаніе переѣхать туда. Государь согласился и черезъ три дня моя жена получила отъ Бенкендорфа письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что вслѣдствіе предстательства государыни, мнѣ разрѣшено сопровождать ее въ Москву. Онъ заключилъ письмо пріятнымъ извѣщеніемъ, что полицейскій надзоръ будетъ продолжаться и тамъ.

Новгородъ я оставлялъ безъ всякаго сожалѣнія и торопился какъ можно скорѣе уѣхать. Впрочемъ при разлукѣ съ нимъ, случилось, чуть-ли не единственно пріятное происшествіе въ моей новогородской жизни.

У меня не было денегъ; ждать изъ Москвы я не хотѣлъ, а потому и поручилъ Матвѣю сыскать мнѣ тысячи полторы р. асс. Матвѣй черезъ часъ явился съ содержателемъ гостинницы Гибинымъ, котораго я зналъ и у котораго въ гостинницѣ жилъ съ недѣлю. Гибинъ толстый купецъ съ добродушнымъ видомъ, кланяясь подалъ пачку ассигнацій. — Сколько желаете процентовъ?—спросилъ я его. — Да я видите, отвѣчалъ Гибинъ, этимъ дѣломъ не занимаюсь и въ припентъ денегъ не даю, а такъ какъ наслышалъ отъ Матвѣя Савельевича, что вамъ нужны деньги на мѣсяцъ, на другой, и мы вами очепно довольны, а деньги слава Богу свободныя есть—я и принесъ.

Я поблагодарилъ его и спросилъ, что онъ желаетъ, простую росписку, или вексель? но Гибинъ и на это отвѣчалъ: Дѣло излишнее, я вашему слову вѣрю больше, нежели гербовой бумагѣ.

— Помилуйте, да вѣдь могу-же я умереть.

— Ну такъ къ горести объ вашей кончинѣ, прибавилъ Гибинъ смѣясь, не много прибудетъ отъ потери денегъ.

Я былъ тропутъ и вмѣсто росписки горячо пожалъ ему руку. Гибинъ по русскому обычаю обнялъ меня и сказалъ: "Мы вѣдь все смѣкаемъ, знаемъ что служили-то вы поневолѣ и что вели себя не то что другіе, прости господи, чиновники, и за нашего брата за черный народъ заступались, вотъ я и радъ, что потрафился случай сослужить службу."

Когда мы поздно вечеромъ, выѣзжали изъ городу, ямщикъ осадилъ лошадей противъ гостинницы и тотъ-же Гибинъ подалъ мнѣ на дорогу тортъ величиною съ колесо. . .

Вотъ моя "пряжка за службу"!

ГЛАВА XI.

ЕЩЕ РАЗЪ ЮНАЯ МОСКВА.

Новый московскій кругъ—Панславизмъ и П. Я. Чаадаевъ —Западъ и Востокъ Европы.—

Жизнь наша, устроившаяся въ Москвѣ въ концѣ 1842 г. и продолжавшаяся пять лѣтъ, была очень изящна, и носила особый характеръ ровнаго, дѣятельнаго совершеннолѣтія, характеръ возмужалости и силы. Судорожно натянутыя нервы въ Петербургѣ и Новгородѣ отдали; мы снова были на болѣе родной почвѣ и въ кругу совершенно сочувствующемъ.

Съ внѣшней стороны тѣснилъ только полицейскій надзоръ, продолжавшійся до 1847 г.; не могу сказать чтобъ онъ былъ очень докучливъ, но непріятное чувство дамоклової тростн, занесенной рукою квартальнаго, очень противно.

Разумѣется, мы не могли возвратиться къ весеннему, юному, владимірскому отшельничеству. Шиллеръ правъ, "май жизни цвѣтетъ лишь одинъ разъ", но есть еще другіе цвѣты, не майскіе, которые распускаются во всемъ блескѣ въ Іюнѣ, Іюлѣ, въ Августѣ; они на своемъ мѣстѣ также красивы и благоуханны какъ весеннія віолетки, ландыши на своемъ. Самая старость имѣетъ свои зимнія вѣнки, которые ей очень идутъ, лишь бы она не красила сѣдыхъ кудрей своихъ.

Новые друзья приняли насъ горячо, гораздо лучше нежели два года тому назадъ. Всѣ они были сильно заняты, всѣ работали и трудились, кто занимая каѳедры въ Университетѣ, кто участвуя въ обозрѣніяхъ и въ журналахъ, кто занимаясь русской исторіей; къ этому времени относятся начала всего сдѣланнаго потомъ.

Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многосторонніхъ и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и артистическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило именно къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ—и я по совѣсти долженъ повторить сказаное.

Окончанная, замкнутая личность западнаго человѣка, удивляющая насъ сначала своей спеціальностью, вслѣдъ затѣмъ удивляетъ односторонностью. Онъ всегда доволенъ собой, его suffisance насъ оскорбляетъ. Онъ никогда не забываетъ личныхъ видовъ, положеніе его вообще стѣсненное и нравы приложены къ жалкой средѣ.

Я не думаю чтобъ люди всегда были здѣсь таковы, западный человѣкъ не въ нормальномъ состояніи, онъ линяетъ. Неудачныя революціи взошли внутрь, ни одна не перемѣнила его, каждая оставила слѣдъ и сбила понятія—а историческій валъ естественнымъ чередомъ выплеснулъ на главную сцену тѣнистой слой мѣщанъ, покрывшій собою ископаемый классъ аристократій и затопившій народные всходы. Мѣщанство несовмѣстно съ нашимъ характеромъ и слава Богу.

Распущенность - ли наша, недостатокъ - ли нравственной осѣдлости, опредѣленной дѣятельности, юность-ли въ дѣлѣ образованія, аристократизмъ - ли воспитанія? — но мы въ жизни съ одной стороны больше артисты, съ другой гораздо проще западныхъ людей; не имѣемъ ихъ спеціальности, но за то многостороннѣе ихъ. Развитыя личности у насъ рѣдко встрѣчаются, но они пышно, разметисто развиты, безъ шпалеръ и заборовъ. Совсѣмъ не такъ на Западѣ.

Съ людьми самыми симпатичными какъ разъ здѣсь договоришься до такихъ противорѣчій, гдѣ ужъ ничего нѣтъ общаго и гдѣ убѣдить невозможно. Въ этой упрямой упорности и непроизвольномъ непониманіи — такъ и стучишъ головой о предѣлъ міра завершеннаго.

Наши теоретическія несогласія совсѣмъ напротивъ, вносили болѣе жизненный интересъ, потребность дѣятельнаго обмѣна,

держали умъ бодрѣе, двигали впередъ; мы росли въ этомъ треніи другъ объ друга и въ самомъ дѣлѣ были сильнѣе тою composite артели, которую такъ превосходно опредѣлилъ Прудонъ въ механическомъ трудѣ.

. . . . . .

. . . . . .

— Рядомъ съ нашимъ кругомъ были наши противники— nos amis les ennemis, какъ говоритъ Беранже, или лучше nos ennemis les amis, московскіе панслависты.

То что у нихъ было истиннаго, мы не цѣнили. Это естественно всякой полемикѣ; борьба должна быть односторонна и несправедлива, на взаимныхъ уступкахъ сейчасъ можно помириться. Для ихъ развитія и для нашего споръ былъ полезенъ; не знаю многому-ли они съ тѣхъ поръ выучились, но я многому; и начиная говорить объ нихъ я дружески повторяю слова одной дамы, очень знакомой имъ, которая передавая мой поклонъ Ш—шутя прибавила:

Celui à qui on a fait tort, vous salue! (*)

Тѣмъ больше имѣю я право на ихъ миръ, что судьба мнѣ предоставила защиту ихъ идей между басурманами и кажется я не положилъ похулу на перо.

Панславизмъ не стародавняя вещь, его начала не идутъ далѣе 1815 года, это было время всяческихъ воскрешеній и возстановленій, время глядящее вспять, время оборотней, всевозможныхъ Лазарей, болѣе или менѣе смердящихъ; рядомъ съ Тейчтумомъ явился Панславизмъ и именно у Австрійскихъ Славянъ. Правительства вообще поощряли развитіе международныхъ ненавистей, массы снова отдалились другъ отъ друга, разбивались снова на враждебныя кучки, снова границы становились непереходимѣе, связь и сочувствіе обрывались, революціонное единство становилось мечтой. Къ тому-же просыпавшіяся народности были или казались слабыми, дѣятельность націоналистовъ была литературно-археографическая,

(*) Consuelo, G. Sand.

правительства радовались добровольному отступленію литераторовъ и ученыхъ въ призрачную жизнь.

Но для Славянъ (такъ какъ для Грековъ съ своей стороны) возвращеніе къ національнымъ идеямъ не могло быть такимъ и не смотря на огромныя ошибки сдѣланныя Чехами и Кроатами въ 1848 и 49 году, теоретическое возстановленіе задавленной славянской народности, имѣло свою очень дѣйствительную сторону.

Западный панславизмъ вызвалъ и подзадорилъ славянскую партію въ Россіи.

Сверхъ того она имѣла свою почву историческую, оправданную и народную. Славянизмъ, не какъ теорія, не какъ ученіе, но какъ народное чувство, какъ противудѣйствіе исключительно иностранному вліянію, существуетъ со времени обритія первой бороды Петромъ.

Противудѣйствіе это петербургскому терроризму образованія никогда не перемѣжалось : казненное, четвертованное, повѣшенное на зубцахъ Кремля и тамъ пристрѣленное Меншиковымъ и другими царскими потѣшниками — въ видѣ стрѣльцевъ; отравленное въ равелинѣ петербургской крѣпости, въ видѣ царевича Алексѣя, оно является какъ партія Долгорукихъ при Петрѣ II, какъ ненависть къ Нѣмцамъ при Биронѣ, какъ Пугачевъ при Екатеринѣ II, какъ сама Екатерина II, православная Нѣмка при прусскомъ Голштинцѣ Петрѣ III, какъ сама Елизавета опиравшаяся на тогдашнихъ славянофиловъ, чтобъ сѣсть на престолъ, (народъ въ Москвѣ ждалъ навѣрно, что при ея коронованіи изобьютъ всѣхъ Нѣмцевъ).

Всѣ раскольники своего рода славянофилы.

Все бѣлое и черное духовенство славянофилы другаго рода.

Солдаты требовавшіе смѣны Барклая де Толя за его нѣмецкую фамилію, были предшественники Хомякова и его друзей.

Война 1812 г. сильно развила чувство народнаго сознанія и любви къ родинѣ.

Патріотизмъ 1812 г. впрочемъ не имѣлъ старо-обрядчески славянскаго характера. Мы его видимъ въ Карамзинѣ и Пу-

шкинѣ, въ самомъ императорѣ Александрѣ. Практически онъ былъ выраженіемъ того инстинкта, который чувствуютъ всѣ молодые, народы, когда чужіе ихъ задѣваютъ; потомъ это было торжественное чувство побѣды, гордое сознаніе силы. Но теорія его была слаба; для того чтобъ любить русскую исторію патріоты ее перекладывали на европейскіе нравы, они вообще переводили съ французскаго на русскій языкъ—римско-греческій патріотизмъ и не шли далѣе стиха,

Pour un cœur bien né, que la patrie est chère.

Правда, Шишковъ бредилъ уже и тогда о возстановленіи стараго слога, который называлъ стилемъ, но вліяніе его было ограниченно. Что-же касается до настоящаго народнаго стиля, его зналъ одинъ офранцуженный графъ Растопчинъ въ своихъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ.

По мѣрѣ того какъ война забывалась, патріотизмъ этотъ утихалъ и выродился наконецъ съ одной стороны въ подлую циническую лесть "Сѣверной Пчелы", съ другой въ квасной, гречневой патріотизмъ, называющій Шую—Манчестеромъ, Шебуева—Рафаэлемъ, а Петербургъ—сѣверной Пальмирой.

Послѣ Александра явились—Погодинъ, императоръ Николай, Загоскинъ, Несторъ Кукольникъ; а съ ними разныя неустроенныя попытки водрузить тяжелое знамя Православія, Самодержавія и Народности—чѣмъ попало, романами, иконописью, дикимъ преслѣдованіемъ Уніатъ, "рукой всевышняго отечество спасла", розгами, ссылками, Москвитяниномъ, журналомъ сухопутнаго православія и Маякомъ, журналомъ морскаго православія.

Патріотизмъ при Николаѣ потерялъ свой греко-римскій характеръ и превратился въ что-то кнутовое, полицейское, особенное въ Петербургѣ, гдѣ это дикое направленіе окончилось сообразно космополитическому характеру города, и з о б р ѣ т е н і е м ъ народнаго гимна по Себастіану Баху (*) и Прокопіемъ Ляпуновымъ по — Шиллеру.

(*) Сперва народный гимнъ пѣли препаивно на голосъ God save the King, да сверхъ того его и не пѣли почти никогда. Все это нововведенія николаевскія. Съ польской войны велѣли въ царскіе дни и на большихъ концертахъ пѣть впови

Я былъ на первомъ представленіи Ляпунова въ Москвѣ и видѣлъ какъ Ляпуновъ засучиваетъ рукава и говоритъ что-то въ родѣ "потѣшусь я въ польской крови". Глухой стонъ отвращенія вырвался изъ груди всего партера, даже жандармы, квартальные и эти люди креселъ, на которыхъ нумера какъ-то стерты, не нашли силъ аплодировать!

Въ Москвѣ, исключительно національное направленіе доходило до такихъ-же нелѣпостей, но оно было независимо нелѣпо, нелѣпо безъ всякаго отношенія къ III отдѣленію или къ управѣ благочинія.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, былъ въ Москвѣ проѣздомъ паннславистъ Гай, игравшій потомъ какую-то премудрепую роль, какъ кроатскій агитаторъ и въ тоже время близкій человѣкъ Бана Іелачича. Москвитяне вѣрятъ вообще всѣмъ иностранцамъ; Гай былъ больше нежели иностранецъ, больше нежели свой—онъ былъ то и другое. Ему стало быть не трудно было разжалобить нашихъ Славянъ судьбою страждущей и православной братіи въ Далмаціи и Кроаціи; огромная подписка была сдѣлана въ нѣсколько дней и сверхъ того Гаю былъ данъ обѣдъ во имя всѣхъ Сербскихъ и Русняцкихъ симпатій. За обѣдомъ, одинъ изъ нѣжнѣйшихъ по голосу и по занятіямъ

изобрѣтенный народный гимнъ—корпуса жандармовъ полковникомъ Львовымъ.

Императоръ Александръ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобъ любить грубую лесть; онъ съ отвращеніемъ слушалъ въ Парижѣ презрительныя и ползающія у ногъ побѣдителя рѣчи академиковъ. Разъ встрѣтивъ въ своей передней Шатобріана, онъ ему показалъ посѣдній нумеръ Journal des Débats и прибавилъ: "Я васъ увѣряю, что такихъ плоскихъ низостей, я ни разу не видалъ ни въ одной русской газетѣ". Но при Николаѣ нашлись литераторы, которые оправдали его монаршее довѣріе и заткнули за поясъ всѣхъ журналистовъ 1814 года, даже нѣкоторыхъ префектовъ 1852 г. Булгаринъ писалъ въ Сѣверной Пчелѣ, что между прочими выгодами желѣзной дороги между Москвой и Петербургомъ, онъ не можетъ безъ умиленія вздумать, что одинъ и тотъ-же человѣкъ будетъ въ возможности утромъ отслужить молебенъ о здравіи государя императора въ казанскомъ соборѣ, а вечеромъ другой въ Кремлѣ!

Казалось бы трудно превзойти эту страшную нелѣпость, но нашелся въ Москвѣ литераторъ, перещеголявшій Ѳадѣя Венедиктовича.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Николая въ Москву, П... ученый профессоръ, написалъ статью, въ которой онъ говоря о массѣ народа, толпившейся передъ дворцомъ, прибавляетъ—что стоило бы царю изъявить малѣйшее желаніе и эти тысячи, пришедшіе лицезрѣть его, радостно бросились бы въ Москву рѣку. Фразу эту вымаралъ графъ С. Г. Строгоновъ, разсказывавшій мнѣ этотъ милой анекдотъ.

—славянофиловъ, человѣкъ краснаго православія, разгорячённый, вѣроятно тостами за черногорскаго владыку, за разныхъ великихъ Босняковъ, Чеховъ и Словаковъ, импровизировалъ стихи, въ которыхъ было слѣдующее не вовсе христіанское выраженіе:

Упьюсь я кровью Мадьяровъ и Нѣмцевъ,

всѣ не поврежденные съ отвращеніемъ услышали эту фразу. По счастію остроумный статистикъ Андросовъ, выручилъ кровожаднаго пѣвца, онъ вскочилъ съ своего стула, схватилъ десертный ножикъ и сказалъ: Господа, извините меня, я васъ оставлю на минуту, я вспомнилъ, что хозяинъ моего дома, старикъ настройщикъ Дицъ—Нѣмецъ; я сбѣгаю его приколоть и сейчасъ возвращюсь.

Громъ смѣха заглушилъ негодованіе.

Я этотъ случай разсказалъ для того, чтобъ еще разъ показать какая страшная стремнина патріотизмъ и исключительная національность, какъ уноситъ она вспять людей и какъ близка къ животной ненависти; послѣдовательный патріотизмъ оканчивается непремѣнно по колѣна въ крови.

Въ такую партію, кровожадную en herbe, сложились московскіе Славяне во время нашей ссылки. Ихъ развила полемика, они сомкнули свои ряды при появленіи Чаадаевскаго письма; война съ Бѣлинскимъ и дальнѣйшее развитіе панславизма на Западѣ, сложило ихъ окончательно. Въ концѣ 1842 г. я ихъ засталъ въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей, подъ начальствомъ Хомякова, и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультра-якобинцами, отвергавшими все бывшее послѣ Кіевскаго періода, и умѣренными, жирондистами, отвергавшими только петербургскій періодъ; у нихъ были свои каѳедры въ университетѣ, свое ежемѣсячное обозрѣніе, выходившее всегда два мѣсяца позже, но все-же выходившее; при главномъ корпусѣ состояли православные гегеліанцы, византійскіе теурги, мистическіе поэты (Ѳ. Глинка съ супругой и множество женщинъ.

Споры наши, немедленно начавшіеся, такъ закрѣпили и

развили до послѣднихъ крайностей наши разныя воззрѣнія, такъ отдали наше взаимное непониманіе—всѣми колкостями, преувеличеніями, всѣми выводами ad absurdum, что мы вовсе не видали сквозь чаднаго, церковнаго ладона, что за ризами и мурмулками была сильная, юная мысль, и что всего важнѣе мысль своевременная.

Прежде нежели мы пойдемъ далѣе, нѣсколько словъ о Чаадаевскомъ письмѣ. Письмо это само-по-себѣ было историческимъ событіемъ; что кажется значатъ два—три печатныхъ листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обозрѣніи? а между тѣмъ такова сила рѣчи сказанной, такова мощь словавъ странѣ молчащей и непривыкнувшей къ независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію.

Лѣтомъ 1836 года, я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣдній № "Телескопа". Надобно жить въ ссылкѣ и глуши, чтобъ оцѣнить что значитъ новая книга. Я разумѣется бросилъ все и принялся разрѣзывать "Телескопъ"—"Философскія письма" адресованныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ замѣчаніи было сказано, что письма эти писаны Русскимъ по французски, т. е. что это переводъ. Все это скорѣе предупредило меня противъ статьи, нежели въ ея пользу, и я принялся читать критику и смѣсь.

Наконецъ дошелъ чередъ и до письма. Со второй, третьей страницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ, отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишутъ только люди долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе; жизнію, а не теоріей доходятъ до такого взгляда . . . Читаю далѣе . . . письмо ростетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ.

Я раза два останавливался, чтобъ отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ . . . и потомъ снова читалъ и читалъ. И это напечатано по русски, неизвѣстнымъ авторомъ? — Я боялся, не сошелъ-ли я съ ума. Потомъ я перечитывалъ

"письмо" Витбергу, потомъ молодому учителю гимназіи, потомъ опять себѣ.

Весьма вѣроятно, что тоже самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ. Имя автора я узналъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Десять лѣтъ образованная Россія пострадала молча, подъ самымъ прозаическимъ, бездарнымъ, ничего не дающимъ въ замѣну игомъ. Каждый чувствовалъ гнетъ, у каждаго было что-то на сердцѣ и все-таки всѣ молчали; наконецъ пришелъ человѣкъ, который по своему сказалъ что. Онъ сказалъ только про боль, свѣтлаго ничего нѣтъ въ его словахъ, вѣдь это только на образахъ мученики улыбаются ангеламъ когда ихъ тѣло рвутъ на части. Письмо Чаадаева безжалостный крикъ боли и упрека одной части Россіи, именно Петровской, она имѣла право на него; развѣ эта среда жалѣла, щадила автора, или кого-нибудь?

Разумѣется такой голосъ долженъ былъ вызвать противъ себя оппозицію или онъ былъ бы совершенно правъ, говоря, что прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ, что это "пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ данный народамъ" до чего отчужденіе и рабство могутъ довести. Это было покаяніе и обвиненіе; знать впередъ чѣмъ примириться, не дѣло раскаянія, не дѣло протеста, или сознаніе въ винѣ шутка и искупленіе неискренно.

Но оно и не прошло такъ: на минуту всѣ, даже сонные и забитые отпрянули, испугавшись зловѣщаго голоса. Всѣ были изумлены, большинство оскорблено, человѣкъ десять громко и горячо рукоплескали автору. Толки въ гостинныхъ предупредили мѣры правительства, накликали ихъ. Нѣмецкаго происхожденія русскій патріотъ Вигель пустилъ дѣло въ ходъ.

Обозрѣніе было тотчасъ запрещено; Болдыревъ, старикъ ректоръ московскаго университета и цензоръ былъ отставленъ, Надеждинъ, издатель, сосланъ въ Усть-Сысолскъ, Чаадаева, Николай приказалъ объявить "сумасшедшимъ" и обязать подпиской ничего не писать. Всякую субботу пріѣзжалъ къ нему докторъ и полицмейстеръ, они свидѣтельствовали его и

дѣлали донесеніе, т. е. выдавали за своей подписью пятьдесятъ два фальшивыхъ свидѣтельства по высочайшему повѣленію— умно и нравственно. Наказанные разумѣется были они, Чаадаевъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти шалости въ самомъ дѣлѣ поврежденнаго своеволія власти. Ни докторъ, ни полицмейстеръ никогда не заикались за чѣмъ они пріѣзжали.

Я видѣлъ Чаадаева прежде моей ссылки одинъ разъ. Это было въ самый день взятія П. Я упомянулъ, что въ тотъ день у М. Орлова былъ обѣдъ. Всѣ гости были въ сборѣ, когда вошелъ холодно кланяясь человѣкъ, котораго оригинальная наружность, красивая и самобытно-рѣзкая, должна была каждаго остановить на себѣ. Орловъ взялъ меня за руку и представилъ, это былъ Чаадаевъ. Я мало помню объ этой первой встрѣчѣ, мнѣ было не до него; онъ былъ какъ всегда холоденъ, серьезенъ, уменъ и золъ. Послѣ обѣда, Раевская, мать Орловой сказала мнѣ: "Что вы такъ печальны, ахъ молодые люди, молодые люди какіе вы нынче стали!" "А вы думаете, сказалъ Чаадаевъ, что нынче еще есть молодые люди?" вотъ все что осталось у меня въ памяти.

Возвратившись въ Москву я сблизился съ нимъ и съ тѣхъ поръ до отъѣзда мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Печальная и самобытная фигура Чаадаева, рѣзко отдѣляется какимъ-то грустнымъ упрекомъ на линючемъ и тяжеломъ фондѣ московской high life. Я любилъ смотрѣть на него середь этой мишурной знати, вѣтренныхъ сенаторовъ, сѣдыхъ повѣсъ и почетнаго ничтожества. Какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ; лѣта не исказили стройнаго стана его, онъ одѣвался очень тщательно, блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно когда онъ молчалъ, какъ будто изъ воску или изъ мрамора, "чело какъ черепъ голый", сѣро-голубые глаза были печальны и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣли что-то доброе, тонкія губы напротивъ улыбались иронически. Десять лѣтъ стоялъ онъ сложа руки гдѣ-нибудь у колоны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ и—воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ

на вихрь лицъ безсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть, потомъ сказалъ свое слово, спокойно спрятавъ, какъ пряталъ въ своихъ чертахъ, страсть подъ ледяной корой. Потомъ опять умолкъ, опять являлся капризнымъ, недовольнымъ, раздраженнымъ, опять тяготѣлъ надъ московскимъ обществомъ и опять не покидалъ его. Старикамъ и молодымъ было не ловко съ нимъ, не по-себѣ; они, богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія. Что-же заставляло ихъ принимать его, звать . . . и еще больше ѣздить въ нему? Вопросъ очень серьезный.

Чаадаевъ не былъ богатъ, особенно въ послѣдніе годы; онъ не былъ и знатенъ; ротмистръ въ отставкѣ съ желѣзнымъ кульмскимъ крестомъ на груди. Онъ, правда, по словамъ Пушкина, "въ Римѣ былъ бы Брутъ,

. . . въ Аѳинахъ Периклесъ,
Но здѣсь подъ гнетомъ власти царской,
Онъ только офицеръ гусарскій. . ."

Знакомство съ нимъ могло только компрометировать человѣка въ глазахъ правительствующей полиціи. Откуда-же шло вліяніе, зачѣмъ въ его небольшомъ скромномъ кабинетѣ въ Старой Басманной толпились по понедѣльникамъ "тузы" англійскаго клуба, патриціи тверскаго бульвара? Зачѣмъ модныя дамы заглядывали въ келью угрюмаго мыслителя, зачѣмъ генералы, непонимающіе ничего штатскаго, считали себя обязанными явиться къ старику, неловко прикинуться образованными людьми и хвастаться потомъ, перевирая какое-нибудь слово Чаадаева, сказанное на ихъ-же счетъ? Зачѣмъ я встрѣчалъ у него дикаго Американца Толстаго и дикаго генералъ-адъютанта Шипова, уничтожавшаго просвѣщеніе въ Польшѣ?

Чаадаевъ не только не дѣлалъ имъ уступокъ, но тѣснилъ ихъ и очень хорошо давалъ имъ чувствовать разстояніе между имъ и ними. Разумѣется, что люди эти ѣздили къ нему и звали на свои рауты изъ тщеславія, до этого дѣла нѣтъ;

тутъ важно невольное сознаніе, что мысль стала мощью, имѣла свое почетное мѣсто вопреки высочайшему повелѣнію. Насколько власть "безумнаго" ротмистра Чаадаева была признана, настолько "безумная" власть Николая Павловича была уменьшена.

Чаадаевъ имѣлъ свои страпности, свои слабости, онъ былъ озлобленъ и избалованъ. Я не знаю общества менѣе снисходительнаго какъ московское, болѣе исключительнаго, именно по этому оно и смахиваетъ на провинціальное, напоминаетъ недавность своего образованія. Отчего-же человѣку въ пятьдесятъ лѣтъ, одинокому, лишившемуся почти всѣхъ друзей, потерявшему состояніе, много жившему мыслію, часто огорченному—не имѣть своего обычая, свои причуды?

Чаадаевъ былъ адъютантомъ Васильчикова во время извѣстнаго Семеновскаго дѣла. Государь находился тогда, помнится, въ Веронѣ или въ Ахенѣ на конгресѣ. Васильчиковъ послалъ Чаадаева съ рапортомъ къ нему, и онъ какъ-то опоздалъ часомъ или двумя и пріѣхалъ позже курьера посланнаго австрійскимъ посланникомъ Лебцельтерномъ. Государь раздраженный дѣломъ, увлекаемый тогда окончательно въ реакцію Метернихомъ, который съ радостію услышалъ о Семеновской исторіи, очень дурно принялъ Чаадаева, бранился, сердился и потомъ опомнившись велѣлъ ему предложить званіе флигель адъютанта; Чаадаевъ отклонилъ эту честь и просилъ одной милости—отставки. Разумѣется это очень не понравилось, но отставка была дана.

Чаадаевъ не торопился въ Россію, разставшись съ золоченнымъ мундиромъ, онъ принялся за науку. Умеръ Александръ, случилось 14 Декабря, (отсутствіе Чаадаева спасло его отъ вѣроятнаго преслѣдованія), около 1830 года онъ возвратился.

Въ Германіи Чаадаевъ сблизился съ Шеллингомъ; это знакомство вѣроятно много способствовало, чтобъ навести его на мистическую философію. Она у него развилась въ революціонный католицизмъ, которому онъ остался вѣренъ на всю жизнь. Въ своемъ письмѣ онъ половину бѣдствій Россіи относитъ на счетъ греческой церкви, на счетъ ея отторженія отъ всеобъемлющаго западнаго единства.

Какъ ни странно для насъ такое мнѣніе, но не надобно забывать, что католицизмъ и самое христіанство имѣютъ въ себѣ большую тягучесть. Лакордеръ проповѣдывалъ католическій соціализмъ, оставаясь доминиканскимъ монахомъ, ему помогалъ Шеве оставаясь сотрудникомъ Voix du peuple. Въ сущности нео-католицизмъ не хуже риторическаго деизма, этой перелигіи и невѣдѣнія, "этого атеизма, окруженнаго религіозными учрежденіями", этой умѣренной теологіи образованныхъ мѣщанъ.

Если Ронге и послѣдователи Бюше еще возможны послѣ 1848 г., послѣ Фейербаха и Прудона, послѣ Пія IX и Ламене, если одна изъ самыхъ энергическихъ партій движенія ставитъ мистическую формулу на своемъ знамени, если до сихъ поръ есть люди какъ Мицкевичъ, какъ Красинскій, продолжающіе быть мессіанистами, то дивиться нечему, что подобное ученіе привезъ съ собою Чаадаевъ изъ Европы двадцатыхъ годовъ. Мы ее нѣсколько забыли; стоитъ вспомнить исторію Волабелы, письма Леди Морганъ или записки Адріани, Байрона, Леопарди, чтобы убѣдится, что это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ и неблагородныхъ эпохъ исторіи. Революція оказалась совершенно несостоятельной, грубый монархизмъ съ одной стороны цинически хвастался своею властью, лукавый монархизмъ съ другой цѣломудренно прикрывался листомъ хартіи; едва только, и то изрѣдка, слышались пѣсни освобождающихся Еллиновъ, какая-нибудь энергическая рѣчь Канинга или Ройе-Колара.

Въ протестантской Германіи тогда образовалась католическая партія, Шлегель и Лео мѣняди вѣру, старый Янъ и другіе бредили о какомъ-то народномъ и демократическомъ католицизмѣ. Люди спасались отъ настоящаго въ средніе вѣка, въ мистицизмъ, читали Экартсгаузена, занимались магнетизмомъ и чудесами князя Гогенлоэ; Гюго, врагъ католицизма, столько же помогалъ его возстановленію, какъ тогдашній Ламене, ужасавшійся бездушному индеферентизму своего вѣка.

На Русскаго такой католицизмъ долженъ былъ еще сильнѣе подѣйствовать. Въ немъ было формально все то, чего недоста-

вало въ русской жизни, оставленной на себя, стѣсненной одной матеріальной властью и ищущей путь собственнымъ чутьемъ. Строгій чинъ и гордая независимость западной церкви, ея оконченная ограниченность, ея практическія приложенія, ея безвозвратная увѣренность и мнимое снятіе всѣхъ противурѣчій своимъ высшимъ единствомъ, своей вѣчной фатой-морганой, своимъ urbi et orbi, своимъ презрѣніемъ свѣтской власти, должно было легко овладѣть умомъ пылкимъ и начавшимъ свое серьезное образованіе въ совершенныхъ лѣтахъ.

Когда Чаадаевъ возвратился онъ засталъ въ Россіи другое общество и другой тонъ. Какъ молодъ я ни былъ, но я помню какъ наглядно высшее общество пало и стало грязнѣе, раболѣпнѣе съ воцаренія Николая. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровскихъ временъ—все это изчезло съ 1826 годомъ.

Были иные всходы, подсѣды, еще не совсѣмъ извѣстные самимъ себѣ, еще ходившіе съ раскрытой шеей à l'enfant или учившіеся по пансіонамъ и лицеямъ; были молодые литераторы начинавшіе пробовать свои силы и свое перо, но все это еще было скрыто, и не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ.

Друзья его были на каторжной работѣ; онъ сначала оставался совсѣмъ одинъ въ Москвѣ, потомъ вдвоемъ съ Пушкинымъ, наконецъ втроемъ съ Пушкинымъ и Орловымъ. Чаадаевъ показывалъ часто, послѣ смерти обоихъ, два небольшія пятна на стѣнѣ надъ спинкой дивана, тутъ они прислоняли голову!

Безмѣрно печально сличеніе двухъ посланій Пушкина къ Чаадаеву, между ними прошла не только ихъ жизнь, но цѣлая эпоха, жизнь цѣлаго поколѣнія, съ надеждою ринувшагося впередъ и грубо отброшеннаго назадъ. Пушкинъ юноша говоритъ своему другу:

Товарищъ вѣрь, взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена.

Но заря не взошла, а взошелъ Николай на тронъ и Пушкинъ пишетъ:

Чаадаевъ, помнишь-ли былое?
Давноль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ иным?
. . . Но въ сердцѣ бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена!

Въ мірѣ ни было ничего противуположнѣе Славянамъ какъ безнадежный взглядъ Чаадаева, которымъ онъ мстилъ русской жизни, какъ его обдуманное выстраданное проклятіе ей, которымъ онъ замыкалъ свое печальное существованіе и существованіе цѣлаго періода русской исторіи.

"Въ Москвѣ, говорилъ Чаадаевъ, каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя и колоколъ, который свалился прежде нежели звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или можетъ этотъ большой колоколъ безъ языка гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя назвавшее себя Славянами, какъ будто удивляясь что имѣетъ слово человѣческое".

Одностороннее отчаяніе его и сангвиническія надежды московскихъ Славянъ шли изъ однаго источника; оттого-то враждуя другъ противъ друга, они имѣли между собою симпатію.

Первые десять лѣтъ послѣ 1825 г. были страшны не только отъ открытаго гоненія всякой мысли, но отъ полнѣйшей пустоты обличившейся въ обществѣ; оно пало, оно было сбито съ толку и запугано. Лучшіе люди разглядывали что прежнія пути развитія врядъ возможны-ли; новыхъ не знали. Сѣрое, осѣннее небо тяжело и безотрадно заволокло душу.

Чаадаевъ и Славяне равно стояли передъ неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни, сфинксомъ спящимъ подъ солдатской шинелью и подъ царскимъ надзоромъ; они равно спра-

шивали: "Что-же изъ этого будетъ? Такъ жить невозможно: тягость и нелѣпость настоящаго очевидны, невыносимы—гдѣ же выходъ?"

"Его нѣтъ", отвѣчалъ человѣкъ петровскаго періода, исключительно западной цивилизаціи, вѣрившій быть можетъ при Александрѣ въ европейскую будущность Россіи. Онъ печально указывалъ къ чему привели усилія цѣлаго вѣка: образованіе—дало только новыя средства угнетенія, церковь сдѣлалась одною тѣнью, подъ которой покоится полиція; народъ все выноситъ, все терпитъ, правительство все давитъ и гнететъ. Переворотъ Петра сдѣлалъ изъ насъ худшее, что можно сдѣлать изъ людей—*просвѣщенныхъ* рабовъ. Мы похожи на тѣхъ несчастныхъ Поляковъ, которымъ въ Камчаткѣ объявили при Павлѣ, что они свободны и могутъ возвратиться на фрегатѣ, который поѣдитъ черезъ полгода. Довольно мучились мы въ этомъ тяжеломъ, смутномъ нравственномъ состояніи, непонятые народомъ, побитые правительствомъ—пора отдохнуть, пора свести миръ въ свою душу, прислониться къ чему-нибудь . . . это почти значило "пора умереть".

Люди прошлыхъ вѣковъ, чувствуя приближеніе смерти — постригались въ монахи; Чаадаевъ думалъ найти обѣщанный всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ покой въ католической церкви.

Съ точки зрѣнія западной цивилизаціи, такъ какъ она выразилась во время реставрацій, съ точки зрѣнія петровской Руси взглядъ этотъ совершенно оправданъ. Славяне рѣшили вопросъ иначе.

Въ ихъ рѣшеніи лежало вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ, чутье ихъ было проницательнѣе ихъ разумѣнія. Они поняли, что современное состояніе Россіи, какъ бы тягостно ни было, не *смертельная болѣзнь*. И въ то время какъ у Чаадаева слабо мерцаетъ возможность спасенія лицъ, а не народа,—у Славянъ явно проглядываетъ мысль о гибели лицъ захваченныхъ современной эпохой и вѣра въ спасеніе народа.

"Выходъ за нами, говорили Славяне, выходъ въ отрѣченіи

отъ петербургскаго періода, въ возвращеніи къ народу, съ которымъ насъ разобщило иностранное образованіе, иностранное правительство, воротимся къ прежнимъ правамъ!"

Но исторія не возвращается; жизнь богата тканями, ей никогда не бываютъ нужны старыя платья. Всѣ возстановленія, всѣ реставраціи были всегда маскарадами. Мы видили двѣ; ни легитимисты не возвратились къ временамъ Людовика XIV, ни республиканцы къ 8 Термидору. Случившееся стоитъ писанаго, его не вырубишъ топоромъ.

Намъ сверхъ того некъ чему возвращаться. Государственная жизнь допетровской Россіи была уродлива, бѣдна, дика — а къ ней-то и хотѣли Славяне возвратиться, хотя они и не признаются въ этомъ; какъ-же иначе объяснить всѣ археологическія воскрешенія, поклоненіе правамъ и обычаямъ прежняго времени и самыя попытки возвратиться не къ современной (и превосходной) одеждѣ крестьянъ, а къ стариннымъ костюмамъ.

Во всей Россіи кромѣ Славянофиловъ никто не носитъ мурмулокъ. А. одѣлся такъ національно, что народъ на улицахъ принималъ его за Персіанина — какъ разсказывалъ шутя Чаадаевъ.

Возвращеніе къ народу они тоже поняли грубо, въ томъ родѣ какъ большая часть западныхъ демократовъ, принимая его совсѣмъ готовымъ. Они полагали, что дѣлить предразсудки народа-значитъ быть съ нимъ въ единствѣ, что жертвовать своимъ разумомъ, вмѣсто того чтобъ развивать разумъ въ народѣ—великій актъ смиренія. Отсюда натянутое православіе, исполненіе обрядовъ, которые при наивной вѣрѣ трогательны, и оскорбительны когда въ нихъ видна преднамѣренность. Лучшее доказательство, что возвращеніе Славянъ къ народу не было дѣйствительнымъ, состоитъ въ томъ, что они не возбудили въ немъ никакаго сочувствія. Ни византійская церковь, ни грановитая палата ничего больше не дадутъ для будущаго развитія славянскаго міра. Возвратиться къ селу, къ артели работниковъ, къ мірской сходкѣ, къ казачеству, другое дѣло; но возвратиться не для того, чтобъ ихъ закрѣпить въ

неподвижныхъ азіатскихъ кристализаціяхъ, а для того, чтобъ развить, освободить начала, на которыхъ они основаны, очистить отъ всего наноснаго, искажающаго, отъ дикаго мяса, которымъ они обросли,—въ этомъ конечно наше призваніе. Но тутъ не надобно ошибаться, все это далеко за предѣломъ государства; московскій періодъ также мало поможетъ тутъ, какъ петербургскій; онъ-же никогда и не былъ лучше его. Новгородскій вѣчевой колоколъ былъ только перелитъ въ пушку Петромъ, а снятъ съ колокольни Іоанномъ Васильевичемъ; крѣпостное состояніе только записано въ ревизію при Петрѣ, а введено Годуновымъ; въ уложеніи ужъ нѣтъ и помину цаловальниковъ, и кнутъ, батоги, плети, являются гораздо прежде шпицрутеновъ и фухтелей.

Ошибка Славянъ состоитъ въ томъ, что имъ кажется, что Россія имѣла когда-то свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и наконецъ петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла этого развитія и немогла имѣть. То что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то что начинаетъ мерцать въ мысли, въ предчувствіи, то что существовало безсознательно въ крестьянской избѣ и на полѣ,—то теперь только всходитъ на пажитяхъ исторіи, утученныхъ кровью, слезами и потомъ двадцати поколѣній.

Эти основы нашего народнаго быта, не воспоминанія, а живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ настоящемъ; но онѣ только уцѣлѣли подъ труднымъ историческимъ выработываніемъ государственнаго единства и подъ государственнымъ гнетомъ, потомъ только сохранились, но не развились. Я даже сомнѣваюсь нашлись-ли бы внутреннія силы для ихъ развитія безъ петровскаго періода, безъ періода европейскаго образованія.

Непосредственныхъ основъ быта недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и спокон вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако Индейцы съ ней недалеко ушли.

Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши

дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся самисобой, все это краеугольные камни, на которыхъ созиждется храмина нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеугольные камни, все-же камни . . . и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ.

Такова судьба всего с о ц і а л ь н а г о т. е. общиннаго, что оно невольно влечетъ къ круговой порукѣ народовъ . . . . . Отчуждаясь, обособляясь, одни остаются при дикомъ бытѣ, другіе при отвлеченной мысли, которая какъ христіанская душа носится надъ разлогающимся тѣломъ.

Воспріимчивый характеръ Славянъ, ихъ "женственность" какъ я когда-то выразился, недостатокъ самодѣятельности и большая способность пластицизма дѣлаетъ ихъ по преимуществу народомъ нуждающимся въ другихъ народахъ, они не вполнѣ довлѣютъ себѣ. Оставленные на себя Славяне легко "убаюкиваются своими пѣснями", какъ замѣтилъ одинъ византійскій лѣтописецъ "и дремлютъ". Возбужденные другими, они съ страстностью идутъ до крайнихъ слѣдствій; нѣтъ народа, который глубже и полнѣе усвоивалъ бы себѣ мысль другихъ народовъ, оставаясь самимъ собою. Того упорнаго непониманья другъ друга, которое существуетъ теперь, какъ за тысячу лѣтъ, между народами Германскими и Романскими, между ими и Славянами нѣтъ. Въ этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натурѣ, лежитъ необходимость отдаваться и быть увлекаемымъ.

Чтобы сложиться въ княжество, Россіи были нужны Норманы.

Чтобы сдѣлаться государствомъ—Монголы.

Европеизмъ развилъ изъ царства московскаго колоссальную имперію петербургскую.

— "Но при всей своей воспріимчивости не оказали-ли Славяне вездѣ полнѣйшую неспособность къ развитію с о в р е м е н н а г о европейскаго, государственнаго чина, постоянно впадая или въ отчаяннѣйшій деспотизмъ или въ безвыходное неустройство".

Эта неспособность и эта неполнота великіе таланты въ нашихъ глазахъ.

Вся Европа пришла теперь къ необходимости такого-же деспотизма, чтобъ какъ-нибудь удержать современный государственный бытъ противъ напора соціальныхъ идей, стремящихся водворить новый чинъ, къ которому Западъ, боясь и упираясь, все-таки несется съ невѣдомой силой на всѣхъ парахъ . . . . славянскій міръ былъ только послѣдователенъ. Деспотизмъ послѣднее слово европейскаго государственнаго устройства.

Было время, когда полусвободный Западъ гордо смотрѣлъ на Россію раздавленную императорскимъ тропомъ и образованная Россія вздыхая смотрѣла на счастіе старшихъ братій. Это время прошло. Равенство рабства водворилось.

Мы присутствуемъ теперь при удивительномъ зрѣлищѣ; единственная большая страна, гдѣ остались свободныя учрежденія, страстно проситъ деспотизма. Человѣчество не видало ничего подобнаго со временъ Константина, когда свободные Римляне, чтобъ спастись отъ общественной тяги, просились въ рабы.

Деспотизмъ или Соціализмъ—выбора нѣтъ.

Одинъ соціализмъ можетъ спасти Европу! И дѣло, что его распинаютъ.

Деспотизмъ значитъ исключительность, ненависть; Имперія значитъ война, оттого Наполеонъ и назвалъ ее миромъ .... для старой Европы война съ Россіей необходима; она справедлива какъ отчаяніе Чаадаева. Нельзя-же двумъ великимъ историческимъ личностямъ, двумъ посѣдѣлымъ дѣятелямъ всей западной исторіи, представителямъ двухъ міровъ, двухъ традицій двухъ началъ—государства и личной свободы—нельзя-же имъ не остановить, не сокрушить эту третью; нѣмую личность безъ знамени, безъ имени, въ цѣпяхъ, грубо толкающуюся въ двери Европы и въ двери исторіи съ своимъ необузданнымъ желаніемъ Византіи, съ одной рукой на Германіи, съ другой на Тихомъ Океанѣ.

Начавшаяся теперь война можетъ имѣть перемирія, но не

кончится прежде начала всеобщаго переворота, который смѣшаетъ всѣ карты и начнетъ новую игру. Она потому не можетъ кончится прежде, что при настоящемъ положеніи дѣлъ война эта справедлива со стороны Европы. Когда весь историческій вопросъ сводится на равновѣсіе, на искуственный покой, на вооруженное far niente, когда всѣ усилія устремлены на устраненіе всякаго движенія, потому что легчайшее можетъ уронить всю эту акробатическую задачу, то очевидно что страна мѣшающая равновѣсію должна быть укорочена, обезсилена.

Миръ можетъ быть только принесенъ Соціализмомъ . . . У насъ это можетъ удивить, но смѣяться не будутъ; здѣсь будутъ, но будутъ тоже скрежетать и зубами . . . я обдержался.

При первой зарѣ восходящей общинности, народы завлеченные по колѣна въ кровь, лучше узнаютъ другъ друга; дикой крикъ завистливыхъ паціональностей, хищнаго патріотизма—умолкнетъ. Эти ненависти принадлежатъ не народамъ, а государствамъ, народы виноваты только въ невѣжествѣ, а какъ имъ что-либо знать, когда имъ проповѣдуютъ цѣлую ложную религію крови и безумія, народной исключительности, чести знамени, права сильнаго, всю эту тупую и ограниченную доблесть патріотическаго эгоизма, противъ котораго уже возставали первые христіане, и которую теперь такъ усердно проповѣдуютъ послѣдніе.

Славянскій міръ менѣе знакомый съ надменнымъ, аристократическимъ point d'honneur-омъ первый уступитъ и протянетъ руку своимъ старшимъ братьямъ, какъ тотъ сиракузскій тиранъ, который останавливая палача, просилъ самоотверженныхъ друзей объ одномъ, принять его т р е т ь и м ъ,

So nehmet auch mich zum Genossen an,
Ich sei gewährt mir die Bitte
In Eurem Bunde der Dritte.

Это мѣсто третьяго, необычайно идетъ міру воспріимчивому, сочувствующему обоимъ, расплывчатому, долинному. менѣе опредѣленному и сосредоточенному въ мысли и въ землѣ

неразрѣзанному ни высокими горами, ни непереходимыми традиціями.

Такова моя вѣра, и ее то я только и проповѣдывалъ съ конца 1848 года.

Еще слово. Что бы ни случилось, разломится-ли Россія на части или Европа впадетъ въ византійское ребячество?—одна вещь сдѣлана и искоренить ее невозможно, это сознаніе болѣе и болѣе пріобрѣтаемое юнымъ поколѣніемъ въ Россіи, что Соціализмъ — смутный и неопредѣленный идеалъ русскаго народа, разумное и свободное развитіе его быта.

ГЛАВА XII.

ЕЩЕ РАЗЪ СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

Частный приставъ въ должности камердинера—Оберъ-полицмейстеръ Кокошкинъ—"Безпорядокъ въ порядкѣ"—Еще разъ Дуббельтъ—Паспортъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины моего отца, графъ Орловъ былъ назначенъ на мѣсто Бенкендорфа. Я написалъ тогда къ Ольгѣ Александровнѣ, не можетъ-ли она мнѣ выхлопотать заграничнаго пасса или какой-нибудь видъ для пріѣзда въ Петербургъ, чтобъ самому достать его. О. А. отвѣчала, что второе легче, и я получилъ черезъ нѣсколько дней отъ Орлова "высочайше" разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ на короткое время для устройство дѣлъ. Болѣзнь моего отца, его кончина, дѣйствительное устройство дѣлъ и нѣсколько мѣсяцовъ на дачѣ задержали меня до зимы. Въ концѣ Ноября я отправился въ Петербургъ, предварительно подавъ просьбу генералъ-губернатору о пассѣ. Я зналъ что онъ не могъ разрѣшить, потому что я все еще былъ подъ строгимъ надзоромъ полиціи, мнѣ хотѣлось одного, чтобъ онъ послалъ запросъ въ Петербургъ.

Въ день отъѣзда, я утромъ послалъ взять билетъ изъ полиціи но вмѣсто билета явился квартальный сказать что есть какія-то затрудненія и что самъ частный приставъ будетъ ко мнѣ. Пріѣхалъ и онъ, и попросивши чтобъ я остался съ нимъ на единѣ, онъ таинственно объявилъ мнѣ новость, что мнѣ пять лѣтъ тому назадъ въѣздъ въ Петербургъ запрещенъ, и что безъ

высочайшаго повелѣнія онъ билета не подпишетъ.—За этимъ у насъ дѣло не станетъ, сказалъ я смѣясь, и вынулъ изъ кармана письмо, Частный приставъ сильно удивленный прочитавъ попросилъ дозволеніе показать оберъ- полицмейстеру и часа черезъ два прислалъ мнѣ билетъ и мою бумагу.

Надобно сказать что половину разговора мой приставъ велъ на необыкновенно очищенномъ французскомъ языкѣ. Насколько вредно частному приставу и вообще русскому полицейскому знать по французски, онъ испыталъ очень горько.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, пріѣхалъ въ Москву съ Кавказа какой-то путешественникъ, легитимистъ Шевалье Про. Онъ былъ въ Персіи, въ Грузіи, много видѣлъ и имѣлъ неосторожность сильно критиковать тогдашнія военныя дѣйствія на Кавказѣ и особенно администрацію. Боясь, что Про будетъ тоже говорить въ Петербургѣ, генералъ- губернаторъ кавказскій благоразумно написалъ военному министру, что Про преопасный военный агентъ со стороны французскаго правительства. Про жилъ преспокойно въ Москвѣ и былъ хорошо принятъ княземъ Д. В. Голицынымъ, какъ вдругъ князь получилъ приказъ отправить его съ полицейскимъ чиновникомъ изъ Москвы за границу. Сдѣлать такую глупость и такую грубость надъ знакомымъ всегда труднѣе, и потому Голицынъ помявшись дни два, пригласилъ къ себѣ Про и послѣ краснорѣчиваго вступленія, наконецъ сказалъ ему, что какіе-то доносы, вѣроятно съ Кавказа, дошли до государя и что онъ приказалъ ему оставить Россію, что впрочемъ даже ему дадутъ провожатаго. . .

Про, разсерженный, замѣтилъ князю, что такъ какъ правительство имѣетъ право высылать, то онъ ѣхать готовъ, но провожатаго не возметъ, не считая себя преступникомъ, котораго слѣдуетъ конвоировать.

На другой день когда полицмейстеръ пріѣхалъ къ Про, тотъ его встрѣтилъ съ пистолетомъ въ рукѣ, объявляя на отрѣзъ, что онъ ни въ комнату, ни въ свою коляску не пуститъ полицейскаго, не пославши ему пули въ лобъ, если тотъ захочетъ употребить силу.

Голицынъ былъ вообще очень порядочный человѣкъ и потому затрудненъ, онъ послалъ за Вейеромъ французскимъ консуломъ, чтобъ посовѣтоваться какъ быть. Вейеръ нашелъ expediant, онъ потребовалъ полицейскаго хорошо говорящаго по французски и обѣщалъ его представить Про какъ путешественника, просящаго уступить ему мѣсто въ колескѣ Про за половину прогоновъ.

Съ первыхъ словъ Вейера Про догадался въ чемъ дѣло.—Я не торгую мѣстами въ моей колескѣ, сказалъ онъ консулу. —Человѣкъ этотъ будетъ въ отчаяніи.

— Хорошо, сказалъ Про, я его беру даромъ, за это онъ пусть возметъ на себя маленькія услуги,—да не капризникъ-ли это какой? я его тогда брошу на дорогѣ.—Самый услужливый въ мірѣ человѣкъ, вы просто распоряжайтесь имъ. Я васъ благодарю за него. — И Вейеръ поскакалъ къ князю Голицыну объявить о своемъ торжествѣ.

Вечеромъ Про и bona fide traveller отправились. Про молчалъ всю дорогу, на первой станціи онъ взошелъ въ комнату и легъ на диванъ.—Ей! закричалъ онъ товарищу, подите сюда, снимите сапоги. — Что вы, помилуйте, съ какой стати?—Вамъ говорятъ снимите сапоги, или я васъ брошу на дорогѣ, вѣдь я не держу васъ.—Снялъ мой полицейскій офицеръ сапоги . . . вытресите ихъ и вычистите.—Это изъ рукъ вонъ!—Ну оставайтесь! . . . Вычистилъ офицеръ сапоги.

На слѣдующей станціи таже исторія съ платьемъ, и такъ Про тормошилъ его до самой границы. Чтобъ утѣшить этого мученика шпіонства, на него было обращено особое монаршее вниманіе и его наконецъ сдѣлали частнымъ приставомъ.

На третій день послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, дворникъ пришелъ спросить отъ квартальнаго "по какому виду я пріѣхалъ въ Петербургъ?" единственный видъ бывшій у меня указъ объ отставкѣ, былъ мною представленъ генералъ-губернатору при просьбѣ о пассѣ. Я далъ дворнику билетъ, но дворникъ возвратился съ замѣчаніемъ, что билетъ годенъ для выѣзда изъ Москвы, а не для въѣзда въ Петербургъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ пришелъ полицейскій съ приглашеніемъ въ канцеля-

рію оберъ-полицмейстера. Отправился я въ канцелярію Кокошкина (днемъ освѣщенную лампами!), черезъ часъ времени онъ пріѣхалъ. Кокошкинъ лучше другихъ лицъ того-же разбора выражалъ царскаго слугу безъ дальнихъ видовъ, чернорабочаго временщика, безъ совѣсти, безъ размышленія; онъ служилъ и наживался также естественно какъ птицы поютъ.

Перовскій сказалъ Николаю что Кокошкинъ сильно беретъ взятки. "Да, отвѣчалъ Николай, но я сплю спокойно, зная что онъ полицмейстеромъ въ Петербургѣ".

Я посмотрѣлъ на него, пока онъ толковалъ съ другими . . . какое измятое, изжитое, старое и дряхло растлѣнное лице; на немъ былъ завитой парикъ, который вопіюще противурѣчилъ опустившимся чертамъ и морщинамъ.

Поговоривши съ какими-то Нѣмками по нѣмецки и притомъ съ какой-то фамиліарностью, показывавшей, что это старыя знакомыя, что видно было и изъ того, что Нѣмки хохотали и шушукались, Кокошкинъ подошелъ ко мнѣ и смотря внизъ, довольно грубымъ голосомъ спросилъ : Вѣдь вамъ высочайше запрещенъ въѣздъ въ Петербургъ?

— Да, но я имѣю разрѣшеніе.

— Гдѣ оно?

— У меня.

— Покажите—какъ-же, вы это второй разъ пользуетесь тѣмъ-же разрѣшеніемъ?

— Какъ во второй разъ?

— Я помню что вы пріѣзжали.

— Я не пріѣзжалъ.

— И какія это у васъ дѣла здѣсь?

— У меня есть дѣло къ графу Орлову.

— Что-же вы были у графа?

— Нѣтъ, но былъ въ третьемъ отдѣленіи.

— Видѣли Дуббельта?

— Видѣлъ.

— А я вчера видѣлъ самаго Орлова, онъ говоритъ что никакого разрѣшенія вамъ не посылалъ.

— Оно у васъ въ рукахъ.

— Богъ знаетъ когда это писано, и время прошло.

— Впрочемъ странно было бы съ моей стороны пріѣхать безъ позволенія и начать съ визита генералу Дуббельту.

— Коли не хотите хлопоть, такъ извольте отправляться назадъ и то недальше какъ черезъ двадцать четыре часа.

— Я вовсе не располагался пробыть здѣсь долго, но мнѣ нужно-же подождать отвѣтъ графа Орлова.

— Я вамъ не могу позволить, да и графъ Орловъ очень недоволенъ что вы пріѣхали безъ позволенія.

— Позвольте мнѣ мою бумагу, я сейчасъ поѣду къ графу.

— Она должна остаться у меня.

Да вѣдь это письмо, ко мнѣ, на мое имя, единственный документъ по которому я здѣсь.

— Бумага останется у меня какъ доказательство, что вы были въ Петербургѣ. Я вамъ серьезно совѣтую завтра ѣхать, чтобь не было хуже.

Онъ кивнулъ головой и вышелъ. Вотъ тутъ и толкуй съ ними.

У старика генерала Тучкова былъ процессъ съ казной. Староста его взялъ какой-то подрядъ, наплутовалъ и попался подъ начетъ. Судъ велѣлъ взыскать деньги съ помѣщика, давшаго довѣренность старостѣ. Но довѣренности на этотъ предметъ вовсе не было дано, Тучковъ такъ и отвѣчалъ. Дѣло пошло въ сенатъ, сенатъ снова рѣшилъ: "такъ какъ отставной генералъ-лейтенантъ Тучковъ, далъ довѣренность . . . то . . ." На что Тучковъ опять отвѣчалъ "А такъ какъ генералъ лейт. Тучковъ довѣренности на этотъ предметъ не давалъ, то . . ." Прошелъ годъ, снова полиція объявляетъ съ строжайшимъ подтвержденіемъ "Такъ какъ генералъ лейтенантъ—то . . ." и опять старикъ пишетъ свой отвѣтъ. Я не знаю чѣмъ это интересное дѣло кончилось, я оставилъ Россію не дождавшись рѣшенія.

Все это вовсе не исключеніе, а совершенно нормально. Кокошкинъ держитъ въ рукахъ бумагу въ достовѣрности которой не сомнѣвается, на которой стоитъ N° и число для легкой справки, въ которой написано что мнѣ разрѣшается

пріѣздъ въ Петербургъ, и говоритъ: "А такъ какъ вы пріѣхали безъ позволенія, то отправляйтесь назадъ" и бумагу кладетъ въ карманъ,

Чаадаевъ дѣйствительно правъ, говоря объ этихъ господахъ; "Какіе они всѣ шалупы!"

Я поѣхалъ въ III отдѣленіе и разсказалъ Дуббельту что было. Дуббельтъ расхохотался, "какъ это они вѣчно все перепутаютъ! Кокошкинъ доложилъ Графу что вы пріѣхали безъ позволенія, Графъ и сказалъ чтобъ васъ выслали, но я потомъ объяснилъ дѣло; вы можете жить сколько хотите, я сейчасъ велю написать въ полицію. Но теперь объ вашемъ дѣлѣ, Графъ не думаетъ чтобъ полезно было просить вамъ позволеніе ѣхать за границу. Государь вамъ два раза отказалъ, послѣдній разъ по просьбѣ гр. Строгонова; если онъ откажетъ въ третій разъ, то въ это царствованіе вы ужъ конечно не поѣдите къ водамъ".

— Что-же мнѣ дѣлать, спросилъ я съ ужасомъ, такъ мысль путешествія и воли обжилась въ моей груди.

— Отправляйтесь въ Москву; графъ напишетъ генералъ-губернатору частное письмо о томъ, что вы желаете для здоровья вашей супруги ѣхать за границу и спроситъ его, замѣтивъ, что знаетъ васъ съ самой лучшей стороны, думаетъ-ли онъ что можно съ васъ снять надзоръ? На такой вопросъ нечего отвѣчать, кромѣ "да". Мы представимъ государю о снятіи надзора, тогда берите себѣ паспортъ какъ всѣ другіе и съ богомъ къ какимъ хотите водамъ.

Мнѣ казалось все это чрезвычайно сложнымъ и даже просто уловкой чтобъ отдѣлаться отъ меня. Отказать мнѣ они не могли, это навлекло бы на нихъ гоненіе Ольги Александровны, у которой я бывалъ всякой день. Однажды уѣхавши изъ Петербурга я не могъ еще разъ пріѣхать; переписываться съ этими господами дѣло трудное. Долю моихъ сомнѣній я сообщилъ Дуббельту; онъ началъ хмуриться, т. е. еще больше улыбаться ртомъ и щурить глазами. Генералъ, сказалъ я въ заключеніе, не знаю, а мнѣ даже невѣрится, что до государя дошло представленіе Строгонова?

Дуббельтъ позвонилъ и велѣлъ подать "дѣло" обо мнѣ и

ожидая его, повидимому добродушно сказалъ мнѣ: графъ и я мы предлагаемъ вамъ тотъ путь для полученія паспорта, который мы считаемъ вѣрнѣйшимъ; ежели у васъ есть средства болѣе вѣрныя, употребите ихъ, вы можете быть увѣрены что мы вамъ не помѣшаемъ . . .

—Леонтій Васильевичъ совершенно правъ, замѣтилъ какой-то гробовой голосъ, я обернулся, возлѣ меня стоялъ еще болѣе сѣдой и состарившійся Сахтынскій, который принималъ меня пять лѣтъ тому назадъ въ томъ-же III отдѣленіи. "Я вамъ совѣтую руководствоваться его мнѣніемъ, если хотите ѣхать". Я поблагодарилъ его.

— А вотъ и дѣло, сказалъ Дуббельтъ, принимая толстую тетрадь изъ рукъ чиновника (чтобы я далъ прочесть ее всю! Въ 1850 г. я видѣлъ въ кабинетѣ Карлье мой "досье" въ Парижѣ, интересно было бы сличить), порывшись въ ней, онъ мнѣ ее подалъ раскрытую, это была докладная записка Бенкендорфа въ слѣдствіе письма Строгонова, просившаго мнѣ разрѣшеніе ѣхать на шесть мѣсяцевъ къ водамъ въ Германію. На полѣ было крупно написано карандашомъ "рано", по карандашу было проведено лакомъ, внизу написано было перомъ "рукою е. и. в. написано "рано"—Графъ А. Бенкендорфъ".

— Вѣрите теперь? спросилъ Дуббельтъ.

— Вѣрю, отвѣчалъ я, и такъ вѣрю вашимъ словамъ что завтра-же ѣду въ Москву.

— Да вы пожалуй погуляйте у насъ, полиція теперь васъ безпокоить не будетъ, а передъ отъѣздомъ заѣзжайте, я велю вамъ показать письмо къ Щербатову. Прощайте, bon voyage, если не увидимся.

— Счастливаго пути, прибавилъ Сахтынскій.

Мы разстались, какъ видите, пріятельски.

Пріѣхавъ домой я нашелъ приглашеніе отъ частнаго пристава, кажется II Адмиралтейской части. Онъ меня спрашивалъ когда я выѣзжаю.

— Завтра вечеромъ.

— Помилуйте, да кажется, я думалъ . . . генералъ говорилъ сегодняшняго числа. Его превосходительство конечно отсрочитъ, но позвольте быть удостовѣрену?

— Можете, можете, кстати дайте мнѣ билетъ.

— Я его напишу въ Части и пришлю часа черезъ два. Въ какомъ заведеніи изволите ѣхать?

— Въ Серапинскомъ, если найду мѣсто.

— И прекрасно, а въ случаѣ если мѣста не найдете благоволите сообщить.

— Съ удовольствіемъ.

Вечеромъ опять явился квартальный, частный приставъ велѣлъ мнѣ сказать, что не можетъ выдать мнѣ билета, а чтобъ я пришелъ завтра въ восемъ часовъ утра къ оберъ-полицмейстеру.

Что за пропасть такая и что за скука! Въ 8 часовъ я не пошелъ, а въ продолженіи утра явился въ канцелярію. Частный приставъ былъ тамъ и сказалъ мнѣ: "Вамъ нельзя ѣхать, есть бумага изъ III отдѣленія".—Что случилось?—"Не знаю, Генералъ не велѣлъ выдавать билета".—Правитель дѣлъ знаетъ?—"Какъ не знать", и онъ мнѣ указалъ полковника въ мундирѣ и саблѣ сидѣвшаго за большимъ столомъ въ другой комнатѣ, я спросилъ его въ чемъ дѣло. "Точно-съ, сказалъ онъ, была бумага, да вотъ она", онъ прочиталъ ее и подалъ мнѣ. Дуббельтъ писалъ, что я имѣлъ полное право пріѣхать въ Петербургъ и могу остаться сколько хочу.

— По этому-то вы меня не пускаете? Извините, я не могу удержаться отъ смѣха; вчера оберъ-полицмейстеръ гналъ меня отсюда противъ моей воли, сегодня противъ моей воли оставляетъ и все это на томъ основаніи, что въ бумагѣ сказано, что я могу оставаться сколько хочу.

Дѣло было такъ очевидно, что самъ полковникъ-секретарь расхохотался.

— На что-же я брошу деньги за два мѣста въ дилижансѣ, велите пожалуста написать билетъ.

— Я не могу, а пойду доложить Генералу. Кокошкинъ велѣлъ написать билетъ и проходя по канцеляріи съ упрекомъ сказалъ мнѣ: "На что это похоже, то хотите остаться, то ѣдите, вѣдь сказано, что можете остаться".

Я ему ничего не отвѣчалъ.

Когда вечеромъ мы выѣхали изъ-за заставы и я снова уви-

дѣлъ безконечную поляну, тянувшуюся къ Четыремъ Рукамъ, я посмотрѣлъ на небо и искренно присягнулъ себя не возвращаться въ этотъ городъ самовластья, голубыхъ, зеленыхъ и пестрыхъ полицій, канцелярскаго безпорядка, лакейской дерзости, жандармской поэзіи, въ которомъ учтивъ одинъ Дубельтъ, да и тотъ начальникъ III отдѣленія.

Щербатовъ неохотно отвѣчалъ Орлову. У него тогда былъ секретаремъ не полковникъ, а піэтистъ, ненавидившій меня за мои статьи какъ "аѳея и Гегеліанца". Я самъ ѣздилъ толковать съ нимъ. Схи-секретарь елейнымъ голосомъ и съ христіанскимъ помазаніемъ говорилъ, что генералъ-губернатору ничего не извѣстно обо мнѣ, что онъ въ моихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ не сомнѣвается, но что слѣдуетъ забрать справки у оберъ-полицмейстера. Онъ хотѣлъ затянуть дѣло; къ тому-же этотъ господинъ не бралъ взятокъ. Въ русской службѣ всего страшнѣе безкорыстные люди; взятокъ у насъ наивно не беруть только Нѣмцы, а если Русской не беретъ деньгами, то беретъ чѣмъ-нибудь другимъ и ужѣ такой злодѣй что не приведи богъ. По счастью оберъ-полицмейстеръ Лужинъ одобрилъ меня.

Дней черезъ десять, возвращаясь домой я въ дверяхъ столкнулся съ жандармомъ. Появленіе полицейскаго въ Россіи, равняется черепицѣ упавшей на голову, и потому не безъ особенно непріятнаго чувства ждалъ я что онъ мнѣ скажетъ, онъ подалъ мнѣ пакетъ. Графъ Орловъ извѣщалъ о высочайшемъ повелѣніи снять надзоръ. Съ тѣмъ вмѣстѣ я получалъ п р а в о н а з а г р а н и ч н ы й пассъ.

Ну радуйтесь! Я отпущенъ!
Я отпущенъ въ страны чужія!
Да это полно-ли не сонъ?
Нѣтъ, завтражь кони почтовые
И я скачу vom Ort zu Ort,
Отдавши деньги за паспортъ,
Поѣду. Что то будетъ тамъ?..,
Не знаю! вѣрю! но темно
Грядущее передъ очами
Богъ вѣсть, что мнѣ сулитъ оно!
Стою со страхомъ предъ дверями
Европы. Сердце такъ полно
Надеждой, смутными мечтами,
Но я въ сомнѣніи другъ мой
Качаю грустно головой. (ЮМОРЪ Ч. II.)

МЕЖДУ ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТЬЮ

I

ПУТЬ.

Граница—Потерянный пассъ—Кенигсбергъ—Собственноручный носъ—Прусскій дилижансъ—Пріѣхали.

...Унтеръ-офицеръ отдалъ мнѣ пассы, небольшой старый солдатъ въ неуклюжемъ киверѣ покрытомъ клеенкой и съ ружьемъ неимовѣрной величины и тяжести поднялъ шлагбаумъ; уральскій казакъ съ узенькими глазками и широкими скулами державшій поводья своей небольшой лошаденки шершавой, разтрепаной и сплошь украшенной ледяными сосульками, подошелъ ко мнѣ "пожелать счастливаго пути"; грязной, худой и блѣдный жиденокъ ямщикъ, у котораго шея была обвернута раза четыре какими-то тряпками, взбирался на козлы.

—Прощайте! Прощайте! Говорилъ во первыхъ нашъ старый знакомецъ Карлъ Ивановичъ, проводившій насъ до Таурогена и кормилица Таты, красивая крестьянка, заливавшаяся слезами.

Жиденокъ тронулъ коней, возокъ двинулся, я смотрѣлъ назадъ шлагбаумъ опустился, вѣтеръ мелъ снѣгъ изъ Россіи на дорогу, поднимая какъ-то вкось хвостъ и гриву казацкой лошади.

Кормилица въ сарафанѣ и душегрейкѣ все еще смотрѣла намъ вслѣдъ и плакала; Зоненбергъ, этотъ обращикъ родительскаго дома, эта забавная фигура изъ дѣтскихъ лѣтъ, махалъ фуляромъ—кругомъ безконечная степь снѣгу.

Прощай Татьяна! Прощайте Карлъ Ивановичъ!

Вотъ столбъ и на немъ обсыпанный снѣгомъ одноглавый

и худой орелъ съ растопыренными крыльями ... и то хорошо, одной головой меньше.

Въ Лаутагенѣ прусскіе жандармы просили меня взойти въ кордегардію. Старый сержантъ взялъ пассы, надѣлъ очки и съ чрезвычайной отчетливостью сталъ вслухъ читать, все что непужно : Auf Befehl s. k. m. Nikolai des Ersten—Allen und jeden, deren daran gelegen &, &. Unterzeichner, Peroffski minister des Jnnern, Kammerherr, Senator und Ritter des orden St. Wladimir .... Jnhaber eines golden Degens mit der Jnschrift fur Tapferkeit.

Этотъ сержантъ любившій чтеніе, напоминастъ мнѣ, что разъ между Террачиной и Неаполемъ, подходитъ къ дилижансу карабинеръ и требуетъ, конечно четвертый разъ, наши виды. Я показалъ ему неаполитанскую визу, ему этого и полкарлина было мало, онъ понесъ пассы въ канцелярію и воротился минутъ черезъ двадцать съ требованіемъ, чтобъ я и мой товарищь шли къ бригадиру. Бригадиръ этотъ былъ старый и пьяный унтеръ-офицеръ, онъ довольно грубо спросилъ какъ наша фамилья, откуда?—"Да это все тутъ написано".—Нельзя прочесть. Мы догадались что грамота не была сильною стороной бригадира.—"По какому закону, сказалъ мой товарищь, мы обязаны вамъ читать наши пассы, мы обязаны ихъ имѣть и показывать, а не диктовать, мало-ли что я самъ продиктую". Accidenti! пробормоталъ старикъ,—Vaben, vaben! и отдалъ наши виды не записывая.

Ученый жандармъ въ Лаутагенѣ былъ не того разбора, прочитавъ три раза въ трехъ пассахъ всѣ ордена Перовскаго до пряжки за безпорочную службу, онъ спросилъ меня: "Вы то Euer Hochwollgeboren—кто такое?" Я вытаращилъ глаза, не понимая что онъ хочетъ отъ меня. "Fräulein Maria E., Fräulein Maria K., Frau L. всѣ женщины тутъ нѣтъ ни однаго мужескаго вида. Посмотрѣлъ я, дѣйствительно тутъ были только пассы моей матери и двухъ нашихъ знакомыхъ, ѣхавшихъ съ нами, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ!

— Меня безъ вида не пропустили бы въ Таурогенѣ?

— Bereits so, только что дальше-то ѣхать нельзя.

— Что-же мнѣ дѣлать?

— Вѣроятно вы забыли въ кордегардіи, я вамъ велю заложить санки, съѣздите сами, а ваши пока погрѣются у насъ— Heh! Kerl lass er mol den braunen anspane.

Я не могу безъ смѣха вспомнить этотъ глупый случай именно потому что я совершенно смутился отъ него. Потеря этого паспорта, о которомъ я нѣсколько лѣтъ мечталъ, о которомъ два года хлопоталъ, въ минуту переѣзда за границу поразила меня. Я былъ увѣренъ что я его положилъ въ карманъ —стало я его выронилъ, гдѣ-же искать? его занесло снѣгомъ; надобно просить новый, писать въ Ригу, можетъ ѣхать самому, а тутъ сдѣлаютъ докладъ, догадаются что я къ минеральнымъ водамъ ѣду въ Январѣ. Словомъ, я уже чувствовалъ себя въ Петербургѣ, образъ Кокошкина и Сахтынскаго, Дуббельта и Пиколая бродили въ головѣ, вотъ тебѣ и путешествіе, вотъ и Парижъ, свобода книгопечатанія, камеры и театры! Опять увижу я министерскихъ чиновниковъ, квартальныхъ и всякихъ другихъ надзирателей, городовыхъ въ страшно блестящими двумя пуговицами на спинѣ, которыми они кажется смотрятъ назадъ . . . и прежде всего увижу опять небольшаго сморщившагося солдата въ тяжеломъ киверѣ, на которомъ написано таинственное 4., обмерзлую казацкую лошадь . . . хоть бы кормилицу мнѣ застать еще въ "Таврогѣ", какъ она говорила.

Между-тѣмъ заложили большую, печальную и угловатую лошадь въ крошечные санки. Я сѣлъ съ почталіономъ въ военной шинели и ботфортахъ, почталіонъ класически хлопнулъ класическимъ бичемъ; какъ вдругъ ученый сержантъ выбѣжалъ въ сѣни въ однихъ панталонахъ и кричалъ Halt, Halt da ist der vermaledeite Pass и онъ его держалъ развернутымъ въ рукахъ.

Спазмотическій смѣхъ овладѣлъ мною,—Что-же вы это со мной дѣлаете, гдѣ вы нашли?

— Посмотрите, сказалъ онъ, вашъ русскій сержантъ положилъ листъ въ листъ, кто-же его тамъ зналъ, я не догадался повернуть листа . . .

А вѣдь прочиталъ три раза: Es ergehet deshalb an alle

hohe mächte, und an alle und jede welchen Standes und und welcher Wurde sie auch sein mögen . . .

. . . "Я пріѣхалъ въ Кенигсбергъ усталый отъ дороги, отъ заботъ, отъ многаго. Выспавшись въ пуховой пропасти, я на другой день пошелъ посмотрѣтъ городъ; на дворѣ былъ теплый зимній день"(*); потомъ хозяинъ гостинницы предложилъ проѣхаться въ саняхъ, лошади были съ бубенчиками и колокольчиками, съ страусовыми перьями на головѣ; и мы были веселы, тяжелая плита была снята съ груди, непріятное чувство страха, щемящее чувство подозрѣнія, отлетѣли. Въ окнѣ книжной лавки были выставлены каррикатуры на Николая, и тотчасъ бросился купить цѣлый запасъ. Вечеромъ я былъ въ небольшомъ грязномъ и плохомъ театрѣ, но и оттуда возвратился взволнованнымъ не актерами, а публикой, она состояла большей частью изъ работниковъ и молодыхъ людей; въ антръ-актахъ всѣ говорили громко и свободно, всѣ надѣвали шляпы (чрезвычайно важная вещь, столько-же сколько право бороду не брить и пр.). Эта развязность, этотъ элементъ болѣе ясный и живой, поражаетъ русскаго при переѣздѣ за границу. Петербургское правительство еще до того грубо и не обтерлось, до того только деспотизмъ, что любитъ наводить страхъ, хочетъ чтобъ передъ нимъ все дрожало, словомъ, хочетъ не только власти, но сценическую постановку ея. Идеалъ общественнаго порядка для петербургскихъ царей—передняя и казармы.

Когда мы поѣхали въ Берлинъ, я сѣлъ на дилижансъ, это и до сихъ поръ осталось мое любимое мѣсто для путешествія; возлѣ меня усѣлся какой-то закутанный господинъ, дѣло было вечеромъ, я не могъ его путемъ разглядѣть. Узнавъ что я Русскій, онъ началъ меня распрашивать о строгости полиціи, о паспортахъ; я разумѣется разсказалъ ему все что зналъ. Потомъ зашла рѣчь о Пруссіи, онъ восхвалялъ безкорыстіе прусскихъ чиновниковъ, превосходство администраціи, хвалилъ короля и въ заключеніе сильно напалъ на познанскихъ Поляковъ за то, что они не хорошіе Нѣмцы. Меня это удивило,

(*) Письма изъ Франціи и Италіи—Письмо I.

я ему прямо сказалъ, что совсѣмъ не раздѣляю его мнѣнія и потомъ замолчалъ.

Между-тѣмъ разсвѣло, тутъ только я замѣтилъ, что мой сосѣдъ консерваторъ, вовсе не отъ простуды говорилъ въ носъ, а оттого, что у него его не было, по-крайней-мѣрѣ недоставало самой видной части. Онъ вѣроятно замѣтилъ, что открытіе это не принесло мнѣ особеннаго удовольствія, и потому счелъ нужнымъ разсказать мнѣ въ родѣ извиненія, исторію о потери носа и о его возстановленіи. Первая часть была сбивчива, но вторая очень подробна, ему самъ Тифенбахъ вырѣзалъ изъ руки новый носъ, рука была привязана шесть недѣль къ лицу; "Majestät" самъ пріѣзжалъ въ больницу посмотрѣть и высочайше удивлялся,

Le roi de Prusse en le voyant
A dit c'est vraiment étonnant.

По видимому, Тифенбахъ былъ тогда занятъ чѣмъ-нибудь другимъ, носъ онъ ему вырѣзалъ прескверный. Но вскорѣ я открылъ что собственноручный носъ, былъ наименьшій изъ его недостатковъ.

Переѣздъ нашъ изъ Кенигсберга въ Берлинъ былъ труднѣе всего путешествія, У насъ взялось откуда-то повѣрье, что прусскія почты хорошо устроены это все вздоръ. Почтовая ѣзда только и была хороша во Франціи, въ Швейцаріи, да въ Англіи. Въ Англіи почтовыя кареты до того хорошо устроены, лошади такъ изящны и кучера такъ необычайно ловки, что можно ѣздить изъ удовольствія. Самыя длинныя станціи, отъ Рейда до Вентнора на пр, на островѣ Вайтѣ, карета несется во весь опоръ; горы, съѣзды—все равно. Теперь благодаря желѣзнымъ дорогамъ вопросъ этотъ становится историческимъ, но тогда мы испытали нѣмецкія почты съ ихъ клячами, которыхъ ничего нѣтъ хуже на свѣтѣ, развѣ одни нѣмецкіе почталіоны.

Дорога отъ Кенигсберга до Берлина очень длинна, мы взяли семь мѣстъ въ дилижансѣ и отправились. На первой станціи кондукторъ объявилъ чтобы мы брали наши пожитки и садились въ другой дилижансъ, благоразумно предупреждая, что

за цѣлость вещей онъ не отвѣчаетъ. Я ему замѣтилъ, что въ Кенигсбергѣ я спрашивалъ и мнѣ сказали что мѣста останутся; кондукторъ ссылался на снѣгъ и на необходимость взять дилижансъ на полозьяхъ, противъ этого нечего было сказать. Мы начали перегружаться съ дѣтьми и съ своими пожитками почью, въ мокромъ снѣгу. На слѣдующей станціи таже исторія и кондукторъ уже не давалъ себѣ труда объяснять перемѣну экипажа. Такъ мы проѣхали съ пелдороги, онъ объявилъ намъ тутъ очень просто, "что намъ дадутъ только пять мѣстъ". Какъ пять вотъ мой билетъ.—Мѣстъ больше нѣтъ.—Я сталъ спорить; вдругъ въ почтовомъ домѣ отворилось съ трескомъ окно и сѣдая голова съ усами грубо спрашивала о чемъ споръ. Кондукторъ сказалъ что я требую семь мѣстъ, а у него только пять; я прибавилъ что у меня билетъ и росписка въ полученіи денегъ за семь мѣстъ. Голова не обращаясь ко мнѣ, держимъ раздавленнымъ въ горлѣ голосомъ сказалъ кондуктору: "Ну не хочетъ этотъ Г. пяти мѣстъ, такъ бросай пожитки долой, пусть ждетъ когда будутъ семь пустыхъ мѣстъ". Послѣ этого почтенный почтмейстеръ, котораго кондукторъ называлъ Herr Major, и котораго фамилія была Шверинъ захлопнулъ окно. Обсудивъ дѣло, мы какъ русскіе, рѣшились ѣхать. Бенвенуто Челини, какъ Итальянецъ въ подобномъ случаѣ выстрѣлилъ изъ пистолета и убилъ почтмейстера.

Мой сосѣдъ исправленный Тифенбахомъ, въ это время былъ въ трахтирѣ; когда онъ вскарабкался на свое мѣсто и мы поѣхали, я разсказалъ ему исторію. Онъ былъ выпивши и слѣдственно въ благодушномъ расположеніи онъ принялъ глубочайшее участіе и спросилъ меня дать ему въ Берлинѣ записку. "Вы почтовый чиновникъ?" спросилъ я. "Нѣтъ, отвѣчалъ онъ еще больше въ носъ, но это все равно... я... видите ... какъ это здѣсь называется — служу въ центральной полиціи"!

И такъ первый человѣкъ съ которымъ я либеральничалъ въ Европѣ былъ шпіонъ, за то онъ не былъ послѣдній!

Берлинъ, Кельнъ, Бельгія все это быстро прорѣяло передъ

глазами, мы смотрѣли на все полуразсѣянно, мимоходомъ, мы торопились доѣхать и д о ѣ х а л и наконецъ.

Я отворилъ старинное, тяжелое окно въ Hôtel du Rhin передо мной стояла колона,

. . . съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ насмурнымъ челомъ
Съ руками сжатыми крестомъ.

И такъ я дѣйствительно въ Парижѣ, не во снѣ, а на яву; вѣдь это Вандомская колона и Rue de la Paix.

Въ Парижѣ!— едва-ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше нежели въ словѣ "Москва". Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства. Дайте-же взглянуть на Hôtel de Ville, на Café Foi въ Пале Ройялѣ, гдѣ Камиль Демуленъ сорвалъ зеленый листъ и прикрѣпилъ его къ шляпѣ вмѣсто кокарды съ крикомъ à la Bastille!

Дома я не могъ остаться, я одѣлся и пошелъ бродить зря.. искать Бакунина—вотъ Rue St.-Honoré, Елисейскія поля— всѣ эти имена сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ . . .

Я былъ внѣ себя отъ радости!

На ней здѣсь я и остановлюсь.

Парижъ еще разъ описывать не стану. Начальное знакомство съ европейской жизнію, торжественная прогулка по Италіи, вспрянувшей ото сна, революція у подножія Везувія, революція передъ церковью С. Петра и наконецъ громовая вѣсть о 24 Февралѣ—все это разказано въ моихъ письмахъ "Изъ Франціи и Италіи". Мнѣ не передать теперь съ прежней живостью, впечатлѣнія полустертыя и задвинутыя другими. Они составляютъ необходимую часть моихъ "Записокъ", — что-же вообще письма, какъ не "записки" о короткомъ времени.

II.

МЕДОВЫЙ МѢСЯЦЪ РЕСПУБЛИКИ

1848.

Англичанинъ въ мѣховой курткѣ—Герцогъ де Нсаль—Свобода и ея бюстъ въ Марселѣ—Аббатъ Сибуръ и всемірная республика въ Авиньонѣ.

.....“Завтра мы ѣдимъ въ Парижъ, я оставляю Римъ оживленнымъ, взволнованнымъ. Что то будетъ изъ всего? Прочно-ли все это? Небо не безъ тучь временами вѣетъ холодный вѣтеръ изъ могильныхъ склеповъ, нанося запахъ трупа, запахъ прошедшаго; историческая трамонтана сильна, —но чтобъ ни было, благодарность Риму за пять мѣсяцевъ, которые я въ немъ провелъ. Что прочувствовано, то останется въ душѣ и совершенно всего не сдуетъ-же реакція”.

Вотъ что я писалъ въ концѣ Апрѣля 1848 г. сидя у окна на Via del Corso и глядя на “Народную” площадь, на которой я такъ много видѣлъ и такъ много чувствовалъ.

Я ѣхалъ изъ Италіи влюбленный въ нее, мнѣ жаль ее было, тамъ встрѣтилъ я не только великія событія, но первыхъ симпатическихъ мнѣ людей — а всё-таки ѣхалъ. Мнѣ казалось измѣной всѣмъ моимъ убѣжденіямъ не быть въ Парижѣ когда въ немъ республика. Сомнѣнія видны въ приведенныхъ строкахъ, но вѣра брала верхъ и я съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ Чивитѣ на печать консульской визы, на которой были вырѣзаны грозныя слова République Française;—я и не подумалъ, что именно потому Франція и не республика; что надобно визу!

Мы ѣхали на почтовомъ пароходѣ. Общество было довольно большое и, какъ всегда, разнообразно составленное; тутъ были путешественники изъ Александріи, изъ Смирны, Мальты. Съ Ливорно начался поднялся страшный весенній вѣтеръ, онъ гналъ пароходъ съ неимовѣрной быстротою и съ невыносимой качкой; черезъ два-три часа палуба покрылась больными дамами, мало по малу слегли и мущины, исключая одного сѣдаго старичка Француза, Англичанина въ мѣховой куртке и въ мѣховой шапкѣ изъ Канады, и меня. Каюты были тоже наполнены больными и одной духоты и жара въ нихъ было достаточно чтобъ заболѣть; мы трое почью, сидѣли посерединѣ палубы на чемоданахъ, покрывшись шинелями и рейлверагами, ходъ завываніе вѣтра и плескъ волнъ, заливавшихъ иногда переднюю часть палубы. Англичанина я зналъ въ прошедшемъ году мы пріѣхали съ нимъ на одномъ пароходѣ изъ Генуи въ Чивиту-Веккію. Случилось, что мы обѣдали только двое; онъ весь обѣдъ ничего неговорилъ, но за десертомъ смягченный марсалой и видя что и я съ своей стороны не намѣренъ вступать въ рѣчь, онъ подалъ мнѣ сигару и сказалъ "что сигары свои онъ изъ Гаваны самъ привезъ". Потомъ мы разговорились съ нимъ, онъ былъ въ южной Америкѣ, въ Калифорніи и говорилъ что много разъ собирался съѣздить въ Петербургъ и въ Москву, но не поѣдитъ пока не будетъ правильнаго сообщенія и прямаго, между Лондономъ и Петербургомъ.

—Вы въ Римъ? спросилъ я его, подъѣзжая къ Чивитѣ.

—Не знаю, отвѣчалъ онъ.

Я замолчалъ, полагая, что онъ принялъ мой вопросъ за нескромный, но онъ тотчасъ добавилъ:

—Это зависитъ отъ того, какъ климатъ мнѣ понравится въ Чивитѣ.

—Вы остаетесь въ Чивитѣ?

—Да;—Пароходъ пойдетъ завтра.

Я тогда очень мало былъ въ сношеніяхъ съ Англичанами и потому едва могъ скрыть смѣхъ, и совсѣмъ не могъ, когда на другой день гуляя передъ отелемъ, встрѣтилъ его въ той-же

мѣховой курткѣ, съ портфелью, зрительной трубкой, маленькимъ несессерчикомъ, шествующаго передъ слугой навьюченнымъ чемоданомъ и всякимъ добромъ.

— Я въ Неаполь, сказалъ онъ поровнявшись.

— Что-же климатъ, не поправился?

— Скверный.

Я забылъ сказать, что въ первый проѣздъ, онъ легъ въ каютѣ на койку, которая была непосредственно надъ моей; въ продолженіи ночи онъ раза три чуть не убилъ меня, то страхомъ, то ногами; въ каютѣ была смертная жара, онъ нѣсколько разъ ходилъ пить копьякъ съ водой и всякій разъ сходя или входя наступалъ на меня и громко кричалъ испугавшись, "Oh—beg pardon—j' ai avais soive".—"Pas de mal".

Съ нимъ стало въ этотъ путь мы встрѣтились какъ старые знакомые, онъ съ величайшей похвалой отнесся о томъ, что я не подверженъ морской болѣзни—и подалъ свои гаванскія сигары. Чрезвычайно естественно, что черезъ минуту разговоръ зашелъ о февральской революціи. Англичанинъ разумѣется смотрѣлъ на революцію въ Европѣ, какъ на интересное зрѣлище, какъ на источникъ новыхъ и любопытныхъ наблюденій и ощущеній и разсказывалъ о революціи въ новоколумбійской республикѣ.

Французъ принималъ иное участіе въ этихъ дѣлахъ ... съ нимъ черезъ пять минутъ у меня завязался споръ, онъ отвѣчалъ уклончиво, умно, не уступая впрочемъ ничего и съ чрезвычайной учтивостью. Я защищалъ республику и революцію. Старикъ не нападая прямо на нее, стоялъ за историческія формы, какъ единственно прочныя, народныя и способныя удовлетворить и справедливому прогрессу и необходимой осѣдлости.

— Вы не можете себѣ представить, сказалъ я ему шутя, какое оригинальное наслажденіе вы доставляете мнѣ вашими недомолвками. Я лѣтъ пятнадцать говорилъ такъ о монархіи, какъ вы говорите о республикѣ. Роли перемѣнились, я защищая республику—консерваторъ, а вы защищая легитимистскую монархію—perturbateur de l'ordre public.

Старикъ и Англичанинъ расхохотались. Къ намъ подошелъ еще одинъ тощій высокій господинъ, котораго носъ обезсмертили шаривари Филипон' — графъ д'Аргу. (Шаривари говорилъ, что его дочь потому невыходитъ замужъ, чтобъ не подписываться такая-то née d'Argout), онъ вступилъ въ разговоръ, съ уваженіемъ обращался со старикомъ, но на меня смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ близкимъ къ отвращенію; я замѣтилъ это и сталъ говорить на четыре градуса краснѣе.

— Это презамѣчательная вещь, сказалъ мнѣ сѣдой старикъ, вы не первый Русскій, котораго я встрѣчаю съ такимъ образомъ мыслей, Вы Русскіе или совершеннѣйшіе рабы царскіе или—passez moi le mot—анархисты. А изъ этого слѣдствіе то, что вы еще долго не будете свободными... Въ этомъ родѣ продолжался нашъ политическій разговоръ,

Когда мы подъѣзжали къ Марселю и всѣ стали суетиться о пожиткахъ, я подошелъ къ старику и подавая ему свою карточку, сказалъ, что мнѣ пріятно думать, что споръ нашъ подъ морскую качку, не оставилъ непріятныхъ слѣдовъ. Старикъ очень мило простился со мной, поострилъ еще что-то на счетъ республиканцевъ, которыхъ я наконецъ увижу поближе и подалъ мнѣ свою карточку — это былъ герцогъ де Ноаль— родственникъ Бурбоновъ, и одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ Генриха V.

Случай этотъ, весьма неважный, я разсказалъ для пользы и поученія нашихъ герцоговъ первыхъ-трехъ классовъ. Будь на мѣстѣ Ноалья какой-нибудь сенаторъ или тайный совѣтникъ, онъ просто принялъ бы мои слова за дерзость по службѣ, онъ послалъ бы за капитаномъ корабля.

Одинъ русскій министръ въ 1850 г. съ своей семьей сидѣлъ въ каретѣ на параходѣ, чтобъ не быть въ соприкосновеніи съ пасажирами изъ обыкновенныхъ смертныхъ. Можете-ли вы что-нибудь себѣ представить смѣшнѣе, какъ сидѣть въ отложеной каретѣ . . . да еще на морѣ, да еще имѣя двойной рость?

Надменность нашихъ сановниковъ происходитъ вовсе не изъ аристократизма, барство выводится; это чувство ливрейныхъ, пудреныхъ слугъ въ большихъ домахъ, чрезвычайно

подлыхъ въ одну сторону, чрезвычайно дерзкихъ въ другую. Аристократъ лицо, а наши—вѣрные слуги престола, вовсе не имѣютъ личности, они похожи на эти павловскіе медали съ надписью "не намъ, не намъ, а имени твоему"; къ этому ведетъ всё воспитаніе; солдатъ думаетъ что его только потому нельзя бить палками, что у него анненскій крестъ, станціонный смотритель ставитъ между ладонью путешественника и своей щекой офицерское званіе. Обиженный чиновникъ указываетъ Станислава или Владиміра "не собой, не собой . . . а чиномъ своимъ!"

Служба сводитъ у насъ съума и съ сердца!

Выходя изъ парохода въ Марселѣ, я встрѣтилъ большую процессію національной гвардіи, которая несла въ hôtel de ville бюстъ свободы, т. е. женщину съ огромными кудрями въ фригійской шапкѣ. Съ крикомъ vive la République, шли тысячи вооруженныхъ гражданъ и въ томъ числѣ работники въ блузахъ, взошедшіе въ составъ національной гвардіи послѣ 24 Февраля. Разумѣется, что и я пошелъ за ними. Когда процессія пришла къ hôtel de ville, генералъ, меръ и комисаръ временнаго правительства Оливье Демостенъ вышли въ сѣни. Демостенъ, какъ слѣдовало ожидать по его имени, приготовился произнести рѣчь. Около него сдѣлали большой кругъ, толпа разумѣется двигалась впередъ, національная гвардія ее осаживала назадъ, толпа не слушалась, это оскорбило вооруженныхъ блузниковъ, они опустили ружья и повернувшись стали давить прикладами носки людей стоящихъ впереди; граждане единой и нераздѣльной республики попятились . . . . .

Дѣло это тѣмъ больше удивило меня, что я еще весь былъ подъ вліяніемъ итальянскихъ и въ особенности римскихъ нравовъ, гдѣ гордое чувство личнаго достоинства и тѣлесной неприкосновенности развито въ каждомъ человѣкѣ, не только въ Факино, въ почтальонѣ, но и въ нищемъ, который протягиваетъ руку. Въ Романьи на эту дерзость отвѣчали бы двадцатью "колтелатами". Фрянцузы попятились, можетъ у нихъ были мозоли!

Случай этотъ непріятно подѣйствовалъ на меня, къ тому-же пришедши въ hôtel я прочелъ въ газетахъ руанскую исторію; что-же это значитъ, неужели герцогъ Ноаль правъ?

Но когда человѣкъ хочетъ вѣрить, его вѣру трудно искоренить и не доѣзжая до Авиньона я забылъ марсельскія приклады и руанскіе штыки.

Въ дилижансѣ съ нами сѣлъ дородный, осанистый аббатъ среднихъ лѣтъ и пріятной наружности. Сначала онъ ради приличія принялся за молитвенникъ, но вскорѣ чтобъ не дремать, онъ положилъ его въ карманъ и началъ мило и умно разговоривать съ класической правильностью языка Пор-ройяля и Сорбоны, съ цитатами и цѣломудренными остротами.

Дѣйствительно одни Французы умѣютъ разговаривать. Нѣмцы признаются въ любви, повѣряютъ тайны, поучаютъ или ругаются. Въ Англіи оттого и любятъ рауты, что тутъ не до разговора...толпа, нѣтъ мѣста, всѣ толкутся и толкаются, никто никого не знаетъ; если-же соберется маленькое общество, сейчасъ скверная музыка, фальшивое пѣпье, скучныя маленькія игры, или гости и хозяева съ необычайной тягостью волочатъ разговоръ, остановливаясь, задыхаясь и напоминая несчастныхъ лошадей, которыя выбившись изъ силъ, тянутъ по бичевнику нагруженную барку противъ теченія.

Мнѣ хотѣлось подразнить аббата республикой и не удалось. Онъ былъ доволенъ свободой безъ излишествъ, главное безъ крови и войны, считалъ Ламартина великимъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ Перикла.

— И Сафо, добавилъ я, не вступая впрочемъ въ споръ, благодарный за то, что онъ не говорилъ ни слова о религіи. Такъ болтая, доѣхали мы до Авиньона часовъ въ 11 вечера.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я аббату, наливая ему за ужиномъ вино, предложить довольно рѣдкій тостъ: За Республику et pour les hommes de l'église qui sont républicains. Аббатъ всталъ и заключилъ нѣсколько цицероновскихъ фразъ словами: à la République future en Russie. "A la République universelle!" закричалъ кондукторъ дилижанса, и человѣка три, сидѣвшихъ за столомъ.—Мы чокнулись.

Католическій попъ, два-три сидѣльца, кондукторъ и Русскіе —какъ-же не всеобщая Республика!

А вѣдь весело было!

— Куда вы? спросилъ я аббага, усаживаясь снова въ дилижансъ и попросивъ его пастырскаго благославенія на куреніе сигары.

—Въ Парижъ, отвѣчалъ онъ, я избранъ въ Національное собраніе; я буду очень радъ васъ видѣть у себя — вотъ мой адресъ. Это былъ Аббатъ Сибуръ, Doyen чего-то, братъ теперишняго Парижскаго Архіерея.

. . . Черезъ двѣ недѣли наступало 15 мая, этотъ грозный ритурнель, за которымъ шли страшные Іюньскіе дни. Тутъ все принадлежитъ не моей біографіи, — а біографіи рода человѣческаго . . .

Объ этихъ дняхъ я много писалъ.

Я могъ бы тутъ кончить какъ тотъ старый капитанъ въ старой пѣснѣ,

Te souviens-tu—mais ici je m'arrête,
Ici finit tout noble souvenir.

Но съ этихъ-то "проклятыхъ" дней и начинается послѣдняя часть моей жизни.

IV.

КНИГИ.

RENAISSANCE par J. MICHELET. (Paris 1855.)

Наше время чрезвычайно бѣдно хорошими книгами; даже Германія, которой единственная дѣятельность состояла въ высказываніи теоретическаго сознанія людей умолкла. Одни естествоиспытатели говорятъ въ ней, да и тѣ договорились до предметовъ, до которыхъ обѣ владычествующія инквизиціи, духовная и свѣтская, не дозволяютъ касаться (*). Послѣднее слово Молешотова Kreislauf des Lebens —Соціализмъ; послѣднее слово Фогтовой физіологіи—отрицаніе души.

"Наполеоновская цензура, сказалъ мнѣ разъ Томасъ Карлейль, пришла ко времени; она только остановила болтовню, Франціи нечего было сказать; еслибъ у нея дѣйстительно лежало что-нибудь на душѣ, то она высказалась бы послѣ февральской революціи". Одна изъ Франціи кажется выговорилась въ самомъ дѣлѣ, выдохлась и ей нечего сказать; она только риторически развиваетъ старое, но тѣмъ не менѣ Карлейль неправъ. Онъ забылъ, что именно послѣ 1848 г. Прудонъ печаталъ свои громовыя статьи и свои геніальныя книги, въ которыхъ больше и больше обозначается цѣлое соціальное

(*) Свобода преподаванія, теоретическаго обсуживанія такъ, какъ она существовала послѣ 1830 года въ Германіи — все это сдѣлалось мнѣомъ. Довольно сказать, что въ Пруссіи, Баваріи и Гессенѣ въ школахъ запрещено ученикамъ давать Шиллера и Гете... Въ то-же время во Франціи запрещаютъ въ училищахъ не только чтеніе Древнихъ писателей и энциклопедистовъ, но Фенелона! Мы думаемъ что до извѣстной степени мысль можно задержать насиліемъ. Развѣ Папство во время реформаціи не выжгло образованіе въ Италіи?

міросозерцаніе, начинающее новую революціонную эпоху. Неужели ему нечего сказать? Мы думаемъ очень много; насиліе, просто на просто, отрѣзало ему рѣчь.

Передъ нами лежитъ новое доказательство какъ мало изсякла французская мысль и какъ напротивъ она работаетъ совершенно въ новомъ смыслѣ. Знаменитый историкъ Мишле, изгнанный Людовикомъ Филиппомъ изъ аудиторіи, потомъ Бонапартомъ изъ Collège de France, противузаконно лишенный мѣста и окладовъ, удалился года на два въ Нантъ. Возвратившись въ Парижъ, онъ издалъ подъ заглавіемъ "Возрожденіе" очеркъ исторіи XVII столѣтія, одно изъ самыхъ поэтическихъ и глубокомысленныхъ историческихъ сочиненій когда либо вышедшихъ во Франціи. Это поэма, картина, философія эпохи, простой разсказъ и вмѣстѣ огненная полемика и страшный ударъ католицизму.

Гонимый, въ борьбѣ съ нуждой, безъ каѳедры, съ которой онъ привыкъ потрясать сердца юношей, облегчая свое собственное—старикъ не сломился, а поюнѣлъ, сосредоточился, обновился, его мысль глубже проникла въ былое нежели прежде, онъ отбросилъ свою національную точку зрѣнія, что для Француза чрезвычайно важно. Отрава настоящаго насторожила его и озлобила, оттого-то его строки такъ страстно горячи, за ними виднѣются молніи гнѣва, гнѣва львинаго, лютеровскаго. Гнѣвъ сильнаго только и бываетъ великъ и изященъ.

Я помню старца Ламене послѣ Іюньскихъ дней, проклинавшаго въ глаза побѣдителей, на которыхъ еще не обсохла кровь? Это былъ Даніилъ, Іеремія, тутъ я оцѣнилъ поэзію гнѣва!

Но смыслъ книги Мишле, не только страстный и полемическій; былое для него не одинъ предлогъ чтобъ говорить о настоящемъ, тогда бы его разсказъ не былъ ни такъ пластически вѣренъ, ни такъ богатъ живыми подробностями и оттѣнками, они только не ускользаютъ отъ глубокаго изученія, отъ изученія полнаго любви къ предмету.

Послѣ удивительныхъ страницъ А. Тьери въ его "Меро-

вингскихъ разсказахъ", послѣ нѣсколькихъ картинъ поразительной художественности въ "Исторіи французской революціи" Карлейля, намъ не случилось читать ничего подобнаго "Возрожденію" Мишле. Эта книга далеко оставляетъ за собой все писанное имъ прежде и это оттого, что онъ самъ сдѣлалъ необычайный шагъ впередъ. Онъ и Кине давно поссорились съ католицизмомъ, но христіанская борьба противъ Папы и Іезуитовъ, всегда будетъ не дальше какого-нибудь протестантизма. А съ протестантской точки зрѣнія католицизмъ побѣдить нельзя, логика безумія съ его стороны. Надобно было выйти не только изъ церкви, но съ церковнаго погоста, надобно было разъ на всегда и окончательно разстаться съ христіанствомъ какъ съ положительной религіей. Вотъ этотъ-то шагъ и сдѣлалъ Мишле и сдѣлалъ съ той-же силой и послѣдовательностью какъ Фейербахъ, но совершенно инымъ путемъ. И вотъ причина почему его "Введеніе" наноситъ тажелый ударъ не только католицизму и церковному христіанству, но и тому блѣдному порожденію религіи и науки, тому лунному христіанству, той философской безтѣлесности и романтической постности, которую называютъ идеализмомъ.

Надобно знать робость Французовъ за извѣстными предѣлами скептицизма и отрицанія, чтобъ оцѣнить нравственную сторону подвига Мишле. Французы въ этомъ отношеніи имѣютъ нѣкоторое сходство съ петербургской цензурой. Губернскихъ чиновниковъ и вообще чиновниковъ отъ статскаго совѣтника внизъ она позволяетъ бранить, дѣлать смѣшными, но до первыхъ трехъ классовъ не касаться. Когда я былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ "Voix du Peuple", Прудонъ разъ мнѣ писалъ: "Вы не знаете нашей публики, съ вашей verve barbare и откровенностью выраженій, вы разгоните читателей, вы ихъ испугаете". Съ какимъ воплемъ негодованія принимались его собственные статьи и какой гигантской талантъ надобно было имѣть, чтобъ выдержать напоръ со всѣхъ сторонъ. Е. Жирарденъ какъ-то въ Прессѣ коснулся мысли, что "право имѣетъ только историческія опредѣленія и слѣдственно мѣняется во времени". Какъ, закричали со всѣхъ сторонъ

право не вѣчно, право не безусловно? . . . это разбой, это проповѣдь безнравственности и полемика длилась мѣсяцы.

Въ романахъ и повѣстяхъ — точно въ уголовной палатѣ виновнаго наказываютъ, правый торжествуетъ, иначе романъ оскорбляетъ моральное чувство. Ж. Сандъ, недавно отбросила эту ложную прозаическую привычку примирять судейски. Ея превосходная сказка "Грибуль" оканчивается тѣмъ, что Грибуль гибнетъ въ огнѣ и никто его не спасаетъ для того, чтобъ ему датъ медаль "за преданность".

Посудите-же какое негодованіе должна вызвать книга заслуженаго профессора, одного изъ знаменитѣйшихъ историковъ и литераторовъ Франціи, въ которой онъ бросаетъ христіанство за бортъ, чтобъ вольнѣе плыть по океану жизни и вѣдѣнія.

Второй подвигъ Мишле, почти еще труднѣе для Француза; онъ въ исторіи XVII столѣтія отрѣшается отъ французски-національной точки зрѣнія, отъ этой добродушной увѣренности въ превосходствѣ Французовъ надъ другими народами. Онъ представилъ встрѣчу Италіи съ Франціей, какъ поэтическій зритель принимающій живое участіе въ обоихъ, какъ зритель французскій по генію, по натурѣ самому свойству своего таланта, но безъ патріотической задней мысли. Это несравненно больше, нежели слова негодованія противъ Франціи, которые на пр. являются часто въ прекрасной книгѣ Кине объ Италіи, и въ которыхъ просвѣчиваетъ таже исключительно національная мысль въ обратномъ положеніи.

Французы и этимъ будутъ недовольны. Они много говорятъ о круговой порукѣ народовъ, о ихъ братствѣ, но это дѣлается на основаніи снисхожденія. Они готовы считать другихъ равными, если только другіе ихъ будутъ считать первыми. Въ томъ родѣ, какъ Англичане готовы допустить чтобъ вы были атеисты, но желаютъ въ такомъ случаѣ чтобъ вы принадлежали къ атеистичиской церкви.

На сколько эти остановившіяся понятія, эти національные предразсудки мѣшаютъ развитію и революціи, лучше всего показываетъ шовинизмъ Французовъ, на которомъ Наполеонъ I создалъ имперію, а Наполеонъ III поддерживаетъ свой хилой тронъ.

Тѣмъ важнѣе заслуга людей освобождающихся отъ путъ, которыя они сами носили. Замѣтимъ мимоходомъ, что эпоха изгнаній, начавшаяся въ 1848 г. для Французовъ, имѣетъ огромное значеніе. Французы мало ѣздили по другимъ странамъ, еще меньше жили въ нихъ и не были почти ни въ какихъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ людьми другихъ странъ. Наполеонъ разбросалъ живыхъ Французовъ по всему міру, такъ какъ его дядя усѣялъ мертвыми всѣ поля Европы. Въ бѣдныхъ переулкахъ Лейстеръ Сквера и Соо, въ убогихъ питейныхъ домахъ и небольшихъ клубахъ въ Лондонѣ, совершается великая вещь, незамѣтная какъ все настоящее, но которой слѣдствіе уже теперь обнаруживается. Безпрерывное общеніе французскихъ изгнанниковъ съ изгнанниками разныхъ странъ и съ англійскими работниками, сильно отразилось на образѣ мыслей излѣчимыхъ. Это предметъ до такой степени важный и полный будущаго, что мы ему посвятимъ особую статью.

—Чтобъ ознакомить, нашихъ читателей съ книгой Мишле, мы постараемся, какъ можно ближе къ слогу писателя передать нѣсколько отрывковъ.

Схоластическая наука, искажая мышленіе и пріучая его къ выводамъ чисто формальнымъ, произвела по мнѣнію Мишле, цѣлый народъ дураковъ, людей которые были глубокомысленно глупы, которые ученьемъ не имѣвшемъ въ себѣ ничего реальнаго, притупили свои способности, забили ихъ. Приготовивши такъ людской мозгъ съ одной стороны, и съ другой трудную и сложную науку безъ содержанія, почтенные богословы дали людямъ волю заниматься . . .

"Запретить философію, разсужденіе, значило бы ихъ поощрить; гораздо лучше было втѣснить философію въ небольшой законный кругъ, гдѣ бы она могла, не двигаясь впередъ, вертеться по немногу въ вѣчномъ круговоротѣ. Позволить до извѣстной степени разсуждать, разрѣшить отвлеченному разуму бороться только съ отвлеченнымъ разумомъ ; это была превосходная прививная оспа, предохранявшая людей отъ опасной болѣзни здраваго смысла.

"За утратой дѣйствительнаго мышленія, которое было гонимо, оставалось еще созерцаніе, и умъ лишенный права

ходить, принялся летать. Но мистики, которыми Папа подавилъ Абеларда, въ душевной простотѣ своей пророчили ему приближеніе царства Духа, новую церковь безъ папы, церковь любви, свободы, свѣта. Такое направленіе было не меньше опасно всякихъ разсужденій, остановить его было труднѣе. Если церковь не будетъ поддерживать мистицизма, она подойдетъ подъ обыкновенные законы, сдѣлается судомъ, церковь юридическая и разсуждающая—не церковь, дѣйствіе безъ причины—ничего.

"Какъ послѣ Абеларда терпѣли людей полу-разсуждающихъ, которымъ позволяли немножко думать, такъ теперь допустили полу-мистиковъ, которымъ дозволили немножко бредить, восторгаться до извѣстной степени, быть безумными, но съ руководствомъ. Это второе сословіе дураковъ.

"Они были удивительны. Первые шли неловко и тяжело, съ путами на ногахъ, печальные четвероногіе, они всё-таки могли кой-какъ двигаться. Благоразумные мистики напротивъ имѣли небольшія, подвязанныя крылья, хлопали ими, усиливались летѣть, поднимались на аршинъ отъ земли и падали зря съ завязанными глазами, спокойно принимаясь высиживать своихъ детенышей на заднемъ дворѣ православія и на родныхъ навозныхъ кучахъ,

". . . Кажется довольно ловко законопачены и засмолены были всѣ отверстія, черезъ которыя могъ бы пройти свѣтъ. Вмѣсто слѣпыхъ, которые бы страстно желали видѣть, людей сдѣлали близорукими, ночными птицами, которые вовсе не любятъ смотрѣть и смѣло говорили имъ: "Глядите, вѣдь у васъ есть глаза".

"Обѣ мощи были равно подавлены—умъ и безуміе, логика и пророчество, такъ что мысль человѣческая, которой былъ запрещенъ ея естественный путь, не имѣла даже возможности тѣхъ геніальныхъ безумій, которыми она иногда однимъ скачкомъ достигаетъ запрещеннаго. Между уничтоженнымъ хожденіемъ и летаніемъ оставалось ползаніе, его то и поощряли, предлагая награды улиткамъ и куколкамъ, кто кого обгонитъ.

"Но умъ человѣческій имѣетъ такую искаженную природу

и такое несокрушимое начало непокорности, что нашелъ себѣ путь; не имѣя возможности знать міръ духовный, углублятся въ себя, онъ началъ изподтишка поглядывать на природу. Нѣтъ больше независимой мысли—положимъ; нѣтъ больше поэзіи—хорошо; можно-же по-крайней-мѣрѣ посмотрѣть что дѣлается вокругъ! Будто такая большая ересь собирать травы на поляхъ, приготовлять для людей врачеванія, извлекать на пользу человѣку жизнь богомъ данную этимъ простымъ?

"Остерегайся, сынъ мой, остерегайся. Дѣйствительно нѣтъ ереси опаснѣе этой. За нее то Богъ и проклялъ Евреевъ и Арабовъ. Они не постигли, что болѣзнь есть даръ неба, предостереженіе, земное чистилище, уменьшающее казни будущаго. Въ наказаніе имъ, Богъ ихъ окружилъ всѣми соблазнами земными; huerta Валенціи и vega Гренады, настоящій рай злаго духа, сосредоточили всѣ богатства трехъ частей свѣта Европы, Африки и Азіи. Шелкъ, рисъ, шафранъ, сахарный тросникъ, бананы, фиги, мирра, имбирь, абрикосы и бумага . . . ихъ тираническая торговля насилуетъ климатъ и путаетъ дары Божіи. Эти варвары открывшіе компасъ, бумагу, порохъ, дерзновенно осмѣлились поставить башни, чтобъ наблюдать ближе за звѣздами; лазутчики неба, они дерзновенно спускаютъ ихъ посредствомъ вогнутыхъ стеколъ, пудятъ ихъ отразить свой образъ, признаться во всѣхъ своихъ движеніяхъ; они хотятъ унизить передъ человѣкомъ эти великолѣпныя свѣтила прибитыя—по Писанію и по св. отцамъ—къ неподвижному кристаллу небеснаго свода. Они снова впадаютъ въ грѣхъ Адама и снова рвутъ запрещенные плоды отъ древа знанія. Они ищутъ спасенія не въ чудѣ, а въ природѣ, не въ легендѣ сына, а въ твореніи Отца . . .

"Поймите-же этотъ міръ, поймите средніе вѣка! Въ продолженіи пятнадцати столѣтій Богъ-Отецъ, Богъ-Создатель, не имѣлъ ни однаго храма, ни однаго жертвенника. До двѣнадцатаго столѣтія вы не встрѣчаете его образа. Въ XIII, онъ робко показывается возлѣ сына; но остается подчиненнымъ ему. Когда кому-нибудь пришло въ голову принесть ему что-нибудь въ жертвенный даръ, отслужить ему обѣдню? Онъ остается

одинокимъ, оставленнымъ, забытымъ съ своей длинной бородой. Толпа не тутъ. Его терпятъ только. Здѣсь царятъ Сынъ и Дѣва, его только что не гонятъ изъ церкви. И это много. Онъ долженъ радоваться что ему многое простили. Онъ былъ Жидъ; и почемъ знать что этотъ Іегова не Аллахъ Мекки. Арабы и Евреи утверждаютъ, что они вѣрятъ въ Бога-Отца, и что за это онъ имъ такъ роскошно даетъ дары своего творенія.

"Твореніе, созданіе, рожденіе, дѣла божьи, дѣла рукъ человѣческихъ, всё это слова дурно звучащія и оскорбляющія въ среднихъ вѣкахъ. Производительная сила рожденія, простодушно поставленная на алтарь древними религіями, стала срамомъ въ новой; при этой блѣдной и увядшей монахинѣ—едва смѣютъ шептать о рожденіи. Если Мать превознесена, то это какъ Дѣва. Мать—не въ самомъ дѣлѣ мать, сынъ не въ самомъ дѣлѣ сынъ, "женщина, что мнѣ до тебя?" Отецъ тоже не отецъ, онъ кормилецъ, воспитатель больше ничего.

"Творецъ-Ормуздъ, плодоносный Іегова, героическій Юпитеръ, всѣ эти боги украшены пышной окладистой бородой, страстные любовники природы, мощные двигатели человѣческой дѣятельности. Но кроткій и задумчивый Богъ среднихъ вѣковъ безъ бороды и такимъ остается онъ въ первые вѣка христіанства. На памятникахъ до грубыхъ феодальныхъ вѣковъ, почти совсемъ нѣтъ его изображенія съ бородой. Зачѣмъ ему мужественная, отеческая борода для возвѣщанія міру близкаго конца? На что порождать на канунѣ смерти? "Всякая дѣятельность должна остановиться, изчезнуть. "Взгляни на лилію, она не прядетъ, а одѣта лучше тебя", конецъ всякому труду, работать ненужно. "Кесарю кесареви"—отечество теряется въ имперіи—"ни Грекъ, ни Римлянинъ, ни варваръ". Имперія рушится, варвары занимаютъ мѣста. Св. Павелъ едва допускаетъ бракъ; семья также кончается самымъ холоднымъ образомъ, супруги разстаются по доброму согласію; онъ дѣлается инокомъ, она монахиней, совершенно сочвствующіе въ мысли разлуки.

" Если Бенедектинцы въ голодѣ слѣдовавшемъ за опустоши-

тельными войнами пахали землю, это было насильственное отклоненіе отъ законной косности и вскорѣ все опять пришло въ покой . . .

" . . . Но черезъ Салерну и Монпелье, черезъ Арабовъ и Евреевъ, черезъ ихъ учениковъ въ Италіи совершалось торжественное воскрешеніе Бога-Природы. Похороненный не три дня, а тысячу слишкомъ лѣтъ, онъ приподнялъ своей головой гробовую доску. Онъ необятный и благій возставалъ побѣдоносно, его руки были полны плодовъ и цвѣтовъ, это была утѣшительница міра — любовь. Мавры открыли цѣлебныя силы, врачующія начала, которыя земля изъ своей обширной груди посылаетъ своему ребенку-человѣку посредствомъ простыхъ. Нѣжность этого Бога-Матери, котораго не знаешь какъ назвать, обнаруживалась вездѣ, выступала изъ всѣхъ береговъ въ своей благости и роскоши. Видя человѣка слабымъ, шаткимъ на ногахъ, не могущимъ идти къ ней, она сама великая мать, сострадательная кормилица, бросалась къ нему чтобъ поддержать и подкрѣпить его. Чѣмъ-же заплатитъ ей человѣкъ? Что онъ можетъ дать? . . . Великое сердце, непреклонную волю.—Явился Рожеръ Баконъ!"

Я старался какъ можно болѣе удержать своеобразный слогъ этого библейскаго пѣснопѣнья. Послѣ этого удивительнаго мѣста, приведу вамъ объясненіе Колдуньи, ея преображеніе въ разсказахъ поэта историка.

"Добрый нѣмецкій монахъ Спренгеръ, написавшій книгу "Млатъ колдовства", знаменитое руководство инквизиціи, сильно затруднялся отъ чего такъ мало колдуновъ и такъ много колдуній; отчего злой духъ легче сближается съ женщинами. На этотъ вопросъ онъ находитъ двадцать премудрыхъ отвѣтовъ —женщина погубила перваго человѣка, она легкомысленна, въ ея груди, (по свидѣтельству Саломона!) бездна чувственности . . . есть еще и другія причины нѣсколько проще.

"Въ эти странныя времена женщинѣ идеально поклонялись и ставили ее вмѣсто Бога на алтарь, но въ дѣйствительности, она была несчастной жертвой, на которую обрушивались всѣ бѣдствія этого міра; она жила въ аду. Боккаччіо въ своей

"Гризилидѣ" разсказалъ совершенно общую повѣсть о безпечной жестокости мущины къ бѣдному материнскому сердцу. Мущина съ благочестивымъ самоотверженіемъ переносящій страданія женщины, легкомысленно увеличиваетъ число дѣтей, содержимое въ предѣлахъ только одной смертностью ихъ. Женщина, бѣдная игрушка, вѣчно мать, вѣчно въ траурѣ, "она зачинаетъ, какъ говоритъ Спренгеръ, посвящая Діаволу свой плодъ". Состарившаяся лѣтъ въ тридцать—сорокъ, пережившіи своихъ дѣтей, она тянетъ тягостную жизнь, забытая, оставленная, безъ семьи. Да ей было не лучше и въ семьѣ; за грубымъ крестьянскимъ очагомъ—какое мѣсто старухѣ? Послѣдній батракъ, мальчишка пастухъ, сидятъ выше ея. Куски которые она ѣстъ считаютъ, на нее негодуютъ что она жива. Въ одномъ швейцарскомъ кантонѣ, должны были закономъ предписать, что мать имѣетъ мѣсто у очага своего сына.

"Ну вотъ она и удалятся, ворча сквозь зубы и бродитъ по пустымъ полямъ, бродитъ въ холодныя ночи, сердце ея полно желчи и злобы. Она зоветъ злыхъ духовъ; если ихъ нѣтъ, она ихъ выдумаетъ. Діаволу живущему въ ней не далеко; она его мать, его невѣста, она поклоняется одному ему . . .

"Что могло удержать эту женщину?—Богъ? Онъ съ ней говорилъ по латынѣ непонятными символами. Діаволъ напротивъ, говорилъ природой, этимъ міромъ, котораго онъ царь; зло и добро безпрестанно свидѣтельствовали о его власти надъ этимъ міромъ. Неужели вы думаете, что она отказалась отъ него? Увядшая, оскорбленная, въ лохмотьяхъ, нищая, посмѣшище дѣтей, она затаила сильную волю и странныя желанія, (гдѣ имъ предѣлъ, когда однажды возможное перейдено и желаніямъ дана воля вольная?)—она пріобрѣла власть дѣлать что хочетъ. Это о н а вызвала болѣзнь сосѣда, она сглазила надменную женщину, смѣявшуюся надъ ней, а та и выкинула. Царство ужаса достается теперь на ея удѣлъ. Теперь надъ ней не издѣваются, не называютъ старухой, теперь ей кланяются какъ барынѣ. Мать пойдетъ къ ней съ полными руками, моля за своихъ дѣтей. Юноша бѣжитъ къ ней, предлагаетъ все, чтобъ она только не помѣшала его браку. "Кол-

дунья на своемъ чердакѣ показала сосѣдкѣ пятнадцать молодцевъ одинъ лучше другаго—въ зеленомъ платьѣ и сказала выбирай они твои".

"Спренгеръ разсказываетъ съ ужасомъ что онъ видѣлъ разъ зимою, когда всѣ дороги занесло снѣгомъ, несчастныхъ жителей небольшаго города, пораженныхъ страхомъ и преслѣдуемыхъ несчастіями (очень обыкновенными въ окрестностяхъ маленькихъ нѣмецкихъ городовъ), произведенными заговариваніемъ и колдовствомъ. Никогда — говоритъ онъ, не шло столько богомольцевъ къ пречистой дѣвѣ пустынниковъ, или ко всѣхъ скорбящей—какъ въ это время, не смотря на ухабы, снѣгъ, мятель, шло къ колдуньи, прося ее заступиться у діавола. Какою злобной гордостью должно было исполниться сердце старухи, когда весь городъ трепеталъ у ея ногъ и просилъ защиты. Какія фантастическія желанія должны были посѣтить ея душу, когда она видѣла себя превознесенной, любимой, мощной, страшной. Она тѣшилась надъ ними, сводя ихъ съ ума. Монахи разсказывали Спренгеру: "Она заколдовала трехъ нашихъ аббатовъ, убила четвертаго и дерзко говорила—да, я это сдѣлала и еще хуже сдѣлаю, и они не выпутаются, оттого что они ѣли" . . . . и она назвала очень мало возбудающее апетитъ кушанье.

"Колдуньи хвастались своею мощью и отъ нихъ самихъ Спренгеръ узналъ половину нелѣпицъ, которые разсказывалъ".

Это изъ предисловія. За нимъ слѣдуетъ поразительная картина встрѣчи Франціи и Италіи ; на этотъ разъ мы ограничимся небольшимъ отрывкомъ (*).

"Открытіе Италіи свело нашихъ съ ума; они не могли противустоять ея увлекательнымъ прелестямъ. Товарищи Карла VIII были не меньше удивлены, какъ спутники Христофора Коломба.

"Исключая Провансальцевъ, которыхъ война и торговля

(*) Мы намѣрены изъ этой книги и изъ второй части ея "Реформаціи", которая должна выйти на дняхъ, помѣстить нѣсколько страницъ въ слѣдующей книжкѣ.

неоднократно водила въ эти страны, Французы не предполагали найти ни этаго народа, ни этой красоты, ни этаго искуства.

"Противуположность Италіи съ сѣвернымъ варварствомъ была такъ велика, что побѣдители были ослѣплены, почти испуганы, смущены новостью предметовъ. Они нѣмѣли отъ удивленія передъ этими дивными картинами, мраморными церквами, пышными виноградниками, населенными статуями, передъ этими живыми изваяніями—прелестными дѣвами юга, увѣнчанными цвѣтами, которыя шли съ пальмами въ рукахъ на срѣтеніе воиновъ и несли ключи города. Они были сначала поражены; потомъ ими овладѣла буйная радость.

"Провансальцы, бывшіе въ неаполитанскихъ походахъ, приплывали на корабляхъ или шли обходомъ черезъ Романью и Абруцы. Прежде Карла VIII ни одно войско не совершило всего священнаго пути, который начинаясь отъ Генуи или Милана—Луккою, Флоренціей и Сіенной ведетъ путника въ Римъ. Удивительная красота Италіи состоитъ въ ея общей формѣ и въ этомъ crescendo чудесъ отъ Альпъ до Этны. Входя, не безъ потрясеній вратами покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, вы находите первый отдыхъ, полный прекраснаго въ изящномъ величіи ломбардской долины, этой роскошной корзины жнитва плодовъ и цвѣтовъ. Потомъ Тоскана, прелестно очерченные холмы Флоренціи останавливаютъ глазъ своей окончанной красотой, она смѣняется священнымъ ужасомъ, вселяемымъ печальной торжественностью Рима... И вы думаете это все? Нѣтъ. Болѣе кроткой рай ожидаетъ васъ въ Неаполѣ, новыя ощущенія наполняютъ грудь и душа подымается въ уровень Альпамъ, передъ дымящимъ исполиномъ Сициліи.

"Природа сосредоточивается, выражается всего лучше въ женщинѣ. Черные итальянскіе глаза, больше сильные нежели привѣтливые, печальные и безъ дѣтства, даже въ самомъ раннемъ возрастѣ, производили непреодолимыя чары на сѣверныхъ людей. Это была встрѣча двухъ породъ, бросившихся другъ къ другу слѣпо и жадно, принимая другъ друга въ себя,

какъ два химическихъ вещества имѣющія сродство, соединяются при первомъ соприкосновеніи. Когда начальное опьянѣніе прошло, превосходство Юга обнаружилось; вездѣ гдѣ Французы остались нѣсколько дольше, они неминуемо попадали подъ иго Итальянокъ, которыя потомъ дѣлали изъ нихъ что хотѣли".

Мы спрашиваемъ всѣхъ жившихъ въ Италіи, можно-ли изящнѣе, вѣрнѣе, рѣзче обрисовать весь полуостровъ отъ снѣжныхъ Альпъ до растопленнаго кратера Этны, до этихъ глазъ "безъ дѣтства"—и все на одной страницѣ.

Разумѣется, изъ книги Мишле нельзя научиться исторіи XVII столѣтія, такъ какъ изъ книги Карлейля нельзя научится исторіи революціи; это не вступленія, а заключенія, завершенія, эпилоги, послѣднія слова. Передо мной лежитъ одинъ изъ chef d'œuvre-овъ учебной литературы, the Earth and Man, or Physical Geography in its relation to the history of Mankind, — сокращенныя лекціи Арнольда Гюйо (Guyot) читанныя имъ въ Бостонѣ. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ вполнѣ достигнувшихъ своей цѣли трудовъ, въ которыхъ не знаемъ чему больше удивлятся ясности, глубинѣ, простотѣ или сжатости (*). И не смотря на то, географіи нельзя выучится по ней.

Такого рода книги предполагаютъ школьное знаніе фактовъ. Они являются послѣ предварительнаго, такъ сказать мнемоническаго труда привесть въ порядокъ скученное, объяснить узнанное, дохнуть огнемъ сильной мысли, чтобъ сплавить песчинки въ прозрачный хрусталь.

И. Мишле, мы извѣщаемъ объ этомъ съ величайшей радостью, — одинъ изъ первыхъ обѣщалъ намъ свое дѣятельное участіе въ "Полярной Звѣздѣ". Какъ глубоко и ясно онъ понимаетъ теперь — послѣ нашей дружеской полемики (**)

(*) Мы чрезычайно рекомендуемъ нашимъ переводчикамъ эту книгу, цензура ее пропуститъ. Она вышла въ Лондонѣ въ 1852 году.

(**) Въ 1851 году Мишле издалъ свою легенду о Костюшкѣ. Я счелъ долгомъ показать знаменитому историку, что онъ ошибочно смотритъ на Россію и написалъ длинное письмо (La Russie et le Socialisme, lettre à M. J. Michelet — 1851, Nice.—2e Ed. 1855, Jersey). Французское правительство не только запретило первое изданіе, но украло его на марсельской таможнѣ. Мишле съ величайшимъ беспристрастіемъ принялъ мои замѣчанія, требовалъ серьезныхъ объясненій, согласился съ ними, и все это съ той искренностью и простотой, которая только принадлежитъ людямъ страстно любящимъ истину.

наше положеніе, всего лучше показываетъ его прекрасное письмо.

ПИСЬМО И. МИШЛЕ КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Вы не усомнились въ моемъ искренномъ сочувствіи вашему прекрасному предпріятію, не смотря на то, что многіе изъ моихъ словъ, писанныхъ подъ вліяніемъ ужаса наводимаго Россіей, могли показаться несправедливыми и жестокими—и вы были совершенно правы, любезный другъ!

Вы думаете, что я готовъ принять сердечное участіе въ вашемъ русскомъ и общечеловѣческомъ дѣлѣ? Безъ всякаго сомнѣнія.

Въ моей теперичной комнатѣ, въ которой я еще не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, виситъ портретъ Русскаго; портретъ этотъ полонъ трагическаго смысла для меня, онъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ—это черты нашего Бакунина, набросанныя умирающей рукой вашей жены. Часто не могу я оторвать глазъ отъ него и думаю и думаю, такое множество чувствъ возбуждаетъ онъ, такое море мыслей.

Тутъ Западъ тутъ, Востокъ, тутъ ихъ Союзъ.

Западъ—твердый мечь, неустрашимый воинъ, проснувшійся прежде нежели пробилъ февральскій часъ и написавшій остремъ стали (на таблицахъ Реформы) вызовъ Николаю.

Востокъ—страдательное противудѣйствіе святой Руси — Руси иноплеменнаго правительства, терзающаго ее и развращающаго внутреннее стремленіе сорваться съ пути, по которому толкаетъ ее лукавая власть и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ природа назначила быть—мирнымъ переводчикомъ между Европой и Азіей.

И въ тѣхъ-же чертахъ я вижу залогъ будущаго Союза; преданность обнимавшую всѣ страны въ своей любви къ отечеству. Нѣмцы тѣснятъ Россію, помогаютъ правительству—это знаетъ всякій. И между-тѣмъ какъ только раздался древній

германскій кликъ: "Кто хочетъ умереть съ нами, за свободу Германіи?" явился Русскій, сталъ въ первые ряды и ни одинъ Нѣмецъ не опередилъ его. Когда Германія будетъ Германіей, она поставитъ ему памятникъ.

До тѣхъ поръ пусть онъ занимаетъ мѣсто у очага и въ сердцѣ Француза, который также какъ вы, Любезный Герценъ, велъ отчаянную войну противъ царя—за Францію, за Польшу и еще больше—войну за Россію.

Водружайте смѣло знамя этого боя въ вашемъ обозрѣніи. Весь міръ будетъ ему рукоплескать.

Теперь самые простѣйшіе люди начинаютъ догадываться, что освобожденіе Россіи необходимо для всемірнаго освобожденія.

Для людей мыслящихъ становится яснѣе, что многіе вопросы остающіеся темными, неразрѣшенными на Западѣ, найдутъ свое объясненіе въ восточномъ переворотѣ. Задача соціализма можетъ только быть вполнѣ разрѣшена сообща, семейно, совокупностью освобожденныхъ народовъ и съ участіемъ младшаго изъ нихъ, который инстинктомъ, въ своемъ бытѣ, нашелъ естественныя сочетанія, оказавшіяся искуственными попытками вездѣ.

Слава вашего Пестеля состоитъ въ томъ, что онъ провидѣлъ въ безконечномъ разнообразіи народныхъ потребностей и призваній, что ваша революціонная идея не совпадаетъ съ западной; переворотъ и будущее онъ вызывалъ изъ внутренностей вѣковой народной жизни. Онъ указалъ на село какъ на начальную основу, онъ принималъ общину за животворную стихію, монаду будущей русской Республики, находя "республиканскую" форму болѣе естественной для Россіи "чѣмъ татарскій царизмъ и нѣмецкій цесаризмъ".

Будьте-же увѣрены, любезный другъ, что мы очень знаемъ сколько новыхъ откровеній принесетъ намъ рано или поздно русскій переворотъ.

"Звѣзда" восходящая у полюса пусть свѣтитъ и для насъ, съ тѣмъ живымъ мерцаніемъ, обыкновеннымъ въ вашихъ полупрозрачныхъ ночахъ сѣвера, которыхъ дѣвственный чистый свѣтъ больше солнечнаго походитъ на свѣтъ мысли.

Если лучи ея не скоро отразятся, если безмолвный міръ, къ которому вы обращаетесь, долго не дастъ отвѣта, не теряйте терпѣнія. Не скоро можно придти въ себя послѣ такого тяжелаго и продолжительнаго обмиранья. Каждому слову вашему будетъ соотвѣтствовать скрытое движеніе, тайное біеніе сердца. Говорите-же вашей родинѣ—вѣдь вы сами она-же, вы представляете между нами ея сознанную мысль, ея древнюю давно подавленную душу, ея молодую душу, пророчески сознающую будущее,

Жму вамъ руку, другъ мой, во имя нашей общей и вѣчной надежды.

И. МИШЛЕ.

Парижъ, 1 Іюля 1855 года.

V.

СМѢСЬ.

I

НОВГОРОДЪ-ВЕЛИКІЙ И ВЛАДИМІРЪ НА КЛЯЗЬМѢ (*).

Недостаточно знать Петербургъ и Москву; для того чтобъ знать Петербургъ и Москву—надобно еще заглянуть на то что дѣлается вокругъ нихъ. Около Москвы мирный вѣнокъ шести или восьми губерній великороссійскихъ до конца ногтей. Москва среди ихъ покоится какъ старшая въ семействѣ; изъ нея берутъ ея племянницы и сестрицы образованіе, моду, умъ и глупость. Довольное спокойствіе овладѣло этой полосой и она находится въ полудремотѣ, предпочитая сонъ отцу и матери, какъ говоритъ пословица. Старые губернаторы любятъ назначеніе въ эти губерніи. Въ нихъ никогда не бываетъ ни чрезвычайныхъ преступленій, ни безпримѣрной добродѣтели, ни волканическихъ изверженій, ни опасныхъ разливовъ; хлѣбъ всегда родится довольно плохо, за то рѣдко совсѣмъ не родится; крестьяне благочестивы, жалуются на Бога за бѣдность, на казенную палату за рекрутскіе наборы, а на помѣщиковъ никогда не жалуются вслухъ. Каждая изъ этихъ губерній имѣетъ свой

(*) Въ 1841 году во время моей ссылки въ Новгородъ, сердясь на губернское правленіе и мерзкую погоду, на глупую ссылку и на глупыхъ чиновниковъ, я написалъ небольшое юмористическое письмо "Москва и Петербургъ", письмо это понравилось многимъ и ходило по рукамъ; этотъ успѣхъ подстрѣкнулъ меня написать другое письмо "о Новгородѣ и Владимірѣ". Рукописи перваго у меня нѣтъ, второе казалось мнѣ будетъ кстати въ той книжкѣ "Полярной Звѣзды" въ которой помѣщенъ разсказъ о моей новгородской жизни.

талантъ, стало завидовать другъ другу нечего, и онѣ также мирно и родственно стоять на одномъ мѣстѣ около Москвы. какъ планеты ни минуты не постоятъ на одномъ мѣстѣ около солнца. Калуга производитъ тѣсто, Владиміръ вишни, Тула пистолеты и самовары, Тверь извозничаетъ, Ярославль человѣкъ торговый.

Климатъ Москвы съ ея присными припадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, которыхъ вся характеристика состоитъ изъ отрицательныхъ качествъ: не холодный, не теплый; кукуруза не растетъ, яблони не мерзнутъ. Послѣ того какъ Петръ I открылъ возможность жить въ сыромъ болотѣ, прилегающимъ къ Балтійскому морю, нечего и доказывать обитаемость московской полосы. Я признаюсь откровенно въ моей ограниченности, не понимаю какъ можно по доброй волѣ жить въ климатѣ восьми-девяти мѣсячной зимы. Аскольдъ и Диръ были единственные порядочные люди изъ всей норманской сволочи, пришедшей съ Рюрикомъ, они взяли свои лодки, да и пошли съ ними пѣшкомъ въ Кіевъ. Игорь, Олегъ и tutti quanti, жившіе на Югѣ Россіи, были люди со вкусомъ, отъ того единственный періодъ въ русской исторіи, который читать не страшно и не скучно, это кіевскій періодъ.

Но какъ волка ни корми, онъ къ лѣсу глядитъ; истинные патріоты убѣжали опять на Сѣверъ, на Сѣверъ Владиміра на Клязьмѣ и Москвы. Въ послѣдствіи и эта полоса оказалась радикаламъ недостаточно сѣверной. Петръ нашелъ Сѣверъ почище.

Когда ѣдишь изъ Москвы въ Петербургъ, сначала по дорогѣ, деревни напоминаютъ близость къ сердцу государства, Тверь дальній кварталъ Москвы и притомъ хорошій кварталъ, Тверь на Волгѣ и на шоссе, городъ съ будущностью, съ карьерой. Но въ новгородсвой губерніи путника обдаетъ тоской и ужасомъ; это предисловіе къ Петербургу, другая земля, другая природа, безплодные пажити, болоты съ болѣзненными испареніями, бѣдныя деревни, бѣдные города, голодные жители и что шагъ становится страшнѣе, сердце сжимается; тутъ природа съ величайшимъ усиліемъ, какъ ска-

залъ Грибоѣдовъ, производитъ одни вѣники; чувствуешь что подъѣзжаешь къ той полосѣ земнаго шара, которая только сдѣлана Богомъ для бѣлыхъ медвѣдей, да для равновѣсія, чтобъ шаръ не свалился съ орбиты. Деревья какъ-то сгорбившись, болѣзненно стоятъ на сырой и тощей землѣ, какъ волосы на головѣ у полуплѣшиваго. Такъ вы достигаете Новгорода. Отъ Новгорода начинаются стеариновыя свѣчи, гвардейскіе и всяческіе солдаты, видно что Петербургъ близко. Остальныя 180 верстъ тотъ-же пустырь ужасный, отвратительный, посыпаный кое-гдѣ солдатами. До Пжоръ, до Померанья можете присягнуть, что остается верстъ 1,000 до большаго города. И въ углу этой-то неблагодатной полосы земли на трясинѣ между двухъ водъ—Петербургъ, Петербургъ блестящій, удивительный, одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ мірѣ. Петръ I по русской пословицѣ на обухѣ рожъ молотилъ. Лишь бы мнѣ уѣхать на Югъ, я всегда буду восхвалять какъ дивную побѣду надъ природой—Петербургъ. Три градусавверхъ начинается здоровый Сѣверъ, три градуса внизъ начинается умѣренно дурная полоса, въ которой Москва; промежуточные шесть градусовъ при пріятномъ сосѣдствѣ моря и всякихъ водъ рѣчныхъ, озерныхъ, болотныхъ, лечебныхъ и ядовитыхъ, при восточности положенія, при близости зимняго дворца, восьми министерствъ, трехъ полицій, святѣйшаго синода и всей августѣйшей фамиліи съ нѣмецкими сродниками, составляютъ полосу вѣчной сырости, нравственной и физической изморози, душевнаго и тѣлеснаго тумана. Петербургъ, вбитый сваями не въ русскую а въ финскую землю, находится между олонецкой и новгородской губерніями. Олонецкая губернія отстала отъ иркутской, иркутская не отстала отъ новгородской. Въ олонецкой губерніи разбросанныя по скалистой землѣ и между лѣсами деревни совершенно разобщены; есть села, къ которымъ никакихъ нѣтъ дорогъ, кромѣ тропинокъ. Новое изобрѣтеніе колесъ не вездѣ извѣстно въ олонецкой губерніи, и они таскаютъ тяжести волокомъ. Петрозаводскъ мѣсто въ родѣ Березова, ему дали сибирскіе права, чтобъ заманить служащихъ. И все это возлѣ Петербурга. До границы олонецкой

губер. отъ Петербурга верстъ 200 не больше. Новгородская губернія дальними уѣздами не далеко ушла отъ олонецкой. Объ ней еще нельзя судить по большой дорогѣ. Дикость, бѣдность земли, которая никогда не родитъ достаточно хлѣба для прокормленія и къ тому еще военныя поселенія.

Въ новгородской губерніи есть деревни разобщенныя лужами и болотами съ цѣлымъ шаромъ земнымъ, къ нимъ ѣздятъ только зимой. Этими болотами и этой грязью защищались Новогорцы нѣкогда отъ великокняжескаго и великоханскаго ига, теперь защищаются отъ великополицейскаго. Въ эти деревни попъ ѣздитъ раза три въ годъ, и за цѣлую треть накрещиваетъ, навѣнчиваетъ, хоронитъ . .. При зимней дислокаціи солдатъ по уѣздамъ, какая-то рота попалась въ одну изъ этихъ моченыхъ деревень; пришла весна, нѣтъ роты, да и деревни не могутъ найти—хлопоты, переписка, съемка плановъ —по счастію лѣто продолжается мѣсяца три, въ октябрскіе утренники является рота, она была за непреходимыми топями.

Да, нечего сказать, Петербургъ не разлилъ жизни около себя; и не могъ наоборотъ почерпнуть жизненныхъ соковъ изъ сосѣдства; и въ этомъ опять его трагическій характеръ. Петербургъ все сжимается, лѣпится, сосредоточивается около Зимняго Дворца, даже въ самомъ городѣ такъ. Много толковали о томъ, что въ Москвѣ огромный домъ, а возлѣ него хижина; но надобно вспомнить, что эти домы разбросаны на сорока верстахъ вездѣ. Не угодно-ли въ Петербургѣ мѣрою двѣ версты отойти отъ Зимняго Дворца по петербургской сторонѣ—какая пустота, нечистота. Все дѣйствіе Петербурга на окружающія мѣста ограничилось тѣмъ, что онъ развратилъ Новгородъ и начавши собою новую непонятную Русь, придавилъ все древнее въ самомъ мѣстѣ зародыша.

Владиміръ относится къ Москвѣ такъ, какъ Новгородъ къ Петербургу. Владиміръ былъ столицей, великъ и славенъ— какъ можно было быть великимъ и славнымъ на Руси. Задушенный Татарами, онъ уступилъ Москвѣ, пошелъ къ ней въ подмастерья, когда она сѣла хозяйкой всякимъ пронырствомъ

и искательствомъ; но онъ сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ былую славу, помнитъ Андрея Боголюбскаго и древность своей эпархіи. Что-то тихое, кроткое въ его чертахъ, осыпанныхъ вишнями. Москва любила такихъ неслишкомъ удалыхъ сосѣдей и помощниковъ и между ними завязалась искренная, дружеская связь; что было лишней крови Москва высосала и отставной столичный городъ какъ истинный философъ или какъ грузинскій царевичъ, довольный тѣмъ что осталось — хотя и ничего не осталось кромѣ того, чего взять нельзя — ничего не хочетъ, ничего не усовершаетъ, строго держится православія и незаслуживаетъ брани можетъ потому, что и похвалить не зачто. И Новгородъ былъ столицей и по важнѣе, онъ былъ республикой насколько можно было быть республикой на Руси. Душить его принялись мастера не Татарамъ-чета; два Ивана Васильевича, да одинъ Алексѣй Андреевичъ. Татары народъ кочевой, ни въ чемъ нѣтъ выдержки; придутъ, сожгутъ, оберутъ, разобидятъ, научатъ считать на счетахъ, бить кнутомъ, а потомъ и уйдутъ себѣ чертъ знаетъ куда. Нехристи и варвары. Православные Иваны Васильевичи, особенно послѣдній принялись за дѣло основательнѣе. Память вышибъ своей долбнею царь Иванъ Васильевичъ изъ Новогородцевъ, а долбня эта осталась и хранится въ Соборѣ; Вельтманъ писалъ книгу о "Господинѣ нашемъ Новгородѣ великомъ" и плакалъ отъ умиленія встрѣтившись нечаянно на улицѣ съ Ярославовой башней. Я не плакалъ о господинѣ слугѣ, а не разъ содрогался. Зданія, пережившія смыслъ свой, наводятъ ужасъ, когда вы спросите объ нихъ Новогородца выросшаго и состарившагося здѣсь и онъ вамъ отвѣтитъ "говорятъ еще до Петра строено". Софійскій Соборъ стоитъ на томъ-же мѣстѣ, а противъ него губернское правленіе съ какой-то подъячески-осунувшейся фасадой. Въ Соборѣ хранится какъ я сказалъ долбня, а въ губернскомъ правленіи въ золотомъ ковчегѣ записка Аракчеева къ губернатору о убійствѣ его любовницы.

Какъ Новгородъ жилъ отъ Ивана Васильевича до Петербурга никто не знаетъ, вѣроятно корни гражданственности были и не глубоки и не живучи, вѣроятно самъ Новгородъ

ужаснулся грѣху торговать съ Ганзою и не слушаться указовъ. Грязный, дряхлый и ненужный стоялъ онъ пока Петербургъ подросталъ, обстроился ; но въ немъ не осталось ничего стариннаго русскаго, и не привилось ни одной капли европейскаго; нравы Новгорода представляютъ уродливую и отвратительную пародію на петербургскіе. Нравы Петербургамогутъ быть сносны только въ этомъ вѣчномъ вихрѣ, шумѣ, стукѣ, трескѣ, при новостяхъ, театрахъ, пароходахъ, кофейныхъ и иныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Бѣдный и лишенный всякихъ удобствъ Новгородъ невыносимо скученъ. Это большая казарма набитая солдатами и маленькая канцелярія набитая чиновниками. Нѣтъ общественности, подъячіе по петербургски держутъ дверь на ключь и не сходятся. Немного смѣшное гостепріимство подмосковенныхъ губерній имѣетъ всегда какую-то бономію; циническій эгоизмъ Новгородцевъ поселяетъ отвращеніе. Тутъ въ первый разъ пріѣзжающій изъ внутреннихъ губерній можетъ узнать что такое петербургскій чиновникъ, species petropolina, ministerialis, это махровый чиновникъ, далеко оставляющій за собою мелкихъ плутовъ уѣздныхъ и губернскихъ.

Въ Новгородѣ каждое неосторожное слово можетъ навлечь бѣдствія; Петербургъ научилъ ci-devant республику наушничать. Въ губерніяхъ подъмосковенныхъ говорите что хотите, разумѣется не поймутъ коли дѣло скажете, но и не донесутъ "мы де дворяне".

Иваны Васильевичи долбили собственно городъ ; но какъ нашъ вѣкъ желаетъ пріобщить къ муниципальнымъ выгодамъ и земледѣльцевъ, графъ Аракчеевъ рѣшился распространить благодѣянія Ивановъ Васильевичей на всю губернію. Средство имъ избранное было геніально—военныя поселенія. Заставить пахать землю по темпамъ, увѣрить мирнаго мужика, что онъ грозный воинъ, разрушить семью и деревню и водворить казармы въ цѣлую волость и все это легкимъ и простымъ средствомъ, засѣкая десятаго мужика до смерти, и всѣхъ остальныхъ степенью меньше. Жаль что смерть Анастасіи по-

мѣшала графу очень много, а потомъ немножко смерть императора Александра, окончить богоугодное дѣло.

Странная судьба Новгорода—въ его исторіи два имени не забыты, объ женскія: Марѳа посадница и Настасья наложница; обѣ обрушили на Новгородъ невыразимыя бѣдствія. Первая жизнію, вторая смертію. Москва радовалась смерти первой, Петербургъ плакалъ о второй!

Новгородъ 1842 года.

II.

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО.

Въ началѣ 1854 года я получилъ слѣдующее вѣрноподданническое, но не подписанное письмо.

"Ваша "Крещеная собственность" имѣетъ цѣлью представить намъ, Русскимъ, неестественность и безобразность крѣпостнаго права и впереди развязку этого явленія топоромъ.

Въ исторіи каждаго народа есть свои болячки; на долю Россіи досталось крѣпостное состояніе. Но сознаніе зла пробуждается только по мѣрѣ своей зрѣлости, а стремленіе къ уничтоженію его рождается по мѣрѣ развитія сознанія.

Никто болѣе не способствовалъ развитію въ насъ этого сознанія какъ нашъ Государь, дѣйствія котораго вы стараетесь представить въ превратномъ видѣ. Напротивъ, попытки Государя положили прочное основаніе будущему освобожденію крестьянъ, ибо даже тѣ, которые не подозрѣвали неестественности своихъ отношеній къ крестьянамъ, теперь понимаютъ необходимость измѣненія ихъ. На насъ владѣльцахъ, лежитъ великое дѣло; помочь правительству послѣдовательно, мирно, безъ развязокъ подобныхъ западнымъ, достигнуть переворота. Конечно это будетъ сопряжено съ личными для насъ пожертвованіями, но пожертвованія эти будутъ добровольныя, сознательныя, не запечатленныя кровью.

Вы добровольно отказались отъ участія въ великомъ дѣлѣ, вы сочли лучше толковать о злѣ внѣ отечества, нежели принести на пользу ему свои способности, свой трудъ, нежели пожертвовать частію своей собственности; осуждая начало вы однако воспользовались его выгодами, и послѣ всего этаго вы

думаете, что слова ваши могутъ имѣть какое-либо для насъ значеніе, что между вами и нами есть какая-либо связь?

Нѣтъ, мы Русскіе привязаны къ своему отечеству, мы считаемъ, что жизнь наша неотдѣлима отъ общей жизни государства и составляетъ съ нею одно цѣлое. Отрѣченіе отъ этой жизни, есть великій грѣхъ, гражданское самоубійство.

Въ насъ возбуждаетъ оно, кромѣ тяжелаго для васъ чувства, которое тяжело даже выговорить, сожалѣніе Православныхъ о сбившемся съ пути.

Да проститъ Вамъ Богъ Ваше преступленіе!"

Парижъ, 13 Марта 1854 года.

ОТВѢТЪ.

Beau Masque,

"Я къ вамъ пишу"—вотъ вамъ доказательство, что я васъ принимаю за честнаго человѣка. По видите-ли, одно то, что въ Россіи могутъ быть честные люди, разсуждающіе такъ какъ вы, совершенно достаточно чтобъ жить въ другой части земнаго шара.

Въ вашемъ письмѣ все проникнуто духомъ полнѣйшаго гражданскаго и духовнаго рабства, рабства сознательнаго, обдуманнаго и слѣдственно неизлѣчимаго. Въ каждомъ словѣ вашемъ просвѣчиваетъ то остутсвіе всякаго чувства личной независимости, которое сдѣлало изъ Россіи скамейку для царскихъ ногъ, изъ русскаго народа податное состояніе, отданное не только на разграбленіе, но на сѣченіе помѣщикамъ и полиціи.

Вообразивши что "нашъ государь" только о томъ и кручинится чтобъ освободить крестьянъ, (согласитесь, что онъ былъ воздержнѣе Сципіона, не давши въ продолженіи тридцати лѣтъ волю своему желанію, что конечно стоило бы меньше

его отеческому сердцу нежели перекрещиваніе Уніатъ и терзаніе Польши) вы находите что "крѣпостное состояніе" болячка, доставшаяся на долю Россіи и даете чувствовать, что это единственная болячка ея.

А тѣлесныя наказанія безъ суда, а всеобщее воровство въ судѣ, а самовластье дошедшее до безумія, а невозможность сказать слова — это не болячки? А то что вы написавши ко мнѣ изъ Парижа въ Лондонъ, не смѣете слово государь писать обыкновенными буквами—это не болячка?

. . . Чего вы испугались моей книжки, чего вы удивились что я о злѣ отечества говорю внѣ его, когда внутри е г о можно только объ немъ молчать? Смѣшивать актъ обличенія съ злословіемъ, также нелѣпо какъ исторію называть сплетнями.

Говорилъ я и прежде, меня языкъ два раза водилъ если не до Кіева, то до Перми и Вятки. Я семью годами ссылки заплатилъ за то, что не умѣлъ развить въ себѣ православнаго п р и н и ж е н і я л и ч н о с т и.

Зачѣмъ я остался, какъ я остался, я это объяснилъ гораздо прежде полученія вашего письма (*); повторять не считаю нужнымъ. Исполнилъ-ли я въ мѣру моихъ силъ, обѣщанное тогда, предоставляю судить другимъ, а вамъ скажу одно. Еслибъ вы не смѣшивали любви къ рабству, съ любовью къ народу, еслибъ вы понимали разницу между географическимъ мѣстомъ жительства съ внутреннимъ единствомъ, еслибъ у васъ въ груди осталось мѣсто для какихъ-нибудь другихъ чувствъ, кромѣ вѣрноподданническихъ, еслибъ вы были и рабъ, но рабъ негодующій, рабъ плачущій о несчастіи своего народа, а не рабъ гордящійся своимъ ошейникомъ, то вы не разсердились бы за то что я обидѣлъ ливрею вашего барина, а иначе поняли бы и мои слова и мою дѣятельность.

Вы не принадлежите къ народу, вы принадлежите къ тому что гнететъ народъ; оттого вы не поняли ни моего удаленія, ни моихъ словъ. Какое вамъ дѣло до того, что человѣкъ пять лѣтъ проповѣдуютъ во Франціи, Италіи, Германіи, Англіи

(*) См. Предисловіе къ "Съ того берега" писанное въ 1849 г.

примиреніе, общеніе съ народомъ русскимъ. Какое вамъ дѣло что Польша Изгнанниковъ послала черезъ меня слово примиренія народу Русскому. Какое вамъ дѣло, что на вольной британской землѣ я поставилъ первый вольный станокъ для русскаго слова?

Подите.... православный защитникъ царя. Нѣмецкія газеты клеветавшія меня, ругавшія меня за мою любовь къ народу русскому, были справедливѣе васъ, византійскій богословъ изъ чухонской передней Зимняго Дворца.

Я кончилъ. Но въ вашемъ письмѣ вы не ограничились общей полемикой, вы хотѣли набросить на меня тѣнь инаго рода. Вы говорите что я воспользовался крѣпостнымъ правомъ — протестуя противъ него? Благодарю васъ, что вы дали случай сказать — не вамъ, потому что по правдѣ мнѣ совершенно все равно что вы думаете обо мнѣ и чего не думаете... а сказать въ печати то, что мнѣ казалось слишкомъ лично и частно.

Я отроду не продалъ, не заложилъ ни одного крестьянина, но еще больше, я не пользовался ни оброкомъ, ни работой крестьянъ; это случай, но онъ тутъ въ мою пользу. Я лишился отца въ Маѣ 1846 года, при его жизни, я не владѣлъ ничѣмъ; въ Январѣ 1847 г. я былъ ужъ за границей. Единственный актъ сдѣланный мною въ управленіи имѣніемъ, состоялъ въ предложеніи крестьянамъ заложить ихъ и отпустить наволю съ землею; пока староста совѣтовался, я уѣхалъ. Черезъ полтора года, не объявляя мнѣ ничего, правительство взяло имѣнье подъ секвестръ. Родственникъ мой, предупреждая меня, хотѣлъ купить имѣнье и предлагалъ мнѣ вдвое больше той суммы, которую я былъ намѣренъ взять съ крестьянъ. Я ставилъ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлалъ крестьянъ обязанными и на этомъ основаніи дѣлалъ значительную уступку. Родственникъ мой не согласился. Имѣнье было взято. Крестьяне собрали оброкъ за 1847 годъ, правительство его перехватило. Я почти радъ этому — жаль только, что деньги попались въ скверныя руки.

Десять разъ я хотѣлъ просить правительство, чтобъ мое костромское имѣнье было отпущено на волю съ землей, безъ всякаго возмездія, я хотѣлъ письменно отказаться за дѣтей. Но не сдѣлалъ этого, боясь дерзкаго отвѣта, что де и безъ того имѣнье въ рукахъ правительства.

Можетъ вы, прелестная маска, служите гдѣ-нибудь нашему государю, постарайтесь объ этомъ дѣлѣ, и я найду ваше письмо ко мнѣ умнымъ и дѣльнымъ.

Или вы можетъ упрекаете меня въ томъ, что я взялъ свои деньги изъ Россіи, ну въ этомъ я дѣйствительно виноватъ; мнѣ бы передъ отъѣздомъ отдать все состояніе Митрофану воронежскому на новую раку, или на основаніе капитала для пансіоновъ вдовамъ и сиротамъ литературныхъ и политическихъ агентовъ, доносившихъ болѣе двадцати лѣтъ—не догадался.

Въ заключеніе прошу васъ, пожалуйста не молитесь обо мнѣ я совсѣмъ не такъ жалокъ какъ вы думаете. Молитесь лучше о нашемъ добромъ, забитомъ народѣ, можетъ и съ вашихъ глазъ падетъ повязка, и вы увидите, что имѣя право отпустить крестьянъ вашихъ на волю, при томъ безкорыстіи, которое отразилось въ вашемъ упрекѣ мнѣ—очень легко исполнить это желаніе.

Преданный вамъ,

ГРАЖДАНСКІЙ САМОУБІЙЦА.

20 Іюля 1855 года.

III

НѢТЪ СОЦІАЛИЗМА БЕЗЪ РЕСПУБЛИКИ.

(изъ письма къ издателю) (*)

. . . Мнѣ кажется что внутренній смыслъ борьбы западной Европы съ восточной, состоитъ въ ихъ стремленіи къ единству, къ единству—завоеваніемъ и деспотизмомъ, или къ единству —свободой и общимъ пересозданіемъ.

Еслибъ я былъ увѣренъ въ томъ, что западный міръ, не можетъ пересоздаться революціей, что онъ необходимо долженъ погибнуть, такъ какъ древній римскій міръ—я нашелъ бы силы сказать, что желаю отъ души разгрома войной, завоеванья, разрушенья. Но я вѣрю, какъ вы вѣрите въ волю человѣческую и не вѣрю въ неизмѣнное предопредѣленіе. Мы имѣемъ возможность избѣгнуть эти ужасы, вступая въ соціальный переворотъ, который увлечетъ съ собой славянскій міръ, имѣющій въ бытѣ своемъ неразвитые зародыши соціализма, какъ вы намъ столько разъ и такъ ясно указывали.

Вотъ на чемъ основаны мои надежды.

Съ каждымъ днемъ положеніе становится рѣзче и страшнѣе; проснуться или умереть, грозная дилемма не терпящая отлагательства передъ нами. Это не драма одной настоящей минуты, это исполненіе судебъ всей исторіи всѣхъ вѣковъ при-

---

(*) Мы съ намѣреніемъ рядомъ съ письмомъ "милой маски" — помѣщаемъ письмо А. Таландье. Мы не знаемъ какія жертвы принесла она на "общее дѣло". А. Таландье года два тому назадъ выпущенъ изъ Бель-Ильской тюрьмы, онъ свое участіе въ общемъ дѣлѣ и свою любовь къ Франціи доказалъ. Странно видѣть, что у насъ патріотизмъ одержимый православіемъ свертывается въ ограниченнѣйшій китаизмъ, въ то время какъ з д ѣ с ь соціализмъ ломится въ ширь изъ-за политическихъ предѣловъ и національныхъ опредѣленій.

мыкающихъ теперь къ роковому рѣшенію. Съ паденія римской имперіи ничего подобнаго не было, оттого-то то время и объясняетъ такъ многое въ нашемъ.

Отсутствіе всякой политической жизни въ народѣ во время императоровъ необыкновенно способствовало завоеванію римской имперіи варварами. И та-же самая причина внушила Николаю дерзость мѣриться съ Западомъ. Еслибъ политическая жизнь не изчезла въ Германіи, Венгріи, Италіи и Франціи, можно-ли было бы серьезно говорить о русскомъ нашествіи.

Но сходство этимъ не ограничивается. Во время всѣхъ этихъ императоровъ, безумныхъ и злодѣевъ, жившихъ въ чаду разврата и пороковъ, внутри общества было сильное развитіе соціальныхъ идей. Римляне завоевавши боговъ всего міра и спутавъ ихъ, вѣрили только одному богу боя, богу силы и удачи. Ихъ послѣдняя религія была религія успѣха; цезари, этотъ воплощенный успѣхъ, повѣрили въ свою божественность и начаги играть роль провидѣнія на землѣ, печься о благѣ народномъ, доставлять ему хлѣбъ и игры. Языческіе соціалисты шли къ той-же цѣли и пользовались расположеніемъ цезарей, для того чтобъ въ самомъ дѣлѣ совершить разные соціальные перевороты.

Императорскими эдиктами стали они облегчать судьбу вольноотпущенныхъ, несовершеннолѣтнихъ, женщинъ и рабовъ.

При Тиверіи они именемъ государства устроили поземельный кредитъ.

При Неронѣ безплатное судопроизводство.

При безумномъ Клавдіи жизнь раба была объявлена неприкосновенной, какъ жизнь свободнаго человѣка.

При Адріанѣ, Коммодѣ, Александрѣ рабъ былъ защищенъ отъ насилія, безпомощности и даже отъ оскорбленій.

Подъ тѣмъ-же вліяніемъ Каракалла возмущался противъ кованья въ цѣпи свободныхъ людей, а Діоклеціанъ объявилъ, что главное дѣло состоитъ въ наблюденіи выгоды бѣдныхъ сословій, тѣснимыхъ богатыми.

"Высшія сословія, говоритъ Д. Кинс, накупались на рабство во время имперіи, ожидая возстановленія преимуществъ дворянства и сената, старыхъ аристократическихъ формъ, вмѣсто того, всѣ древнія фамиліи должны были погибнуть отъ императорства. Они бросаются къ ногамъ государя, обѣщающаго имъ мирное обладаніе прошедшимъ, а онъ ихъ отсылаетъ на казнь.

"Всѣ планы приписываемые Катилинѣ—сожженіе Рима, ссылка богатыхъ, убійство дворянъ, уничтоженіе общественныхъ различій—исполняются тѣмъ или другимъ императоромъ. Заговоръ противъ стараго порядка вещей, скрывавшійся подъ орлами Марія, приводится въ исполненіе цезаярми, вѣтхое общество гибнетъ отъ рукъ, которыя казалось должны были спасти его".

Нѣтъ сомнѣнія, что съ своей стороны христіанство натолкнуло императоровъ и ихъ великихъ юрисконсультовъ Гаія, Ульпіана, Папіана на нѣкоторыя соціальныя уступки—такъ какъ теперь тяготѣніе соціализма заставляетъ правительства принимать реформы, неимѣющія въ себѣ политическаго характера. Исторія настоящаго времени, объясняетъ намъ очень хорошо что было тогда. Но пришло наконецъ время когда императоры сдѣлались христіанами.

"Философія и Евангеліе незамѣтно сблизились; еще нѣкоторое время можно прослѣдить разницу въ оттѣнкахъ эдиктовъ императоровъ языческихъ и христіанскихъ, но и онѣ изчезаютъ ири Юстиніановскомъ переворотѣ; рѣки шедшія изъ двухъ разныхъ источниковъ смѣшали свои воды, стоицизмъ и христіанство, Діоклеціанъ и Константинъ, Ульпіанъ и св. Павелъ, гонитель и гонимый теряются въ океанѣ римскаго законодательства".

И при всемъ этомъ римскій міръ—палъ.

Римъ погибъ, варвары восторжествовали, феодализмъ исказилъ христіанство, оттого, что соціализмъ тѣхъ временъ—стоическій и христіанскій не имѣлъ въ себѣ, вмѣстѣ съ соціальными началами, началъ политическихъ. Цезарю отдаютъ цезарево т. е. склоняются передъ нимъ. Являются императоры

христіане, такъ какъ могутъ явиться императоры-соціалисты; послѣдняя политическая жизнь оставляя массы, сосредоточивается въ лицѣ императора. Имперія готова сдѣлаться добычей варваровъ, давно выжидавшихъ времени покончить ее. Мы знаемъ что варвары сдѣлали изъ тогдашняго образованія, изъ римскаго права и христіянскаго равенства.

Тоже будетъ если намъ не удастся, съ одной стороны воскресить къ жизни политической западные народы, съ другой если мы не найдемъ иныхъ средствъ объясниться съ востокомъ и понять другъ друга иначе какъ войною.

По счатію, сходство между древнимъ міромъ и нашимъ здѣсь окапчивается. Соціализмъ не только философское ученіе —какъ стоицизмъ, не только религія —какъ христіанство, но съ тѣмъ вмѣстѣ *ученіе политическое*. Соціализмъ не говоритъ "царство мое не отъ міра сего", онъ ничего не признаетъ "цезаревымъ": Онъ утверждаетъ что его царствованіе здѣсь и для доказателства беретъ оружіе.

Новый соціализмъ не только имѣетъ мучениковъ, но и битвы; Іюньскіе дни 1848 г., возстаніе деревень въ декабрѣ 1851. Соціализмъ дерется и по этому-то я вѣрю, что политическая жизнь во Франціи и во всемъ Западѣ не изсякла, а пріостановилась.

Еслибъ первые христіане дрались, еслибъ ихъ мученики показали меньше долготерпѣнія и больше отпора, можетъ они внесли бы иные элементы своего равенства въ жизнь, и соціальные зародыши, оплодотворенные политическимъ ученіемъ, иначе бы развились.

Не впадемъ-же и мы въ ихъ ошибку, не будемъ дѣлить того что природа сочетала, нѣтъ въ пей ни матеріализма, ни спиритуализма, всторону всякій дуализмъ. Нѣтъ соціализма безъ республики; нѣтъ республики безъ соціализма!

Вы согласны со мной, я это знаю, и искренно радъ этому.

Читая ваши сочиненія, я вижу ясно двѣ цѣли вашей дѣятельности; съ одной стороны, вы хотите уяснить Россіи ея революціонное призваніе, возбудить ея дремлющую мысль съ другой, вы стараетесь чтобъ Западъ и Россія поняли другъ

друга на почвѣ революціи, чтобъ будущее единство народовъ основалось не на самовластіи, а на свободѣ, было бы вольнымъ братскимъ признаніемъ другъ друга. Я не знаю цѣли въ наше время, которая была бы выше и благороднѣе вашей.

Для насъ людей Запада, идущихъ по одной дорогѣ, несмотря на большое число наше, успѣхъ вашихъ усилій можетъ важнѣе нежели для васъ. Для славянскаго міра современная борьба не есть вопросъ жизни и смерти, въ то время какъ мы можемъ погибнуть въ свирѣпыхъ объятіяхъ двухъ бойцевъ. Вамъ нечего терять въ этой войнѣ, напротивъ, она дастъ вамъ внѣшнее противудѣйствіе необходимое для развитія юныхъ силъ, для приведенія ихъ къ сознанію—вы будеет жить; дикою-ли силой врываясь въ Европу, или симпатически соединяясь съ ея народами. Наше положеніе не таково.

Но нашему крику работниковъ—отвѣчаетъ таже потребность правъ и орудія работы, "вольности и земли" русскихъ крестьянъ, и мы революціонныя ведеты обоихъ сторонъ, подаемъ, черезъ поля облитыя кровью, другъ другу руки и обнимаемся какъ братья.

Пусть-же свѣтится "Полярная Звѣзда", чтобъ ожидая зари разумнаго сознанія, заблудившіеся народы не разорвали своими руками новый Союзъ свободы.

А. ТАЛАНДЬЕ.

Лондонъ, 13 Іюля 1855 года.

КЪ НАШИМЪ

Въ Римѣ, новорожденнаго клали женщины у порога отцовскаго атріума и принесшіе его ожидали съ благочестіемъ пока отецъ бралъ ребенка на руки, только съ этой минуты онъ дѣлался сыномъ. Мы кладемъ у порога Россіи первую книжку "Полярной Звѣзды" и ждемъ съ довѣріемъ и самоотверженіемъ усыновите-ли вы ее, узнасте-ли вы въ ней хоть слабый отблескъ "Полярной Звѣзды" Рылѣева и Бестужева.

Въ бродячей жизни изгнанниковъ, оторванные отъ нашей почвы, мы не имѣемъ тѣхъ средствъ, которые были у нашихъ великихъ предшественниковъ; у насъ нѣтъ Пушкиныхъ и Грибоѣдовыхъ въ числѣ сотрудниковъ; все что мы приносимъ — это добрая, чистая воля, слово свободное какъ воздухъ и помощь западныхъ друзей.

Вопросъ о томъ, поддержите-ли вы насъ или нѣтъ, чрезвычайно важенъ. По отвѣту можно будетъ судить о степени зрѣлости русской мысли, о силѣ того что сгнетено теперь.

Мы готовы ждать, долго ждать какъ совѣтуетъ почтенный другъ нашъ Мишле, но наконецъ безъ статей изъ Россіи, безъ читателей въ Россіи "Полярная Звѣзда" не будетъ имѣть достаточной причины существованія.

Ледъ разбитый пушками тронулся, вся земля въ движеніи, мышцы и нервы натянуты, новое царствованіе не успѣло еще окостенѣть какъ прежнее. Если вамъ теперь нечего сказать, или не хочется говорить, если вамъ достаточно дѣлать блѣдные намеки, въ вашихъ глухонѣмыхъ журналахъ, тогда мы съ горестью должны отказаться отъ нашей мысли и

вмѣсто русскаго обозрѣнія издавать обозрѣніе о Россіи. Тогда "Полярная Звѣзда" будетъ выходить на французскомъ языкѣ и изъ органа пропаганды дома, сдѣлается органомъ союза и сближенія.

Ваше молчаніе, мы откровенно признаемся, нисколько не поколеблетъ нашу вѣру въ народъ русскій и его будущее; мы только усомнимся въ нравственной силѣ и годности нашего поколѣнія.

Издавая наше обозрѣніе на французскомъ языкѣ, мы увѣрены въ успѣхѣ, тутъ намъ спрашивать нечего. Общественное мнѣніе, передъ раздраженіемъ котораго мы должны были на время умолкнуть въ началѣ 1854 года, совсѣмъ не то.

Годъ войны многому научилъ.

Тѣмъ не меньше тяжелъ будетъ для насъ ударъ вашего молчанія. Неужели мы такъ выродились со временъ Пестеля и Рылѣева, что сдѣлались болѣе учеными доктринерами и менѣе способными на дѣло, на отвагу? Развѣ мы не той-же крови, какъ севастопольскіе бойцы, или и объ насъ скажутъ какъ о французахъ: "что мы боимся всего — кромѣ ружейныхъ выстрѣловъ".

Все васъ зоветъ участвовать въ нашемъ трудѣ. У насъ нѣтъ никакой системы, никакого ученія. Мы равно приглашаемъ нашихъ Европейцевъ и нашихъ Панславистовъ, умѣренныхъ и неумѣренныхъ, осторожныхъ и неосторожныхъ. Мы исключаемъ одно то, что будетъ писано въ смыслѣ самодержавнаго правительства, съ цѣлью упрочить современный порядокъ дѣлъ въ Россіи, ибо всѣ усилія наши только къ тому и устремлены, чтобъ его замѣнить свободными и народными учрежденіями. Что-же касается до средствъ, мы открываемъ настежъ всѣ двери, вызываемъ на всѣ споры. Мы не отвѣчаемъ за мнѣнія, изложенныя не нами; намъ случалось уже печатать вещи прямо противуположныя нашему убѣжденію — но сходныя въ цѣли. Роль цензора намъ еще противна со временъ русской жизни.

Несогласіе въ прикладныхъ вопросахъ стало не можетъ быть причиной отказа. "Полярная Звѣзда" одинъ существу-

ющій въ мірѣ свободный органъ для русскаго слова — не забудьте этого.

Съ другой стороны, взгляните на обстоятельства, середь которыхъ мы начинаемъ нашъ трудъ. Война реветъ. Въ народныхъ толпахъ развили всѣ злыя чувства національной ненависти и жаднаго патріотизма; въ толпахъ второго порядка, разбудили чувства болѣе разумныя крестоваго похода за просвѣщеніе и свободу; и тѣ и другіе отлучили отъ человѣчества и отъ любви цѣлый народъ.

Середь этого раздраженія, середь грохота пушекъ, пороховаго дыма и дымящейся крови, середь стона раненыхъ и всеобщаго гвалта, поднимается голосъ, просящій, въ Лондонѣ, испытанныхъ воиновъ свободы, помочь ему въ пропагандѣ русскому народу; предлагающій не жечь села и усадьбы съ союзниками, а проповѣдывать ему волю, не унижать его, а поднять; голосъ—утверждающій, что въ Русскомъ народѣ не только есть начало революціонное, но соціальное, которое слѣдуетъ развить . . . это безуміе, но такова была еще на днѣ души нашей вѣра въ западнаго чедовѣка, что мы сдѣлали это безуміе.

Что-же вышло изъ того?

Неутомимые бойцы мысли и дѣла, апостолы независимости и новаго общественнаго порядка, люди, имя которыхъ связано съ остальными благородными воспоминаніями послѣднихъ лѣтъ—эти сильные, которые устояли съ немногими, не склоняя головы, не падая отъ утомленья и обидъ, середь повальнаго униженія всей Европы,—Они-то намъ протягиваютъ, по первому призыву, дружескую руку. Они поняли, что ихъ мѣсто съ врагами русскаго самовластья, а не съ врагами русскаго народа.

в. гюго, j. маццини, и. мишле. луи блан, п. прудонъ съ нами!

Николай оканчивалъ свои манифесты, говоря "съ нами Богъ", намъ ненужна помощь царскаго бога, съ нами революція, съ нами соціализмъ!

Глубоко тронутые, принимаемъ мы это рукоположеніе.

Для насъ привыкнувшихъ долгое время дѣлить съ одними изъ нихъ тяжесть настоящаго, съ другими горькій хлѣбъ изгнанія... участіе ихъ кажется до того естественнымъ, необходимымъ, что мы забыли ихъ благодарить. Но тѣмъ не менѣе смыслъ этого соединенія глубокъ.

"Полярная Звѣзда" можетъ быть всходитъ тоже надъ колыбелью.

Надъ колыбелью новаго нарождающагося союза, новаго карбонаризма, открытаго, всенароднаго, въ которомъ соединятся свободные обоихъ сторонъ и который не можетъ быть полонъ безъ русскаго элемента, какъ сказалъ знаменитый историкъ въ своемъ письмѣ.

Мысли о славянскомъ мірѣ, пробивающіяся тамъ—симъ, въ распространеніи которыхъ долею мы участвовали сами, казались странными въ 1849 году, преступными въ 1854—кажутся истинными въ 1855 году. Это зарницы, которыми будущее прорывается въ удушливую, тяжелую атмосферу Европы, носящую въ растворѣ гніеніе цѣлаго разлагающагося міра.

Западные друзья наши подали намъ руку, потому что они почуяли что-то живое и обѣщающее внутри молчащаго міра нашего. Такъ встарь бывали рудокопы, которые чувствовали глубоко подъ землею металическія жилы—останавливались... искали—и находили.

Ихъ довѣріе покаместъ даръ—оправдайте его.

Неужели одной кровью невинныхъ вѣковъ снаиваются народы, неужели руку легче подавать черезъ трупы? Теперь какъ время переселенія народовъ!...

Я вѣрю въ мощь слова, я вѣрю въ мирное соединеніе на одно общее дѣло. Народность—любовь къ своимъ, незначитъ ненависть къ другимъ. Что сдѣлалось изъ справедливой ненависти Поляковъ къ Русскимъ? При первомъ откровенномъ словѣ любви и примиренія Поляки и Русскіе указали на общаго врага и обнялись. Вотъ какъ важно высказываться; молчаніе знакъ затаенной мысли, гораздо больше, нежели согласія.

Что-же вышло изъ этого сближенія польскихъ изгнанниковъ съ гонимыми Русскими? То, что Поляки желаютъ чтобъ мы были свободны, а мы чтобъ Польша была независима. И желаемъ этого искреннѣе многихъ западныхъ друзей ея. Они хотятъ возстановить Польшу противъ Россіи, хотятъ сдѣлать изъ нея "лагерь а не форумъ", какъ сказалъ Наполеонъ Парбону(*), и защититься ея славянской грудью отъ насъ. Мы хотимъ Польшу свободную и самобытную для того, чтобъ не было наконецъ никакой причины раздора съ Европой. Призваніе Польши — этотъ миръ, а не эта война; она не пограничная стража Европы, не заборъ между двумя семьями человѣчества, а посредница ихъ. Она, съ славянской кровью въ жилахъ и съ европейскимъ образованіемъ въ нравахъ, назначена судьбой быть великимъ camp du drap d'or—этой встрѣчи. Она, соединитъ своими мужественными руками руки единоборцевъ, не обливая ихъ снова своею собственною кровью. Ей не нужно больше жертвъ; ея святыя кладбища должны ороситься не ея кровью, а нашими слезами.

Первая панихида Пестелю и его товарищамъ была пѣта въ Варшавѣ. Мы первые склонимъ колѣни передъ могилами защитниковъ польской вольности!

Рѣчь Бакунина, положившая начало дружбы между гонимыми Русскими и польскими изгнанниками, была произнесена въ великую годовщину варшавскаго возстанія, наканунѣ февральской революціи.

Сегодня наша мрачная годовщина.

Двадцать девять лѣтъ тому назадъ, въ подобный день, на разсвѣтѣ, погибли подъ рукой палача пять русскихъ мучениковъ, гордо и величаво погибли они, не прощая врагамъ, а завѣщая намъ свое дѣло.

Что сдѣлали мы?...

Но былаго не перемѣнишь... осталось нѣсколько дней впереди еще и у насъ. Проснитесь-же къ дѣятельности, дайте волю вашей мысли, вашему плачу, вашему несогласію съ нами—если оно есть.

(*) Mémoires de Villemain, 1855.

Бѣдную свѣчку затеплили мы для нынѣшняго дня, на чужбинѣ съ чужими, отъ васъ зависитъ поддержать и раздуть ея пламя. И еслибъ когда-нибудь мы могли сказать себѣ, что мы сколько-нибудь способствовали къ основанію русской пропаганды за границей и взаимному пониманію вашему съ революціонной Европой—цѣлая жизнь, пожертвованная одной мысли была бы заплачена. Здѣсь я прошу позволеніе сказать нѣсколько словъ отъ своего имени.

Побѣду Николая надъ пятью торжествовали въ Москвѣ молебствіемъ. Середь Кремля Митрополитъ Филаретъ благодарилъ Бога за убійства. Вся царская фамилія молилась, около нея сенатъ, министры, а кругомъ на огромномъ пространствѣ стояли густыя массы гвардіи, колѣнопреклоненныя безъ кивера и тоже молились; пушки гремѣли съ высотъ Кремля.

Никогда висѣлицы не имѣли такого торжества; Николай понялъ важность побѣды!

Мальчикомъ четырнадцати лѣтъ, потеряннымъ въ толпѣ, я былъ на этомъ молебствіи и тутъ передъ алтаремъ, оскверненнымъ кровавой молитвой, я клялся отомстить за казненныхъ, и обрѣкалъ себя на борьбу съ этимъ трономъ, съ этимъ алтаремъ, съ этими пушками. Я не отомстилъ; гвардія и тронъ, алтарь и пушки, все осталось—но черезъ тридцать лѣтъ я стою подъ тѣмъ-же знаменемъ, котораго не покидалъ ни разу...

Только эта давность и даетъ мнѣ тѣнь права именемъ великихъ мучениковъ, нынѣшняго дня звать васъ на участіе.

И—РЪ.

Ричмондъ (подъ Лондономъ) 13/25 Іюля 1855 года.)

Письмо И. Мишле вы читали. Вотъ что пишутъ къ намъ Дж. Маццини, В. Гюго, П. Прудонъ.

I.

Любезный Герценъ.

Я получилъ ваше письмо и програму "Полярной Звѣзды". Мое имя не много значитъ, но оно вполнѣ съ вами. Ваша первая книжка выходитъ слишкомъ скоро, у меня нѣтъ теперь свободнаго времени; къ слѣдующей книжкѣ я непремѣнно пришлю что-нибудь; покамѣстъ пусть эти строки свидѣтельствуютъ о моемъ сердечномъ сочувствіи вашему предпріятію, о живомъ участіи къ нему итальянскихъ республиканцевъ, я смѣло могу говорить отъ ихъ имени и увѣрить васъ, что они съ любовью будутъ слѣдить за успѣхомъ вашего начинанія.

Война русскому самовластью, миръ русскому народу—какъ вы говорите, народу будущаго, который теперь представленъ меньшинствомъ, но меньшинствомъ назначеннымъ рости. Съ начала моего вступленія на поприще, въ моемъ первомъ политическомъ сочиненіи, въ 1831 году, имя Пестеля и его товарищей-мучениковъ, явилось невольно въ умѣ моемъ рядомъ съ именемъ Менотти и нашихъ мучениковъ Италіи.

Мы братья въ борьбѣ которую ведемъ, такъ какъ они были братья въ общемъ отечествѣ людей. Мы вѣримъ въ народность, но на насъ слишкомъ много ошибокъ, чтобъ быть исключительно національными.

Я полагаю, что теперь самое время для вашего изданія.—Содной стороны хорошо противупоставить безсмысленнымъ крикамъ противъ Россіи, возбужденнымъ современной войной,

голосъ, говорящій что не вся Россія въ царѣ, что тогда-то, въ такой-то день и часъ въ Россіи люди умирали за свою свободу и за свободу другихъ, что и тамъ вѣетъ божественное дуновеніе, оплодотворяющее зародыши иной будущности. Съ другой стороны хорошо, чтобы Русскіе сказали Русскимъ чего отъ нихъ ожидаетъ революціонная Европа, чтобъ протянуть имъ руку; пусть они знаютъ, что въ тотъ день, въ который они скажутъ Польшѣ—будь свободная сестра наша, сознаютъ себя не слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ царя и захотятъ изторгнуть изъ когтей Пруссіи и Австріи два клочка славянскаго міра, которымъ онѣ завладѣли — въ тотъ день Европа признаетъ Россію за великій народъ и благословитъ его.

Народъ русскій пойметъ этотъ языкъ; онъ дастъ теперь такой примѣръ преданности и твердости, что не можетъ не сознавать яснѣе своей цѣны. Вы справедливо спрашиваете въ вашей программѣ—неужели защитникъ Севастополя снова подставитъ свою спину палкѣ, и руки цѣпямъ.

Не знаю чѣмъ кончится эта война, но я не вижу зачѣмъ мощному единству Россіи пасть передъ безобразнымъ соединеніемъ французскаго деспотизма съ монархическо-аристократической свободой Англіи. Но побѣжденный или побѣдитель—народъ русскій пойметъ что онъ Россія, а не царь.

Вашъ другъ

ЈОСИФЪ МАЦЦИНИ

Лондонъ, 22 Іюля 1855 года.

II

...Въ ожиданіи всемірной Республики, у насъ одно отечество—ссылка, въ ней мы сограждане и я съ большой радостью присоединяюсь къ вашему предпріятію, которое нахожу превосходнымъ. Ваше стремленіе имѣетъ ту-же цѣль, расторгнуть то, что соединено—царей; соединить то что разторгнуто—народы. Вы провозглашаете крикъ свободы на родномъ языкѣ и хотите примирить великую славянскую семью народовъ съ другими великими семьями человѣчества. Это дѣло европейское, обще-человѣческое и очень умное. Ваше обозрѣніе—одно изъ благороднѣйшихъ знаменъ идеи, я поздравляю васъ, я благодарю, и рукоплещу вамъ.

Вы можете положиться на всякаго рода содѣйствіе съ моей стороны и на полнѣйшую симпатію. Мое сочувствіе предупредило ваше желаніе знать мое мнѣніе.

Сверхъ прочаго, минута избранная вами для того, чтобъ начать рѣчь о соединеніи и любви чрезвычайно удачна. Тяжело время разгрома, ударовъ и молній, но изъ-за такихъ то тучь и являются кивоты Союза.

Я вамъ братски жму руку,

ВИКТОРЪ ГЮГО.

Маринъ Терасъ, (Жерсей) 25 Іюля 1855 года.

III

... Я васъ сердечно благодарю что вы не забыли меня при составѣ вашего обозрѣнія. Мнѣнія наши, сколько я знаю, совершенно сходны, круговая порука связуетъ наши цѣли, надежды наши смѣшиваются. Съ одного конца Европы до

другаго, таже мысль, таже молнія озаряетъ всѣ свободныя сердца. Не говоря другъ съ другомъ, не переписываясь, хотимъ мы того или нѣтъ, но мы другъ другу сотрудники—я вамъ пришлю статью какъ скоро что-нибудь кончу, и во всякомъ случаѣ, живой или мертвый, я буду и остаюсь сотрудникомъ "Полярной Звѣзды". . . . .

П. Ж. ПРУДОНЪ.

Парижъ, 23 Іюля 1855 года.

Книжка наша была уже отпечатана, когда мы получили тетрадь стихотворсній ПУШКИНА, ЛЕРМОНТОВА и ПОЛЕЖАЕВА, часть ихъ помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ. Мы не знаемъ мѣры благодарности за эту присылку . . . наконецъ то!—накопецъ то!

Еще прекрасная новость, которой мы спѣшимъ подѣлиться съ читателями, мы получили вчера письмо полное симпатіи отъ ЮАХИМА ЛЕЛЕВЕЛЯ—благодарность искренная, сердечная великому Славянину.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Примѣчанія къ статьѣ: что такое государство?

1) Почему обыкновенно въ предисловіяхъ читателя предполагаютъ благосклонными не только именитые авторы, извѣстные любимцы публики (у нихъ на то есть основанія), но и люди новые, неизвѣстные въ литературѣ, особенно если эти люди выступаютъ на поприще съ разсужденіями, съ рефлекціями? ...

Вѣдь разсужденіе—судъ, разбирательство тяжбы, возникшей въ умѣ писателя между двумя мнѣніями. Одно изъ нихъ есть то, котораго писатель прежде держался; другое есть возникшее въ немъ позже, въ противоположность первому. Когда онъ излагаетъ ихъ, онъ приписываетъ старое свое мнѣніе читателю, новое же представляетъ онъ какъ лично ему принадлежащее. И такъ, съ самаго начала между писателемъ и читателемъ споръ, полемика, а вовсе не обоюдная благосклонность.

Если при изданіи своего разсужденія авторъ не ошибся насчетъ занимательности для посторонняхъ процесса, происшедшаго въ его собственномъ умѣ; если онъ не ошибся, полагая, что прежнее его мнѣніе доселѣ еще раздѣляется его читателями, а недавно въ немъ возникшее с о - м н ѣ н і е ново и для нихъ; то онъ въ собственныхъ своихъ чувствахъ имѣетъ данную, по которой можетъ представить себѣ тѣ, которыя его книга возбудитъ въ читателяхъ. Какъ было у него на сердцѣ въ ту минуту, когда въ немъ возникло новое мнѣніе, возстало противъ прежнихъ его убѣжденіи, когда начался споръ между тѣмъ и другими и онъ еще не успѣлъ разобрать его, синтезировать противурѣчія?

Если онъ искатель парадоксовъ, если онъ думаетъ для того, чтобъ найдти сказать что бы то ни было новое, оригинальное, и себя тѣмъ выказать, онъ обрадовался находкѣ. Такъ-же обрадуется ей и читатель охотникъ до новинокъ, перелистывающій книги съ цѣлью выбрать изъ нихъ чѣмъ бы при случаѣ пустить пыль въ глаза.

Если авторъ и читатель движимы чистой любознательностію, они встрѣчаютъ новое мнѣніе безстрастно.

Но оба эти случая рѣдки. Большая часть людей ни дилетанты діалектики, ни скептики, въ полномъ значеніи этого слова, т. е. искатели истины, а особы дѣловыя, мыслящія изъ практическаго интереса. Думать составляетъ для нихъ трудъ, которому они подвергаются, чтобъ имѣть или, точнѣе сказать, чтобъ вывѣрить планъ своей дѣятельности. Снимаемое на планъ есть міръ, — міръ доступный чувственнымъ органамъ человѣка. Эти органы и кладутъ первыя начертанія въ планѣ (: міросозерцаніи :), мышленіе служитъ лишь дополнительнымъ средствомъ къ чувствамъ. Еще нѣсколько изобрѣтеній подобныхъ телескопу и микроскопу, сказалъ Фонтенель, и люди увидятъ себя избавленными

отъ труда мыслить. На сколько счелъ бы онъ насъ приблизившимися теперь къ этой цѣли, еслибъ онъ зналъ, что мы покрываемъ нашъ земной шаръ линіями электрическихъ телеграфовъ, уничтожающими ощутительнымъ образомъ для мысли двѣ, по Канту, первыя ея формы: время и пространство!... Умозрѣніе примѣнимо лишь къ тому, что недоступно непосредственно, то-есть: съ разу, простому зрѣнію, или вообще ощущенію, частью по обширности, частью по мелкости (инфинитезимальности) своей. Ему дѣла нѣтъ до ясно видимаго, до достовѣрнаго, а только до того, что смутно, сбивчиво внимаемо нами въ себя, гдѣ мы не чувствуемъ, а чуемъ, о чемъ у насъ споры, сомнѣнія, противурѣчащія другъ другу предположенія или догадки.

— Но откуда предположенія, разборомъ которыхъ занятъ умъ?

Отъ того отправленія, которое называется фантазіей, воображеніемъ, могло бы, мнѣ кажется, еще выразительнѣе быть называемо соображеніемъ, и которое состоитъ въ сочиненіи въ цѣльныя, общія картины (планы) образовъ явленій, внимаемыхъ нами въ себя посредствомъ чувствъ постепенно, по частямъ. Лишь когда воображеніе путается въ сложеніи нѣкоторыхъ образовъ, наступаетъ дѣятельность ума-разсудка, аналитики или критики, дающая для построенія геометрическихъ формъ воображенія свои алгебраическія формулы.—Въ образахъ умъ разбираетъ именно неясно-видимыя, загадочныя, спорныя ихъ межи, очерки, предѣлы. Онъ разнимаетъ образы (по гречески называемые идеи), оспаривающіе другъ у друга мѣсто, и поэтому называется разумъ (отъ слова: разъять); онъ раздѣляетъ между ними мѣста, стараясь дать каждому свое, и поэтому Нѣмцы называютъ его способностью дѣленія (Urtheilskraft); онъ опредѣляетъ какъ какому образу слѣдуетъ быть, чтобъ всѣ могли умѣститься въ одномъ планѣ міра, или, какъ простонародно говорятъ, въ головѣ человѣка.

Тѣ части нашего плана міра, въ которыхъ образы улеглись безъ труда, безъ умственнаго напряженія, не отмѣчаются у насъ въ памяти яркой краской. Объ нихъ мы отзываемся: "само собою разумѣется". Намъ остаются памятны, замѣчательны, дороги только нѣкоторые пункты въ тѣхъ областяхъ, гдѣ мы долго не могли догадаться, какъ согласовать представившіяся противурѣчія. Эти пункты межевыя ямы вырытыя вслѣдствіе тяжбъ, озадачившихъ, поставившихъ было въ тупикъ нашу думу-судъ. Ихъ называемъ мы нашими убѣжденіями; ихъ касаться мы не охотно позволяемъ.

Но хотя богатство знанія человѣка состоитъ въ памятованіи лишь того, какъ рѣшается извѣстное количество затруднительныхъ случаевъ или вопросовъ, встрѣтившихся людямъ при сочиненіи ихъ міросозерцанія (общественнаго мнѣнія, sens commun тожъ), тѣмъ не менѣе все міросозерцаніе, весь планъ міра въ каждую минуту присущъ человѣку.

Чтобъ быть въ состояніи дѣйствовать энергически хоть въ одной малѣйшей области, ему нужно имѣть увѣренность, что въ цѣломъ его планѣ нѣтъ погрѣшности, что этотъ планъ все обнимаетъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, словомъ, что нѣтъ ничего неизвѣстнаго человѣку. Такая вѣра, говорю я, нужна каждому для рѣшительности въ дѣйствіяхъ, еслибъ онъ былъ и величайшій спеціалистъ: каждый изъ насъ болѣе или менѣе ясно сознаетъ, что намъ надобно знать всѣ части міра, хотя бы уже для того только, чтобъ умѣть опредѣлить которыя изъ нихъ имѣютъ вліяніе, которыя нѣтъ, на нашу спеціяльность;

кому не все вообще извѣстно, тотъ и ничего частнаго не можетъ знать въ совершенной подробности.—Безъ чего, по нашему мнѣнію, намъ нельзя или очень трудно быть, о томъ мы весьма склонны думать, что оно дѣйствительно есть у насъ; поэтому большинство людей полагаетъ, что оно имѣетъ это необходимое для твердости въ дѣйствіяхъ знаніе.

Дѣловые люди никогда и не ищутъ неизвѣстнаго. Когда такое, что они еще ни разу не видали, является передъ ними, оно предстаетъ предъ ними безъ ихъ спроса, не по ихъ волѣ, случайно. Доселѣ не только

"И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно",

но и познаемъ точно такъ-же.

Случайно—значитъ: вслѣдствіе либо того, что предметы переставились, измѣнили свое положеніе относительно къ зрителю, что они повернулись къ нему, новыми сторонами, очутились его глазамъ въ новомъ свѣтѣ, либо что самъ зритель безнамѣренно перемѣнилъ свое мѣсто, свою точку зрѣнія.

Вспомнимъ, что для того, чтобъ человѣкъ взялъ живо во вниманіе являющееся передъ нимъ, оно должно показаться ему сколько-нибудь особеннымъ (sonderbar, vom Uebrigen sich absonderend, abstechend), страннымъ, чуждымъ, противорѣчащимъ всему ему дотолѣ привычному, несовмѣстнымъ со всѣмъ ему дотолѣ знакомымъ.—Къ намъ чуждому мы сначала не благосклонны; уже самое открытіе существованія чего-либо намъ бывшаго неизвѣстнымъ обличаетъ, что до тѣхъ поръ наше воззрѣніе на міръ было недостаточное. И потому первое естественное наше побужденіе при встрѣчѣ неизвѣстнаго отрицать его, уничтожить; второе, если опровергнуть дѣйствительность новаго намъ не удастся,—стараться открыть и доказать, что оно ничто иное какъ съ перваго взгляда не узнанный нами одинъ изъ давно уже знакомыхъ намъ предметовъ. Поэтому нашъ первый вопросъ: Что такое? Was ist das? Qu'est-ce que c'est?—Въ этомъ вопросѣ первое мѣстоимѣніе (Что, Was, Qu'est) означаетъ предметы внесенные въ наше міросозерцаніе, вторымъ (Das, Такое, Ce que c'est) указываемъ мы на подлежащее вниманію или чувствамъ. Не о самомъ бытіи неизвѣстнаго спрашиваемъ мы; мы озабочены лишь узнать, к о т о р о е оно изъ извѣстныхъ; мы съ самаго приступа хотимъ опредѣлить неизвѣстное какъ нѣчто извѣстное. А это именно доказываетъ существованіе въ нашемъ умѣ п р е доположенія, что намъ в с е извѣстно.

Если намъ удалось либо опровергнуть дѣйствительность новаго, либо подвести его подъ имѣющіеся у насъ въ головѣ готовые образы, роды или понятія (три слова означающія, по мнѣ; одно и то-же), дѣло вниманія нашего кончено, оно отворачивается отъ предмета.—Но если ни то, ни другое не удается, тогда начинается для насъ работа:—Пришельца надо опредѣлить, пристроить къ мѣсту, всѣлить въ составленный нами себѣ планъ вселенной, для того чтобъ этотъ планъ, былъ вѣрный снимокъ дѣйствительности, а въ немъ всѣ мѣста оказываются занятыми!—Чтобъ очистить новому образу уголокъ, намъ приходится переставить перестроить прежде пріобрѣтенные. Тогда-то мы поднимаемъ старину, и то о чемъ мы думали, что оно само собою разумѣется, и дѣла почтенныя нами конченными и какъ таковыя отложенныя въ архивъ памяти, мы перебираемъ, тревожимъ эти понятія, требуя отъ каждаго изъ нихъ отчетъ, почему оно такъ, а ни уже ни шире, расположилось въ нашей головѣ.

Только по поводу с л у ч а й н о находимаго нами новаго, обращаемъ мы вниманіе

на понятія, принятыя нами издавна безъ критики, и на однажды рѣшенные вопросы, и открываемъ, что живя на нихъ, мы жили на недоразумѣніяхъ, на недоговоркахъ, подъ одними и тѣми-же словами представляли себѣ разное, и на оборотъ, — изъ чего происходили раздоры внутри отдѣльныхъ людей и въ обществахъ.

Но вотъ наконецъ намъ удалось умѣстить старыя и новое понятія въ одной общей рамѣ (обобщить), и мы празднуемъ, думая, что вотъ теперь-то наконецъ у насъ все окончательно въ головѣ улажено, мы д о г а д а л и с ь какъ что къ чему въ мірѣ относится, наша игра въ grand patience, называемая Система, вышла, остается только приложить ее къ дѣлу, поставить предметы въ ихъ нормальныя взаимныя отношенія ... А тутъ, смотришь, снова выказывается какая-нибудь невидаль, требуетъ быть принята въ соображеніе, въ планъ, не находитъ себѣ въ немъ мѣста свободнаго отъ постоя, и—намъ снова приходится перетасовать карты, приняться за передѣлку Идеи ...

— И вѣчно будетъ такъ идти?

Мыслить значитъ опредѣлять; опредѣлять значитъ отыскивать предѣлы. Поэтому, что метафизики ни говори, ничто безконечное, безпредѣльное не постижимо мысли.—Въ дѣлѣ нашего умственнаго развитія нельзя не принять, что какъ бы обширенъ ни былъ міръ, подлежащій нашему разпознаванію, онъ однакожъ ограниченъ, потому-что наши ограны, каждый въ своей сферѣ, не безпредѣльно воспринимаютъ. Нельзя и допустить также, что число всевозможныхъ перестановленій предметовъ относительно къ человѣку никогда не будетъ исчерпано, т. е. придетъ-же когда-нибудь время, въ которое они уже не будутъ представляться намъ съ еще невиданныхъ нами сторонъ.—Когда всѣ доступные человѣческому вниманію предметы будутъ впесены въ память во всѣхъ своихъ разныхъ видахъ, когда мы все разомъ обоймемъ, окинемъ однимъ взоромъ, тогда будетъ и послѣдній судъ, послѣднее разсужденіе, окончательное опредѣленіе, размѣщеніе, устройство (въ мірѣ человѣческомъ, на планетѣ Землѣ).

Но пока мы не убѣждены, что для насъ подлинно уже ничто не ново подъ луною, мы въ разсужденіяхъ нашихъ похожи на судей, которые не увѣрены, всѣ-ли обстоятельства дѣла имъ раскрыты и которые оттого, по справѣдливости, не могутъ полагать безаппелляціонныхъ приговоровъ. Наши системы, наши классификаціи доселѣ ничуть не положительныя, а предположительныя; онѣ держатся именно на той гипотезѣ, что опытъ впредь не откроетъ ничего что бы уже ни было извѣстно или противорѣчило доселѣ извѣстному. Онѣ все болѣе или менѣе тщательно разработанныя пропедевтики ("начальныя основанія", "элементы" наукъ), но далеко еще не энциклопедіи.

Это слѣдовало бы намъ постоянно держать у себя на памяти, чтобъ не з а к л ю ч а т ь наши понятія въ замкнутыя, принудительныя, абсолютныя системы съ тою-же спѣшностію, съ какою мы сами смыкаемся въ безусловные союзы.—Это слѣдовало бы намъ не упускать изъ виду, чтобъ быть въ состояніи идти впередъ —къ цѣли нашей—съ отверзтыми объятіями всему новому, что можетъ встрѣтиться намъ на пути.

Но понынѣ мы совершенно одинаково поступаемъ въ сочетаніи мыслей и въ

сочетаніяхъ самихъ себя, въ обобщеніи понятій и въ общеніяхъ или обществахъ людскихъ. И тамъ и тутъ нашъ образъ дѣйствія отзывается юношествомъ. Въ познаніи равно какъ въ практической жизни мы бредемъ на угадъ, встрѣчаемъ новое, и первое наше чувство притомъ обыкновенно — негодованіе, досада, — именно на новое во имя стародавняго, осѣдлаго, пріобрѣтеннаго, которое мы считали за все (pars pro totum). Когда мы не можемъ не признать дѣйствительность новаго, то второе наше чувство обыкновенно опять досада, но въ этотъ разъ на старое, за то что оно сперва казалось намъ цѣлостнымъ, а потомъ оказалось несостоятельнымъ противъ новаго. Послѣднему мы тогда не только даемъ мѣсто, но ставимъ его превыше всего остальнаго, дѣлаемъ его господствующимъ надъ всѣми прочими нашими понятіями, представителемъ всѣхъ ихъ (pars pro totum). Такъ мечемся мы изъ спиритуализма въ матеріализмъ, изъ идеализма въ эмпиризмъ, и обратно. Въ Библіи разсказывается, что Іаковъ однажды ночью встрѣтился съ незнакомцемъ. Они немѣдленно вступили въ борьбу и боролись до разсвѣта. Наконецъ Іаковъ увидѣлъ, что ему не одолѣть незнакомца. Этотъ намѣренъ былъ удалиться. Іаковъ задержалъ его и просилъ, передъ отходомъ дать ему свое благословеніе.—Это эмблема всего нашего образа дѣйствія понынѣ. — Не только непросвѣщенные, но и ученые между нами по большей части не скептики, а безусловно во что-нибудь вѣрующіе, фанатики, и поэтому судятъ то милостиво, то гнѣвно. А между-тѣмъ не патетическій, но именно скептическій взглядъ на свое разсужденіе слѣдуетъ каждому писателю желать отъ читателя. Только съ скептикомъ можно желать вступить въ разсужденіе. Съ людьми-же мнѣній уже завершенныхъ, или какъ Нѣмцы говорятъ: готовыхъ (fertig), а Французы: остановленныхъ (arrêtées), можно съ самыхъ первыхъ словъ находиться только либо въ полномъ согласіи, либо въ страстной враждѣ; въ обоихъ случаяхъ нечего разсуждать.

... Согласовать скептицизмъ съ врожденною человѣку потребностью дѣятельности, съ неискоренимыми влеченіями его сердца, самое важное, но и самое трудное дѣло. Въ другихъ, но болѣе изношенныхъ словахъ, это—согласовать теорію съ практикой, сдѣлать умозрительныя натуры дѣловыми, а практическія не-ослѣпленными фанатиками. Не повторю здѣсь прекрасныя страницы, написанныя объ этомъ предметѣ Жоржъ Зандомъ въ предисловіи къ изданію Исповѣди Руссо, сдѣланному Шарпантье; эти страницы извѣстны и многими по достоинству цѣнимы въ Россіи. Скажу только, что, по мнѣ, человѣкъ послѣднее произведеніе Природы, существо чрезъ которое она стремится устроиться въ нормальный порядокъ, естественнымъ образомъ желаетъ все, что бы онъ ни дѣлалъ, сдѣлать хорошо, т. е. окончательно, въ совершенномъ видѣ, полно, цѣлостно, прочно, вѣковѣчно, такъ чтобъ ему не надобилось впредь возвращаться на однажды содѣланное и передѣлывать его. Равнодушіе къ тому, худо-ли, хорошо-ли что дѣлаешь, признакъ животности; человѣку оно не свойственно. Вслѣдствіе этого равнодушія животныя никогда ничего и не оканчиваютъ, не завершаютъ, не рѣшаютъ, не заключаютъ, а остаются при одномъ и томъ-же образѣ дѣйствія (*). Только человѣкъ покамѣстъ переходитъ отъ одного быта къ другому,

(*) Эта неизмѣнность принимаема сентиментальными поклонниками Природы за знакъ непогрѣшительности инстинкта животныхъ, который они вслѣдствіе

изъ одного ряда дѣйствій (періода) въ другой, прогрессируетъ,—Но отсюда и торопливость, страстность, нетерпимость въ человѣкѣ, не видимая въ животномъ. Человѣку труднѣе терпѣть; терпѣть, страдать для него одно и то-же.

Нетерпимость—это фанатизмъ, терпѣливость—скептицизмъ.

На первый взглядъ тутъ непримиримая противуположность. Но всматриваясь пристальнѣе, видишь, что скептицизмъ требованіе лишь временное, именно нашего вѣка. Скептицизмъ не противится дѣятельности вообще, онъ не только не препятствуетъ дѣлать опыты, но даже вызываетъ къ тому. Чего онъ не допускаетъ, это безусловныхъ постановленій, торопливыхъ заключеній изъ ряда опытовъ, своевольнаго со стороны человѣка завершенія одного какого-либо періода и перехода въ новый. Скептицизмъ требуетъ, чтобъ заключеніе само-собою вытекало изъ фактовъ, невынужденно, даже неожиданно для человѣка, такъ какъ является послѣднее уравненіе (то именно "что требовалось доказать") въ теоремахъ геометріи доказываемыхъ синтетическимъ путемъ.—Нахожусь-ли я въ эту минуту передъ заключеніемъ одного періода моихъ дѣйствій, моихъ изслѣдованій, моей жизни, этого я теперь, въ эту минуту, не могу знать и узнаю лишь тогда, когда увижу себя уже вступившимъ въ новый періодъ.—Старайся устроить все такъ, чтобъ оно могло стоять вѣчно, говоритъ скептицизмъ, служить постояннымъ и общимъ правиломъ для всего тебѣ извѣстнаго, но помни притомъ, что ты дѣлаешь не болѣе чѣмъ опытъ; и потому, если тебѣ откроется что-либо новое, которому тѣсно подъ сводомъ твоего зданія, которое не подходитъ подъ твое правило, то не гони, не казни это новое, а расширь твое зданіе, обобщи твое правило, чтобъ и нововстрѣтившемуся было въ немъ мѣсто. Несмотря на трудъ передѣлки, у тебя есть причина радоваться появленію новаго: пусть бы лишь скорѣе все уполномоченное на жизнь въ человѣческомъ мірѣ предъявило свои права человѣку. Тѣмъ скорѣе ему удалось бы установить окончательный порядокъ, который не можетъ быть ни для чего частнаго порознь или исключительно, а можетъ быть только всеобъемлющъ.

2) "Даромъ поличили, даромъ и давайте." Евангеліе отъ Матѳея, гл. X, стр. 8. —Proudhon, Qu'est ce que la propriété—Premier mémoire, ch. III, § 7.

3) Нѣтъ добросовѣстнаго Русскаго, который сталъ бы утверждать, что его отечество уже теперь дѣйствительно благоустроенное государство. Покамѣсть Россія это только на видъ, и именно со временъ Екатерины II, которая первая указомъ 1765 года о размежеваніи з а к р ѣ п и л а поземельныя владѣнія въ поземельную собственность.

4) Streit der Kritik mit Kirche und Staat.

5) У древнихъ Римлянъ слова proprietas (собственность) и auctoritas (власть,

---

сего превозносятъ надъ умомъ человѣческимъ. Въ самомъ-же дѣлѣ животныя не лучше, а еще хуже чѣмъ люди, устроили себѣ жизнь. Ссылаюсь на сочиненія К. Фогта: Bilder aus dem Thierleben (стр. 322-3) и Thierstaaten. Уже самое заглавіе послѣдней книги показываетъ, что, по изслѣдованіямъ приводимаго мною ученаго натуралиста, Государственный бытъ не составляетъ исключительную принадлежность человѣческаго рода. Не должно только отсюда заключать, что животныя человѣкоподобны, умны какъ люди, а, на оборотъ, что оставаться вѣковѣчно въ Государственномъ бытѣ подобаетъ животнымъ.

...тычество, владѣніе) были однозначительны, говоритъ Вико въ своихъ Principî Scienza Nuova.

6) Ср. Ев. Мате. гл. XX, стр. 25—27: "Іисусъ сказалъ: вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но между вами не должно быть такъ, а кто изъ васъ хочетъ быть большимъ, тотъ будь вамъ слуга".

7) Ев. Мате. XIX, 16—25.

8) Тамъ-же и X, 9, 10.

9) Ев. Мате, VI, 12: "Прости (остави) намъ долги наши, какъ мы прощаемъ должникамъ нашимъ".

10) Тайная вечерь.

11) Ев. Мате. X, 34—35.

12) Тамъ-же XI, 5.

13) Ев. Марка 1, 45; Іоанна VII, 1 и др.

14) Ев. Луки IV, 6.

15) Ев. Мате. III, 5.

16) Тамъ-же IV, 2: "И постившись 40 дней и 40 ночей, напослѣдокъ взалкалъ. Тогда" и проч.

17) Тамъ-же XXII, 15—22.

18) "Когда-же пришли они въ Капернаумъ, то собиратели подаянія на храмъ подошли къ Петру и сказали: Учитель вашъ не дастъ-ли двѣ драхмы? Петръ говоритъ: дастъ. И когда онъ вошелъ въ домъ, предупредилъ его Іисусъ, говоря: Какъ тебѣ кажется, Симонъ? — Петръ говоритъ ему; съ чужихъ.—Іисусъ сказалъ ему: И такъ сыны свободны!... Но чтобы намъ не соблазнить ихъ, поди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открывъ у ней ротъ, найдешь статирь (4 драхмы). Взявъ его, отдай имъ за меня и за себя".

19) Къ словамъ: "Христосъ наконецъ былъ казненъ какъ Государственный преступникъ", прибавляю выраженія изъ Ев. Луки XXII, 37: "И къ злодѣямъ причтенъ", причемъ прошу взглянуть на 6 строку сверху 16 стр. текста статьи.

Точно также какъ въ прошедшемъ столѣтіи много разсуждали о вопросѣ: представляетъ-ли Гомеръ единичное лицо или слѣдуетъ подъ этимъ именемъ разумѣть совокупность рапсодовъ, воспѣвшихъ осаду Трои; такъ въ нашъ вѣкъ поставили вопросъ: Существовалъ-ли дѣйствительно Іисусъ Христосъ или слѣдуетъ отнести все что о немъ гласитъ преданіе къ судьбамъ первой христіянской общины?—Штраусъ, въ знаменитой своей книгѣ: Leben Jesu, принимаетъ первое, Бруно Бауеръ, въ Kritik der Synoptiker и Kritik Johannis, второе мнѣніе.

20) Дѣянія Апостольскія, VII, 59; VIII, 1, 3; IX, 1.

21) Посланія къ Римлянамъ, XIII, 1—7.

22) къ стр. 29 См, письмо къ Гоголю, напечатанное въ этомъ обозрѣніи, стр. 68.

22 bis) къ стр. 30 См. Les Césars par le etc. F. de Champagny, Paris, 1853. t. 2-me, pg. 397—8.

23) Ев. Мате. VI, 20.

24) Тамъ-же XXVI, 52.

На аксіомѣ,—сказано въ статьѣ на стр. 31,—что значительное число случай-

ностей, вмѣстѣ взятыхъ, выходятъ изъ подъ зависимости слѣпаго, непредвидимаго Случая . . . основаны всѣ нынѣшнія частныя общества застрахованія. — Надобно прибавить :—И не только страховыя общества ; отсюда само нынѣшнее право частной собственности заимствуетъ всю прелесть, которую оно имѣетъ для людей. Прелесть эта состоитъ въ чувствѣ обезпеченности начетъ насущнаго хлѣба. А почему собственникъ обезпеченъ въ этомъ отношеніи ?—Потому, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, подъ рукою (скипетромъ), кромѣ своихъ собственныхъ рабочихъ силъ, рабочія силы еще нѣсколькихъ людей. Чѣмъ больше число тѣхъ, жизненными силами которыхъ богачъ въ силахъ помыкать, рисковать,—которые должны прежде изнуриться, обанкрутиться, пока онъ ощутитъ недоимку, тѣмъ болѣе его положеніе обезпечено. Разница между помѣщикомъ и обладателемъ движимыхъ капиталовъ состоитъ въ томъ, что первому трудно не знать кого онъ изнуряетъ, чтобъ жить въ безпечности ; второй-же можетъ не знать кто именно выращаетъ проценты, составляющіе его доходъ. Оттого у капиталистовъ совѣсть гораздо спокойнѣе чѣмъ у поземельныхъ владѣльцевъ : "они не знаютъ что творятъ"; вѣдь можетъ-быть ихъ цѣлковики, лежа у банкира, сами рожаютъ гривенники, изъ которыхъ составляется ихъ годовой доходъ !

Этимъ-то и дурно нынѣшнее общественное устройство, что существованіе одного человѣка можетъ быть обезпечено тогда лишь, когда онъ въ состояніи рисковать жизнію нѣсколькихъ людей.—И какъ этакая прелестная безпечность достигается !—Просто тѣмъ, что собственникъ наляжетъ, сотворитъ налогъ, на свой капиталъ, на орудіе производства, какъ въ баснѣ Крылова собака на кипу сѣна, самъ не ѣстъ, не потребляетъ его, но и другимъ не даетъ, иначе какъ подъ условіемъ : "да поклонишься и послужишь мнѣ".—Но развѣ въ самомъ-то дѣлѣ положеніе сторожа многимъ чѣмъ завиднѣе положенія затворника? Собака, лежащая на сѣнѣ, не смѣетъ отлучиться отъ него, также какъ волъ не въ силахъ оторваться отъ него, когда у вола нѣтъ въ виду иной пищи. — И такъ люди привязаны къ вещамъ, не вещи подчинены людямъ, и древній стихъ Горація :

Mihi res, non me rebus
Committere decet —

остается pium desiderium.

Ни узникомъ, ни тюремнымъ сторожемъ не хотѣлъ бы я быть ; а желалъ бы жить въ такомъ обществѣ, въ которомъ мнѣ не нужно было бы не только ничего не запирать подъ замокъ, но и ничего не носить при себѣ въ карманахъ, имѣя увѣренность, что коль скоро мнѣ захочется имѣть что-либо для моего собственнаго потребленія, мнѣ стоитъ только приняться за работу и что я найду ее себѣ, если примусь искать ;— я желалъ бы жить въ обществѣ, гдѣ бы могъ сказать беззаботно : omnia mea mecum porto.

25) Заимствовано изъ сочиненія : Russland und die Gegenwart, изданнаго въ 2хъ томахъ (если не ошибаюсь) въ Лейпцигѣ въ 1851 г. и принисываемаго г. Буддеусу.

26) Кн. Неемін, глава V.

27) Кн. Левитъ, XXV ; — замѣтьте особенно ст. 23.

28) (къ стр. 35) Заимствовано изъ удивительной брошюры : Le Bilan de la France ou la Misère et le Travail, par Perreymond—Paris, librairie phalanstérienne, 1849. (pg. 43).

28 bis) (къ стр. 37) См. въ Guizot, Cours d'Histoire de la Civilisation en France, построчное сравненіе описанія нравовъ древнихъ Германцевъ Тацита съ описаніемъ нравовъ американскихъ дикарей.

29) Развитіе человѣчества похоже на обращеніе солнца вокругъ земли: Какъ солнце никогда не переступаетъ за Поворотные круги, такъ и человѣчество не идетъ дальше извѣстныхъ предѣловъ нравственной высоты. Припомните къ одному знаменателю достоинство отборнѣйшихъ людей—представителей человѣчества, являвшихся въ разныхъ періодахъ исторіи, и вы найдете, что они равны между собою, что въ ихъ лицахъ человѣчество каждый разъ достигало одной и той-же высоты.

Но вотъ въ чемъ разница между обращеніемъ солнца и развитіемъ нашего рода:—Солнце обращается все въ однихъ и тѣхъ-же предѣлахъ не только по одному измѣренію, отъ сѣвернаго тропика къ южному, оно и по другому измѣренію, въ ширину, отъ Овна къ Вѣсамъ, описываетъ постоянно одну и ту-же линію, Эклиптику. Въ человѣчествѣ-же, хотя и не развиваются въ позднѣйшія времена личности высшія чѣмъ являвшіяся въ предшествовавшіе вѣка, но к о л и ч е с т в о личностей, достигающихъ извѣстнаго уровня нравственнаго развитія, увеличивается съ періода на періодъ. Такъ. обр. линія развитія человѣчества имѣетъ видъ эллипсиса, только не сомкнутаго, а постепенно расширяющагося въ кругъ (спирали).—Глядя на эту линію съ односторонней точки зрѣнія, упуская изъ виду расширеніе человѣчества, повѣришь, что движеніе человѣчества въ самомъ дѣлѣ ничто иное какъ метаніе со стороны въ сторону, приливъ и отливъ, corsi e ricorsi.

Чѣмъ эллипсисъ уже, тѣмъ повороты въ немъ круче, тѣмъ они болѣе перевороты, переломы въ движеніи, тѣмъ больше разъ человѣчество должно начинать снова свой переметный путь отъ одного поворотнаго круга къ другому.

Лишь когда эллипсисъ превратится въ кругъ, движеніе человѣчества пойдетъ плавно, мирно.

Перейдти изъ движенія эллиптическаго въ круговое, зависитъ отъ передоваго отряда человѣчества, каждый разъ, когда онъ достигаетъ высшей точки своего развитія, точки поворота. Будетъ этотъ авангардъ замыкаться, стараться исключить изъ себя остальныхъ людей, онъ снова круто повернетъ, снова будетъ сжатъ по бокамъ тѣми, которыхъ онъ отринулъ отъ себя, и слѣдовательно снова опишетъ эллипсоидъ. Но разомкнись онъ, простри онъ свои объятія всему роду, и крутымъ переломамъ въ движеніи человѣчества конецъ.

30) Auguste Comte авторъ системы Положительной философіи и глава de la société positiviste, которой сочиненія издаваемы въ Парижѣ à la librairie scientifique-industrielle de L. Mathias, 45, quai Malaquais.

31) Ричардъ Львиное Сердце заложилъ свои регаліи чтобъ достать денегъ на крестовый походъ.

32) См. рядъ статей въ P a t r i e Января 1853 г. Loramb'ert'a подъ заглавіемъ: L'i n d u s t r i e f r a n ç a i s e.

33) "Продажей государственныхъ имуществъ (biens nationaux) въ 1789 года 30,000 большихъ помѣстьевъ принадлежавшихъ духовенству, дворянству, коронѣ и общинамъ были раздроблены между 1,220,000 собственниковъ". (См. La P r e s s e du 22 janv. 1852. Du Morcellement de la rente, par P a r a d i s).

34) См. первыя страницы его книги La Politique universelle:— De toutes les puissances de l'ancien continent, une seule depuis la chûte de l'empereur Napoléon, une seule empêche la paix de s'affermir et de se transformer en régime définitif, au lieu de n'être qu'une trêve dispendieuse; une seule inquiète tous les autres peuples dans la conservation de leur indépendance et de leur nationalité: c'est la Russie". (Изъ всѣхъ державъ древняго свѣта одна только, со времени паденія Наполеона, мѣшаетъ миру установиться и заступить мѣсто дорого стоющаго нынѣшняго перемирія; одна только тревожитъ всѣ прочіе народы, угрожая ихъ независимости: это Россія.)

35) Ср. Шиллера статью: Etwas ueber die erste Menschengesellschaft nach dem Leitfaden der Mosaischen Urkunde.

36) Г. Рейфъ, въ своемъ Этимологическомъ Лексиконѣ русскаго языка, просмотренномъ г. Гречемъ, производитъ слово Свобода отъ: свой и буду. Это напоминаетъ производства слова domestique отъ: домъ мести, а кабинетъ отъ: какъ бы нѣтъ.—Слово-же слобода по этимъ филологамъ ничто иное какъ искаженное (altéré) свобода. На самомъ дѣлѣ свобода происходитъ отъ слобода. Самъ г. Рейфъ замѣчаетъ, что слобода значитъ: grand village d'une seule rue qui jouit de quelque franchise; longue rue, faubourg d'une ville. Всякомп знающему Россію не только по книгамъ и канцелярскимъ бумагамъ извѣстно, что ни въ какомъ народѣ буква Л не картавится такъ часто въ В, какъ въ русскомъ, передъ гласными: а, о, у. Во всемъ сѣверо-восточномъ краѣ Россіи заселенномъ Новгородскимъ племенемъ, не услышишь отъ крестьянъ свобода, свободный, а: слобода, слободный.—Уже потому явно, что свобода происходитъ отъ: слобода, что наиболѣе отвлеченныя слова являются всегда наипозже въ каждомъ языкѣ, а свобода представляетъ, надѣюсь, понятіе гораздо болѣе отвлеченное чѣмъ слобода, Freistadt.—Послѣднее, въ свою очередь, происходитъ отъ слабъ (соотвѣтствующаго нѣмецкому schlaff, шведскому slapp). Слова вообще появляются въ языкахъ попарно; выраженіе: Нѣмецъ явилось, на пр., единовременно съ именемъ: Словенинъ. Такъ и слабость, слободность, свободность возникли какъ антитезы къ: крѣпость, крѣпостное (состояніе). — Когда — не говорю ужъ петербургскія академіи, а — яростные русскіе патріоты, Словенофилы, издадутъ изрядный словарь своего языка?—Или такой трудъ можно ожидать только отъ вольной русской типографіи?—Неужели и Лексикологія не можетъ преуспѣвать подъ царскимъ гнетомъ? .. Видно оно такъ; и замѣчательная книжка: Карманный словарь иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ (изданная въ 40-выхъ годахъ), не болѣе чѣмъ исключеніе подтверждающее правило. Впрочемъ не стоитъ большаго умственнаоо усилія, чтобъ понять причину: Лексикологія то-же самое для словесности народа, что анатомія для медицины. Какъ анатомія такъ и лексикологія (или этимологія) могутъ преуспѣвать только тогда, когда онѣ ведены путемъ сравнительнымъ, раціональнымъ. А чего-чего не выведешь изъ сравнительной, раціональной анатоміи языковъ!—Вѣдъ номенклатура (наименованіе) предметовъ первая ихъ классификація, сортировка. Простымъ нарицаніемъ и указаніемъ предметовъ началась рѣчь человѣческая; тѣмъ-же она и кончится; конецъ будетъ похожъ на начало. Фразы или предложенія суть только нѣчто промежуточное между

первобытною номенклатурою предметовъ и окончательною. Фраза существуетъ лишь вслѣдствіе того, что человѣкъ находитъ первоначальное наименованіе предметовъ недостаточнымъ; мнѣ стоитъ поставить рядомъ какое-бы то ни было подлежащее связь и какое бы то ни было сказуемое, чтобъ этимъ самымъ уже выразить порицаніе существующей номенклатуры въ языкѣ, которымъ я говорю. Какой смыслъ можетъ имѣть каждое изъ произносимыхъ мною грамматическихъ предложеній, если не слѣдующій: "Мнѣ кажется, что подлежащее (А) должно означать сказуемое ⊥или-В (быть связано съ нимъ), но какъ ⊥ В или В само собою разумѣется подъ словомъ А, то я считаю нужнымъ высказать или выказать (указать, доказать) это, дабы впредь слово А всегда въ умѣ моего слушателя сочеталось съ сказуемымъ или прилагательнымъ (В ⊥или-)".

Но отсюда явно, что всевозможныя фразы, произносимыя въ какомъ-либо народѣ (языкѣ тожъ), имѣютъ свою причину бытія въ его номенклатурѣ, словарѣ, точнѣе сказать: въ его этимологіи, словопроизводствѣ. Означаются-ли два какихъ-либо предмета на одномъ языкѣ двумя сродственными между собою звуками или, напротивъ, двумя совершенно другъ отъ друга разными, я тотчасъ въ правѣ заключить, что первый народъ ставитъ тѣ два предмета въ одну группу считаетъ ихъ за одно, между-тѣмъ какъ другой принимаетъ ихъ какъ двѣ различныя единицы. Так. обр. словарь представляетъ основу, канву всего образа мыслей народа, изглагать который цензура дозволяетъ лишь подъ извѣстными условіями.

37) Изъ поэмы: Братья Разбойники.

38) Въ дальнѣйшей индивидуализаціи, говоритъ Гервинусъ въ Введеніи къ исторіи XIX столѣтія.—Аугсбурская газета говоритъ: "Намъ, напротивъ того, кажется, что по закону развитія цивилизаціи, общества подобно нашимъ уже перешедшія свою апогею, непреодолимо стремятся еще разъ сплотиться подъ вліяніемъ единодержавія". (Beilage zum Blatt vom 20 Oct. 1853).

39) Вотъ слова Фейербаха: Alles ist ja nur, weil est nothwendig ist, Alles entsteht nur aus Noth, Mangel, Bedürfnisz. Selbst der Luxus verdankt nur dem Bedürfnisz seinen Ursprung .... Das beschränkte, unvollkommene Wesen ist allein produktiv, denn es begehrt die Freiheit und Vollkommenheit, und nur die Begierde ist zeugungskräftig; aber das vollkommene Wesen ist befriedigt in sich, hat also keinen Trieb und Grund zur Schöpfung und Zeugung, wenigstens eines anderen unvollkommenen Wesens". (Sämmtliche Werke, Bd. V, S 211).

Прудонъ говоритъ въ Philosophie du Progrès: "Il n'y a rien pour un être hors de sa plénitude, qui est sa glorification, pas plus qu'il n'y a de complément à l'univers". (pg 87.)

40) De l'humanité.

41) Consuelo, La comtesse de Rudolstadt.

42) Max Stirner, Der Einzige und sein Eigenthum.

43) Къ Нигилизму дошли съ двухъ весьма разныхъ точекъ отправленія античный философъ Артуръ Шопенгауеръ (котораго главное твореніе: Die Welt als Wille und Vorstellung) и критикъ Бруно Бауэръ.—Русскимъ можетъ-быть будетъ интересно узнать, что г. Бауэръ ихъ считаетъ орудіями предназначенны-

ми къ приведенію всего что ни есть къ нулю. Это изложено въ его книгѣ: Russland und das Germanenthum.

44) Не странно-ли, что Штирнеръ, проповѣдникъ эгоизма, и А. Комтъ, превозноситель любви къ ближнему подъ именемъ altruisme'a, сходятся въ утвержденіи, что человѣчество (въ западной Европѣ) теперь переходитъ изъ возраста юношескаго въ возмужалость?

II

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ СТР. 11

Письмо мое къ Александру II, писанное съ горяча послѣ вѣсти о смерти Николая—устарѣло. Я можетъ его не напечаталъ бы, но оно подало поводъ къ недоразумѣніямъ, мнѣ совѣтовали оставить его въ сторонѣ, меня просили его не печатать. Это заставило меня призадуматься. Въ совѣтахъ я видѣлъ не одно непониманье, а можетъ и недовѣріе, тогда я твердо рѣшился его напечатать.

Смыслъ этого письма такъ ясенъ, такъ простъ и такъ безусловно чистъ, что я смѣло беру на себя всю нравственную отвѣтственность за него.

Насъ упрекаютъ въ любви къ кровавымъ средствамъ, въ революціонномъ дилетантизмѣ, я хотѣлъ показать что это несправедливо, что мы гораздо *скромнѣе*, *самоотверженнѣе*, что я съ своей стороны готовъ бы былъ умолкнуть, еслибъ Александръ II *освободилъ крестьянъ съ землею* и далъ бы *свободу книгопечатанія*.

Неужели моя рѣчь важнѣе этихъ двухъ мѣръ?—Слишкомъ много чести.

Да, онъ не можетъ этого сдѣлать—это его дѣло.

Да вообще слѣдуетъ-ли, дозволено-ли, можно-ли писать къ "деспотамъ и тиранамъ" или если можно, то не должно-ли сначала поставить кой-какое крѣпкое словцо и заключить бранью—въ родъ и родъ, проклиная бабку и прабабку.

Что касается до дозволенія, я его имѣю, оно мнѣ дано моей совѣстью; на счетъ тона—это мой естественный тонъ, я думаю сверхъ того, что свободные люди, уважающіе себя, никогда не ругаются и ни съ кѣмъ, особенно когда это безопасно. Я не навижу все грубое, цинизмъ выраженій всегда выражаетъ циническую душу. Наше время слишкомъ серьезно чтобъ довольствоваться пустою бранью. Я въ императорѣ Александрѣ вижу сильнаго представителя противуположнаго намъ начала, враждебнаго намъ стана, я уважаю въ немъ *нашу* борьбу.

Я могъ не обращаться къ нему, хотя письмо мое явнымъ образомъ такъ-же мало относится къ нему одному, какъ письмо Маццини (1847) къ Пію IX относилось къ одному папѣ; но обратившись я не могъ, я не долженъ былъ говорить иначе.

И—ръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Стр.

Введеніе III

Письмо къ Александру II. 11

Что такое государство? 15

Переписка П. Гоголя съ В. Бѣлинскимъ 63

Былое и Думы 79

"Возрожденіе" Мишлэ 196

Письмо И. Мишлэ 209

Новгородъ и Владиміръ 212

Анонимное Письмо 219

Отвѣтъ 220

Нѣтъ соціализма безъ республики 224

Къ нашимъ 229

Письмо Дж. Мадцини 235

Письмо В. Гюго и П. Прудона 237

Примѣчанія 239

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT :
Zeno Swiętosławski, 178-179, High Holborn, London.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.